ЖУРНАЛ 2016 '3-4 (78-79)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский (председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарапо

Редактор английского текста:
Любовь Кравец

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Наш адрес:
Беларусь, 220701, Минск, ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
http://www.beljournal.evolutio.info/

Издание зарегистрировано в Министерстве информации Республики Беларусь. Свидетельство № 804 от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО

Роль ИКАО в обеспечении безопасности полетов гражданских воздушных судов в ситуации вооруженного конфликта на территории государства ..... *Л. В. Павлова* 3

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Эволюция правового регулирования свободы движения услуг: от общего рынка к Евразийскому экономическому союзу ..... *Ю. А. Лепешков* 10

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Значение правоприменительной практики Европейского суда по правам человека в аспекте реализации принципа пропорциональности в отношениях между адвокатом и судом ..... *В. В. Заборовский* 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Правовое регулирование трансграничных трудовых отношений в рамках Евразийского экономического союза ..... *Л. А. Ведерникова* 22

О коллизионном регулировании договоров оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий ..... *В. В. Шилко* 28

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН № 112 (LXVII) — 2016: по вопросу о международном сотрудничестве с точки зрения защиты и решений 33

Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН № 113 (LXVII) — 2016: по вопросу о молодежи 36

международные отношения

Феномен Фиделя Кастро ..... *А. А. Челядинский* 38

Баланс сил и политика альянсов в Италии во второй половине XV в.: к истории становления дипломатии Нового времени ..... *Д. В. Мазарчук* 47

Гістарыяграфія знешнепалітычнай дзейнасці БССР (1944—1991 гг.) ..... *А. В. Гурын* 53

международные экономические отношения

Методология развития инноваций в мировой индустрии туризма ..... *Л. Н. Давыденко, Д. В. Ялтыхов* 60

Формирование промышленной политики Кыргызстана и реформирование его промышленного комплекса в период с 1991 по 2015 г. ..... *В. Л. Гурский* 66

Продовольственная проблема в жизни современной цивилизации ..... *Е. А. Зеленская* 75

Социально-экономическое содержание человеческого капитала и его влияние на инновационную восприимчивость экономики ..... *Т. В. Данильченко* 84

Ключевые тенденции развития международной гостиничной индустрии в условиях глобализации ..... *В. М. Дедок* 93

JOURNAL 2016

'3-4 (78-79)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Victor Shadurski (chairman)
Vladizmir Astapenka
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Edutor:
Liubou Kravets

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Our address:
International Non-governmental Association for Scientific Research, Information and Educational Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121, Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
http://www.beljournal.evolutio.info/

The journal is licenced by the Ministry of Information of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
International Non-governmental Association for Scientific Research, Information and Educational Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL AIR LAW

Role of the International Civil Aviation Organization in Ensuring the Safety of a Civil Aircraft in the Situation of an Armed Conflict on the Territory of a State ..... *Ludmila Pavlova* 3

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Evolution of the Freedom of Services Movement Legal Regulation: from the Common Market to the Eurasian Economic Union ..... *Yury Lepeshkov* 10

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Significance of the Legal Practice of the European Court of Human Rights in the Aspect of Implementation of the Principle of Proportionality between the Lawyer and the Court ..... *Viktor Zaborovsky* 17

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Legal Regulation of Cross-border Labor Relations within the Framework of the Eurasian Economic Union ..... *Ludmila Vedernikova* 22

On the Conflict Regulation of Contracts on Rendering Medical Services on the Application of Assisted Reproductive Technologies ..... *Victoria Shilko* 28

DOCUMENTS AND MATERIALS

UNHCR Executive Committee Conclusion on International Cooperation from a Protection and Solutions Perspective (N 112 (LXVII) — 2016) 33

UNHCR Executive Committee Conclusion on Youth (N 113 (LXVII) — 2016) 36

INTERNATIONAL RELATIONS

Fidel Castro Phenomenon ..... *Alexandr Chelyadinsky* 38

Balance of Power and the Policy of Alliances in Italy in the Second Half of the 15th Century: towards the History of the New Time Diplomacy Formation ..... *Dmitry Mazarchuk* 47

Historiography of the BSSR Foreign Policy (1944—1991) ..... *Alexander Gurin* 53

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Innovation Development Methodology in the World Tourism Industry ..... *Leonid Davydenko, Dzmitry Yaltykhau* 60

Formation of the Industrial Policy in Kyrgyzstan and Its Industrial Complex Reform Process from 1991 to 2015 ..... *Vasili Hurski* 66

The Food Problem in the Life of Modern Civilization ..... *Olena Zelenska* 75

Socio-Economic Content of the Human Capital and Its Influence on the Economic Innovative Receptivity ..... *Tatsiana Danilchanka* 84

Key Trends of the International Hotel Industry Development within the Context of Globalization ..... *Viktoria Dedok* 93

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 3—9.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 3—9.

РОЛЬ ИКАО В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ ГРАЖДАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В СИТУАЦИИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВА

Людмила Павлова

В статье на основе анализа документов, разработанных в рамках Международной организаци гражданской авиации (ИКАО), доказывается значимость ее правотворческой деятельности, регулирующей безопасность полетов иностранных гражданских воздушных судов над территорией государств, находящихся в зоне вооруженного конфликта. При этом автор акцентирует внимание на том, что полеты иностранных гражданских воздушных судов осуществляются в воздушном пространстве государства, где доминирует принцип абсолютного суверенитета государства над своим воздушным пространством, что обусловливает рекомендательный характер большинства документов ИКАО, включая базисный документ «Руководство по мерам безопасности, принимаемым в связи с военной деятельностью, потенциально опасной для производства полетов гражданских воздушных судов» 1990 г., и объясняет закрепление в документах ИКАО широких дискреционных полномочий государства, на территории которого происходит вооруженный конфликт, как в решении вопроса, касающегося ограничения или запрещения авиапролета иностранного гражданского воздушного судна через его воздушное пространство, так и в выполнении таким государством рекомендаций, содержащихся в указанном документе, и их имплементации в национальном законодательстве.

Ключевые слова: вооруженный конфликт; Международная организация гражданской авиации; международный полет гражданского воздушного судна; принцип суверенитета государства над своим воздушным пространством; рекомендации ИКАО по обеспечению безопасности полетов гражданской авиации.

«Role of the International Civil Aviation Organization in Ensuring the Safety of a Civil Aircraft in the Situation of an Armed Conflict on the Territory of a State» (Ludmila Pavlova)

On the basis of the documents elaborated within the framework of the International Civil Aviation Organization (ICAO), the article proves significance of the Organization's legislation activity regulating safety of the foreign civil aircrafts flights over the territory of states amidst the armed conflict. At this, the author is making a focus on the fact that foreign civil aircraft flights are conducted in the air space of the State with a dominating principle of an absolute state sovereignty over its air space, which provides for the recommendatory nature of the majority of ICAO legal acts, including the basic document Manual Concerning Safety Measures Relating to Military Activities Potentially Hazardous to Civil Aircraft Operations of 1990, and explains the stipulation of wide discretionary powers of the State amidst the armed conflict in both decision-making relating to limitation of foreign civil aviation flights over its air space as well as in implementing recommendations contained in the above-mentioned document by the State and their implementation in the national legislation.

Keywords: armed conflict; ICAO recommendations on providing safety of the foreign civil aircraft flights; International Civil Aviation Organization; international flight of a civil aircraft; principle of the state sovereignty over its air space.

Author:
***Palvova Ludmila** — Candidate of Law (PhD), Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: pavlova2619@rambler.ru*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Автор:
Павлова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: pavlova2619@rambler.ru*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Коннова Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Старовойтов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, директор Юридического колледжа Белорусского государственного университета

Введение

В настоящее время рост востребованности гражданской авиации для перевозки пассажиров и грузов сопровождается увеличением количества авиационных катастроф. Причем причинами таких катастроф, имевших наиболее трагические последствия, являлись пролеты через воздушное пространство государства, где идут военные действия или возможны вооруженные конфликты.

В этом контексте весьма показателен инцидент уничтожения воздушного судна авиакомпании «Малайзийские авиалинии» зенитной ракетой, выпущенной из противовоздушного зенитного комплекса «Бук», над Восточной Украиной 17 июля 2014 г., в результате чего погибли 298 пассажиров и членов экипажа, 193 из которых являлись нидерландскими гражданами. Беспрецедентно огромное количество жертв данной катастрофы обусловливает актуальность исследования эффективности деятельности ИКАО, призванной согласно Конвенции о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. (далее — Чикагская конвенция) «обеспечивать безопасное и упорядоченное развитие международной гражданской авиации во всем мире» и «способствовать безопасности полетов в международной аэронавигации» (ст. 44) [3]. Более того, в рабочих документах Второй конференции высокого уровня ИКАО, посвященной безопасности полетов, которая проходила в Монреале в феврале 2015 г., указывалось, что «в мировой авиации с начала 70-х годов прошлого века имело место в общей сложности более 50 авиакатастроф с большим количеством человеческих жертв, связанных с уничтожением или причинением серьезного ущерба гражданским воздушным судам в результате применения против них оружия» [4]. Подобные инциденты, как правило, происходят во время внутренних вооруженных конфликтов на территории государств, через воздушное пространство которых проходят маршруты полетов гражданских воздушных судов.

Вместе с тем следует учитывать, что полеты иностранных гражданских воздушных судов осуществляются в воздушном пространстве другого государства, где действует общепризнанный принцип международного воздушного права — принцип абсолютного суверенитета государства над своим воздушным пространством, являющимся продолжением территории государства. Такой статус воздушного пространства оказывает определяющее влияние на характер правотворческой функции ИКАО, которая для обеспечения безопасности полетов гражданской авиации может разрабатывать лишь рекомендации для государств-членов, а не обязательные для реализации международные стандарты. Дополнительной мотивацией для рассмотрения деятельности ИКАО в ситуации вооруженного конфликта является то, что в финальном докладе Нидерландского совета по безопасности от 13 октября 2015 г., которому Украина делегировала свои полномочия по расследованию причин крушения Малайзийского боинга, что соответствует положениям пункта 5.1 приложения 13 к Чикагской конвенции, содержалась, весьма спорная оценка позиции ИКАО в ситуации указанной авиакатастрофы. В работе указанного органа принимали участие представители Малайзии (государство-эксплуатант и государство регистрации), Украины (государство, где произошла трагедия), Российской Федерации (государство, предоставляющее информацию по запросу), Австралии (государство, предоставляющее информацию по запросу, и государство, 27 граждан которого пострадали), США (государство — производитель самолета), Соединенного Королевства (государство — дизайнер и производитель моторов) [см.: 8; 10]. Таким образом, Нидерландский совет по безопасности трансформировался в Международную комиссию (далее — Комиссия). Целью созданной Комиссии в соответствии с приложением 13 (п. 3.1) являлось «предотвращение авиационных происшествий и инцидентов в будущем», но не установление доли чьей-либо вины или ответственности [8]. В финальном докладе Комиссии не только анализировались причины катастрофы малайзийского боинга, но и определялась эффективность превентивных мер, принятых оператором Малайзийской авиакомпании, Украиной, Российской Федерацией для предотвращения авиационной катастрофы. Что касается ИКАО, то в выводах Комиссии ее деятельность в ситуации вооруженного конфликта в Украине была признана недостаточно активной. Для выяснения обоснованности критики Комиссии в адрес ИКАО представляется целесообразным рассмотреть документы, разработанные в рамках ИКАО в целях обеспечения безопасности полетов гражданской авиации в ситуации вооруженного конфликта на территории государства.

Правовая оценка документов ИКАО

Необходимо отметить, что уже в учредительном документе ИКАО — Чикагской конвенции, которую ратифицировали все государства — члены ИКАО (191 государство), в статье 9 предусматривается, что государство «может по соображениям военной необходимости или общественной безопасности ограничивать или запрещать на единообразной основе полеты воздушных судов других государств над определенными зонами своей территории». Хотя большинство государств — членов ИКАО, включая Республику Беларусь [1], воспроизвело положения указанной статьи Конвенции в своих воздушных кодексах, ее недостатком является абстрактность формулировки и воз-

можность применения в ситуации как военного положения, так и мирного времени. Поэтому первым базовым документом, разработанным в рамках ИКАО и предназначенным для использования только в ситуации вооруженного конфликта на территории государства, следует считать Руководство по мерам безопасности, принимаемым в связи с военной деятельностью, потенциально опасной для производства полетов гражданских воздушных судов 1990 г. [9] (далее — Руководство 1990 г.).

Показательна причина принятия данного документа. Его разработка была инициирована Аэронавигационной комиссией после расследования обстоятельств уничтожения 3 июля 1988 г. иранского самолета «Эйрбас А-300» ракетой, выпущенной американским военным эсминцем. Данный документ рассматривает, прежде всего, вопросы координации действий между военными полномочными органами и службами воздушного движения соответствующего государства. В части, касающейся координации деятельности военных полномочных органов и служб воздушного движения, данный документ дополняет положения приложения 11 к Чикагской конвенции. Эти положения применимы в случае как различных военных маневров и учений, проводимых военными силами внутри одного государства, так и вооруженного конфликта. Кроме того, они касаются также потенциально опасной деятельности над территорией государства и над территорией открытого моря. Представляет интерес рекомендация, приведенная в пункте 2.18 приложения 11, устанавливающая: «Если соответствующий полномочный орган обслуживания воздушного движения (ОВД) находится не в том государстве, где расположена организация, планирующая такую деятельность, координацию первоначально следует осуществлять через полномочный орган ОВД, ответственный за воздушное пространство над государством, где эта организация расположена» [6]. Такая ситуация может возникнуть и в период внешнего вооруженного конфликта. Преимуществом Руководства 1990 г. является то, что, дополняя и расширяя положения приложения 11 к Чикагской конвенции, оно содержит положения, применимые только к обеспечению безопасности гражданских воздушных судов в ситуации вооруженного конфликта.

В частности, в Руководстве констатируется, что в ситуации вооруженного конфликта координация между гражданскими и военными уполномоченными органами приобретает еще большее значение (п. 10.1). Это положение применяется, несмотря на норму, закрепленную в статье 89 Чикагской конвенции, предусматривающую свободу действия любого затронутого войной государства. Кроме того, Руководством выделяются «операции в конфликтных районах или в районах потенциальных военных конфликтов» как один из примеров потенциально опасной для гражданского воздушного судна ситуации. Руководство акцентирует внимание, прежде всего, на три инструмента обеспечения безопасности полетов. Один из них, регламентируемый вышеназванной статьей 89 Чикагской конвенции, в Руководстве 1990 г. трактуется более детально [9].

Так, в пункте 9.1 данного документа указывается, что ограничение воздушного движения в идеальном случае представляет собой «выбор места для проведения потенциально опасной деятельности за пределами опубликованных маршрутов ОВД и контролируемого воздушного пространства». В пункте 9.3 более конкретно отмечается об установлении так называемых эшелонов полета — высоты, на которой или выше которой гражданские воздушные суда могут находиться, не подвергаясь опасности. В самом крайнем случае, когда невозможно закрыть для полетов какую-то зону, рекомендуется заключить между ОВД (организацией воздушного движения государства, над территорией которого должен проходить полет) и заинтересованным государством договор об использовании альтернативных маршрутов или при отсутствии таковых — временных маршрутов. Более того, в пункте 10.3 устанавливаются следующие обязанности государства, отвечающего за обслуживание воздушного движения:

— определить географический район конфликта;

— оценить опасность или потенциальную опасность для выполнения полетов гражданских воздушных судов международной авиации;

— определить, следует избегать полетов в районе конфликта или через него или полеты могут продолжаться при соблюдении определенных условий.

После этого следует выпустить специальное международное извещение *NOTAM*, содержащее всю необходимую информацию, рекомендации и меры безопасности.

Следовательно, можно сделать вывод, что в документах ИКАО установлена ответственность государства, на территории которого происходит конфликт, за обеспечение безопасности полетов иностранных гражданских судов. В пункте 10.5 отмечается, что меры безопасности, которые необходимо принять, зависят от оценки государством степени опасности для пролета иностранных гражданских воздушных судов. Поэтому государство, обслуживающее воздушное движение, вынуждено принимать сложные решения с учетом того факта, что ошибка может повлечь дополнительные риски для гражданских воздушных судов.

В этом контексте особенно важной представляется вторая рекомендация обеспечения безопасности, содержащаяся в Руководстве и касающаяся обмена информацией между военны-

ми полномочными органами и ОВД. Как указывается в пункте 5.6, «в обычных условиях гражданское воздушное судно не должно совершать полеты в районе опасной военной деятельности; однако в том случае, когда гражданским воздушным судам разрешено пролетать через район потенциально опасной военной деятельности или в непосредственной близости от него, безопасность гражданского воздушного судна может зависеть от точного его опознавания военными органами» [9]. Отсюда следует, что обмен информацией приобретает особое значение в том случае, если воздушное пространство государства по тем или иным причинам не закрыто, с учетом того, что обмен информацией предполагает тесное взаимодействие военных органов с органами, отвечающими за воздушное движение внутри государства.

В этом отношении Руководство дополняет приложение 11 в части координации действий между соответствующими органами, конкретизируя и расширительно трактуя закрепленные в приложении нормы. В частности, в пункте 3.5 Руководства предусматривается, что инициатором координационного процесса являются военные полномочные органы, планирующие опасную для гражданских судов деятельность. При этом указывается, что в случае, если организация, планирующая такую деятельность, размещена в другом государстве, то начальную координацию должны осуществлять органы ОВД государства, в котором такая организация размещена. Информирование предполагает отправку сообщения, содержащего сведения о характере деятельности, затрагиваемом географическом районе, дате, начале и продолжительности деятельности, любых специальных мерах безопасности, которые должны быть предприняты в случае необходимости, а также средствах координации между военными органами и органами ОВД и прочие сведения подобного рода. Разумеется, эти сведения должны поступать максимально своевременно и быстро, для чего рекомендуется применять авиационную фиксированную службу (*AFS*). По поводу авиационной связи, устанавливающей способы и правила обмена информацией, существует целый ряд документов ИКАО. К ним относятся:

— приложение 11 («Авиационная связь»);

— правила аэронавигационного обслуживания. *ABC*. Сокращения и коды ИКАО;

— указатели местоположения (*Doc*. 7910);

— условные обозначения летно-эксплуатационных агентств, авиационных полномочных органов и служб (*Doc*. 8585).

По завершении процесса координации наступает стадия распространения информации. Ответственность за начало этой стадии возлагается уже на орган государства, обслуживающего воздушное движение. ОВД должно уведомить службу аэронавигационной информации (САИ) этого же государства, которая, в свою очередь, отвечает за составление и выпуск извещения *NOTAM*. Полномочный орган в соответствии с приложением 15 к Чикагской конвенции (на что ссылаются в Руководстве [9]) должен не менее чем за 7 дней уведомить об установлении им опасных или запретных зон и не менее чем за 24 ч может сообщить об изменении или отмене планируемой деятельности. Кроме того, в Главе 6 Руководства отмечается обязанность государств обеспечивать военные органы, ответственные за проведение потенциально опасной для гражданской авиации деятельности, следующей информацией о районе деятельности:

— вид полетов гражданских воздушных судов;

— организация воздушного пространства ОВД и ответственный орган ОВД;

— маршруты ОВД, их параметры;

— соответствующие постановления и специальные правила, в том числе о действующих ограничениях в воздушном пространстве [9].

Надо отметить, что в случае, если иностранному гражданскому воздушному судну все-таки разрешено пролетать через район военной деятельности (имеется в виду, что государство не воспользовалось правом на ограничение или запрет полетов над каким-либо районом территории), то согласно пунктам 6.3 и 6.4 соответствующий орган ОВД должен ознакомить военный персонал со средствами и методами опознавания гражданских судов, координации действий с органами ОВД, а также с терминологией и фразеологией, которые используются при связи с органами ОВД или, в крайнем случае, с гражданскими воздушными судами. Однако очевидно, что процесс взаимодействия и обмена сведениями между органами, обеспечивающими воздушное движение в государстве, и военными органами (будь то органы из одной страны или из разных стран) является двусторонним. Военный орган имеет обязательство предупреждать гражданское воздушное судно через ОВД государства регистрации данного судна в соответствии с пунктом 8.1 Руководства, если оно входит в опасную, запрещенную зону или зону ограничения полетов. Кроме того, согласно пункту 5.10.1 Руководства в случае чрезвычайной аварийной ситуации у военного органа есть возможность передать прямое предупреждение гражданскому воздушному суду по специальному аварийному каналу на частоте 121,5 МГц.

Таким образом, в документе достаточно большое внимание уделяется регламентации координированных действий как между военными и гражданскими органами внутри государства, так и между государствами, ответственными за обеспечение безопасности полетов, равно как и за обмен информацией в целях предотвращения возможной опасности для гражданских воздушных судов. Важно также отметить, что, хотя согласно пункту 10.2 Ру-

ководства ответственность за начало координационного процесса в случае вооруженного конфликта лежит на государствах, вооруженные силы которых участвуют в конфликте, ответственность за принятие специальных мер по обеспечению безопасности полетов иностранных гражданских воздушных судов несут государства, обслуживающие воздушное движение в затронутом вооруженным конфликтом воздушном пространстве, т. е. государства, на территории которых происходит такой конфликт.

Кроме изложенных выше средств обеспечения безопасности полетов в ситуации вооруженного конфликта заслуживают внимания еще ряд положений, содержащихся в Руководстве 1990 г. Они тесно связаны с таким вопросом, как обмен информацией между гражданскими воздушными и военными органами. Безопасность полетов гражданских воздушных судов может зависеть от способности военных органов распознать гражданское судно, отличить его от военного. Этому посвящена глава 7 Руководства. В пункте 7.2 указывается список источников информации, которыми может пользоваться полномочный военный орган, чтобы успешно провести процесс опознавания. В этот список входят органы обслуживания воздушного движения, расписания рейсов авиакомпаний, представленные планы полетов, сообщения о вылете и донесения о ходе полета, электронные излучения от борта судна и визуальные наблюдения.

Итак, в Руководстве 1990 г. детально и всесторонне регламентируются права и обязанности военных и гражданских органов государства, на территории которого происходит вооруженный конфликт, и акцентируется внимание на дискреционных полномочиях такого государства в решении вопроса относительно ограничения или запрета пролета иностранного гражданского воздушного судна через его воздушное пространство. Этим и объясняется поведение ИКАО, которая накануне пролета малайзийского боинга над территорией Восточной Украины в своем официальном выпуске, опубликованном 2 апреля 2014 г., ограничилась констатацией риска пролета гражданских воздушных судов над Симферопольским регионом и заявлением о том, что она продолжит следить за ситуацией и способствовать координации сил, действующих на востоке Украины в целях обеспечения безопасности полетов [11].

Вместе с тем через неделю после трагической авиакатастрофы Генеральный секретарь ИКАО Раймон Бенжамен в открытом письме от 24 июля 2014 г. обратил внимание на важность закрепленных в Руководстве 1990 г. мер по обеспечению безопасности полетов над определенной территорией в случае вооруженного конфликта, призвав государства: *a*) принять к сведению необходимость тесной координации между гражданскими и военными полномочными органами в случае вооруженного конфликта или возможности вооруженного конфликта; *b*) ограничить или запретить на единообразной основе полеты воздушных судов других государств над своей территорией по соображениям военной необходимости или общественной безопасности [7].

Одновременно Генеральный секретарь напомнил и о других нормах, закрепленных в документах ИКАО. Эти нормы предписывают осуществлять координацию между военными и гражданскими полномочными органами в области безопасности авиации, устанавливают главенствующую роль государства в определении географического района конфликта и оценке потенциальных рисков и угроз авиационной безопасности в своем воздушном пространстве, а также указывают на ответственность государства, вооруженные силы которого участвуют в конфликте, за инициирование процесса координации. Генеральный секретарь акцентировал, что такая ответственность закреплена в международном воздушном праве, а именно в Конвенции, стандартах и рекомендациях ИКАО.

Более того, в качестве реакции на катастрофу с боингом следует рассматривать созванную в рамках ИКАО Вторую монреальскую конференцию, разработавшую Декларацию о планировании мер по повышению уровня безопасности полетов глобальной авиации. В ходе конференции, собравшей генеральных директоров гражданской авиации, подчеркивалась роль совместных и скоординированных усилий всех сторон (государств — членов ИКАО и авиакомпаний под руководством ИКАО) в обеспечении безопасности полетов в случае вооруженного конфликта [5]. При этом акцент был сделан на такой механизм, как обмен информацией о безопасности полетов, поскольку наличие доступа к соответствующей и своевременной информации повысит уверенность в собственной безопасности у населения. Кроме того, в ходе этой конференции были подчеркнуты значение деятельности в рамках региональных групп по обеспечению безопасности полетов, направленной на достижение целей Глобального плана безопасности полетов, и необходимость применения принципов управления рисками для безопасности полетов и использования всех имеющихся ресурсов для ускорения процесса нормативного контроля. В рамках конференции была учреждена Целевая группа для изучения рисков для гражданской авиации, возникающих в зонах конфликтов (ЦГ РЗК). Она включала представителей Австралии, Канады, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Японии, Евроконтроля, Организации по аэронавигационному обслуживанию гражданской авиации (КАНСО), Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА) и Меж-

дународной федерации ассоциаций линейных пилотов (ИФАЛПА). Целевая группа подготовила доклад, базируясь на материалах авиационной катастрофы с малайзийским боингом, вновь подчеркнув обязанность государства обеспечивать безопасность в собственном воздушном пространстве и принимать окончательное решение о запрете или ограничении полетов над своей территорией. В докладе ЦГ РЗК указала на необходимость расширить сферу обмена информацией, включив в нее эксплуатационные ограничения и запреты в ответ на факторы риска, связанные с зонами конфликтов, напомнив тем самым и о возможности для государств запретить полеты собственного эксплуатанта в районах за пределами собственного суверенного пространства. В отношении распространения информации о зоне конфликта и факторах риска ЦГ РЗК посчитала важным создать консолидированную систему обмена информацией о безопасности полетов в той или иной конфликтной зоне, выделив в этой связи кратко-, средне- и долгосрочные инициативы, принятие которых будет способствовать улучшению обмена своевременной, надежной и соответствующей информацией [2].

Таким образом, для решения существующих проблем, связанных с обеспечением безопасности полетов в зонах вооруженного конфликта, в докладе предлагалось скоординировать усилия всех государств под эгидой ИКАО, опираясь при этом на документы, разработанные данной организацией.

Заключение

Значительный массив документов, разработанных в рамках ИКАО, доказывает бесспорную значимость ее правотворческой деятельности, регулирующей безопасность полетов иностранных гражданских воздушных судов над территорией государств, находящихся в зоне вооруженного конфликта. Поэтому признание деятельности ИКАО в докладе Нидерландской международной комиссии в ситуации вооруженного конфликта на Украине недостаточно активной представляется необоснованным по следующим причинам: 1) полеты иностранных гражданских воздушных судов осуществляются в воздушном пространстве государства, где доминирует принцип абсолютного суверенитета государства над своим воздушным пространством, что объясняет закрепление в документах ИКАО свободы усмотрения государства, на территории которого происходит вооруженный конфликт, в решении вопроса, касающегося ограничения или запрещения авиапролета иностранного гражданского воздушного судна через его воздушное пространство, и определяет рекомендательный характер большинства документов ИКАО, среди которых центральное место занимает Руководство по мерам безопасности, принимаемым в связи с военной деятельностью, потенциально опасной для производства полетов гражданских воздушных судов 1990 г. в силу его целевой направленности и детальной регламентации механизма взаимодействия соответствующих военных и гражданских органов государства, находящегося в зоне вооруженного конфликта; 2) ответственность государства за обеспечение безопасности полета иностранных гражданских воздушных судов в его воздушном пространстве обусловливает определяющую роль такого государства в выполнении рекомендаций, содержащихся в указанном Руководстве ИКАО 1990 г., и их имплементации в национальном законодательстве.

К сожалению, как показывают проведенные Нидерландской международной комиссией исследования вооруженных конфликтов последних лет в Сирии, Ираке, Афганистане, Йемене и других странах, государства зачастую не следуют рекомендациям ИКАО, подвергая гражданские воздушные суда дополнительным рискам. Более того, эти риски могут усугубляться в случае внутреннего вооруженного конфликта при наличии двух противоборствующих сторон: вооруженные силы государства и сепаратистские антиправительственные силы. В такой ситуации координация действий антиправительственных групп, планирующих опасные для гражданской авиации операции, и полномочных органов государства усложняется из-за отсутствия надлежащей согласованности и обмена информацией между противоборствующими сторонами. Следовательно, даже при наличии разработанного механизма международно-правового регулирования обеспечения безопасности полетов гражданской авиации в ситуации вооруженного конфликта не исключаются авиационные катастрофы, особенно в случае внутреннего вооруженного конфликта, что наглядно проявилось на примере сбитого 17 июля 2014 г. малайзийского боинга.

Список использованных источников

1. Воздушный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-З: принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г.: текст по сост. на 1 окт. 2016 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
2. Доклад целевой группы по рискам для гражданской авиации, возникающим в зонах конфликтов, о ходе выполнения программы работы: док. HLSC/15-WP/3 21/11/14 / Вторая конференция высокого уровня по безопасности полетов 2015 г. (HLSC 2015). Планирование мер по повышению уровня безопасности полетов глобальной авиации (Монреаль, 2—5 февр. 2015 г.) [Электронный ресурс] // Международная организация гражданской авиации. — Режим доступа: <http://www.icao.int/Meetings/HLSC2015/Documents/WP/wp003_ru.pdf>. — Дата доступа: 06.10.2016.

3. Конвенция о международной гражданской авиации: док. 7300/9 [Электронный ресурс] // Международная организация гражданской авиации. — Режим доступа: <http://www.icao.int/publications/Documents/7300_cons.pdf>. — Дата доступа: 05.10.2016.
4. Меры по предотвращению боевых поражений гражданских воздушных судов: док. HLSC/15-WP/64 / Вторая конференция высокого уровня по безопасности полетов 2015 г. (HLSC 2015). Планирование мер по повышению уровня безопасности полетов глобальной авиации (Монреаль, 2—5 февр. 2015 г.) [Электронный ресурс] // Международная организация гражданской авиации. — Режим доступа: <http://www.icao.int/Meetings/HLSC2015/Documents/WP/wp064_ru.pdf>. — Дата доступа: 05.10.2016.
5. Монреальская декларация о планировании мер по повышению уровня безопасности полетов: док. HLSC/15-WP/108 / Вторая конференция высокого уровня по безопасности полетов 2015 г. (HLSC 2015). Планирование мер по повышению уровня безопасности полетов глобальной авиации (Монреаль, 2—5 февр. 2015 г.) [Электронный ресурс] // Международная организация гражданской авиации. — Режим доступа: <http://www.icao.int/Meetings/HLSC2015/Documents/Declaration_and_Recommendations/wp108_ru.pdf>. — Дата доступа: 06.10.2016.
6. Обслуживание воздушного движения: приложение 11 к Конвенции о международной гражданской авиации. Издание тринадцатое, июль 2001 г. [Электронный ресурс] // airspot.ru. — Режим доступа: <http://airspot.ru/book/file/588/an11_cons_ru.pdf>. — Дата доступа: 06.10.2016.
7. Письмо Генерального секретаря ИКАО Раймона Бенжамена от 24 июля 2014 г. Ref. AN 13/4.2-14/59 [Электронный ресурс] // gsga.ru. — Режим доступа: <http://www.gsga.ru/favt_new/sites/default/files/059r.pdf>. — Дата доступа: 05.10.2016.
8. Расследование авиационных происшествий и инцидентов: приложение 13 к Конвенции о международной гражданской авиации. Издание десятое. Июль 2010 г. [Электронный ресурс] // aiadocs.net. — Режим доступа: <http://www.aviadocs.net/icaodocs/Annexes/an13_cons_ru.pdf>. — Дата доступа: 05.10.2016.
9. Руководство по мерам безопасности, принимаемым в связи с военной деятельностью, потенциально опасной для производства полетов гражданских воздушных судов: док. Doc-9554-AN/932. Издание первое, 1990 [Электронный ресурс] // Западносибирское межрегиональное территориальное управление воздушного транспорта Федерального агентства воздушного транспорта Министерства транспорта Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.sibfana.ru/files/9554_cons_ru_1(1).pdf>. — Дата доступа: 05.10.2016.
10. MH-17 Crash: Dutch Safety Board final report, the Hague, October 2015 [Electronic resource] // Dutch Safety Board. — Mode of access: <http://www.onderzoeksraad.nl/uploads/phase-docs/1006/debcd724fe7breport-mh17-crash.pdf>. — Date of access: 05.10.2016.
11. Safety of civil aircraft operating in the Simferopol Flight Information Region (FIR): Safety Bulletin. 15SAB001. 3 April 2014 [Electronic resource] // The International Federation of Air Line Plots; Associations. IFALPA. The Global Voice of Pilots. — Mode of access: <http://www.ifalpa.org/downloads/Level1/Safety%20Bulletins/Air%20Traffic%20Management/15SAB001%20-%20Safety%20of%20civil%20aircraft%20operating%20in%20the%20Simferopol%20Flight%20Information%20Region%20(FIR).pdf>. — Date of access: 15.10.2016.

Статья поступила в редакцию в октябре 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 10—16.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 10—16.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ДВИЖЕНИЯ УСЛУГ: ОТ ОБЩЕГО РЫНКА К ЕВРАЗИЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОЮЗУ

Юрий Лепешков

Настоящая статья открывает цикл из нескольких запланированных автором научных работ, посвященных правовым основам формирования общего рынка услуг в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В статье предпринята попытка исследовать эволюцию правового регулирования свободы движения услуг за более чем 20-летний период — с момента ее первоначального закрепления в Договоре о создании Экономического союза 1993 г., выявить современные тенденции развития интеграционного законодательства ЕАЭС в данной области, а также присущие ему особенности.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Евразийский экономический союз; Евразийское экономическое сообщество; Единое экономическое пространство; единый рынок; единый рынок услуг; общий рынок; свобода движения услуг; сектор услуг; услуги.

«Evolution of the Freedom of Services Movement Legal Regulation: from the Common Market to the Eurasian Economic Union» (Yury Lepeshkov)

The present article opens the cycle of several planned by the author scientific papers devoted to legal grounds of formation of the common market of services in the Eurasian Economic Union. The author undertakes an attempt to study the evolution of the legal regulation of free movement of services during more than a 20-year period — from the moment of its first stipulation in the Agreement on the establishment of the Economic Union of 1993. The main goals of the article: to identify contemporary trends of the EAEU integration legislation development in this field as well as its typical features.

Keywords: common market; common market of services; Eurasian Economic Community; Eurasian Economic Union; Eurasian integration; freedom of services movement; sector of services; services; Single Economic Space; single market.

Author:
***Lepeshkov Yury** — Candidate of Law (PhD), Associate Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: lepeshkovy@mail.ru*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Свобода движения услуг является одной из четырех (наряду со свободой движения товаров, капитала и рабочей силы) широко известных экономических свобод, лежащих в основе создания и функционирования общего (единого) рынка государств — участников Евразийского экономического союза, договор об учреждении которого [5] вступил в силу 1 января 2015 г. Вместе с тем постановка вопроса о необходимости обеспечения вышеуказанных свобод в интересах дальнейшего развития и углубления экономической интеграции ряда постсоветских стран отнюдь не является новацией. Это, как известно, вполне проторенный путь, по которому ранее уже прошли, и довольно успешно, государства — участники Европейского союза и Европейской ассоциации свободной торговли, Андского и Карибского сообществ, Центральноамериканского и Южноамериканского торгово-экономических объединений (союзов).

Сложно сказать, какая из четырех свобод является наиболее важной и значимой, какая из них должна иметь приоритет с точки зрения ее практической реализации. С одной стороны, только все четыре свободы в совокупности могут обеспечить достижение желаемого результата — создание общего рынка, формирование единого экономического пространства (ЕЭП). Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать и тот факт, что именно сектор услуг является в настоящее время наиболее динамичным

Автор:
Лепешков Юрий Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: lepeshkovy@mail.ru*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Старовойтов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, директор Юридического колледжа Белорусского государственного университета
Барковский Игорь Александрович — кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела референтного обеспечения деятельности Председателя Исполнительного комитета — Исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств

и быстро растущим элементом мировой экономики, охватывающим, по данным Всемирной торговой организации, $^{2}/_{3}$ мирового производства и $^{1}/_{3}$ мировой занятости [15]. Аналогичная ситуация наблюдается и на региональном уровне. Так, по сведениям В. С. Каменкова, около 9 млрд дол. США в год составляет емкость рынка торговли услугами на пространстве СНГ [13]. В свою очередь, в Европейском союзе услуги составляют от 60 до 70 % экономической деятельности стран-участниц [25, с. 3]. Да и в ЕАЭС именно рынок услуг представляет собой сегодня самый большой сектор ВВП пяти государств-членов [12].

Данная статья является первой в ряду запланированного автором цикла научных работ, посвященных правовым основам формирования общего рынка услуг в ЕАЭС. Ее цель — раскрыть процесс эволюции, а также выявить современные тенденции и особенности правового регулирования свободы движения услуг в рамках евразийского пространства.

Как уже было отмечено выше, обеспечение свободы предоставления/получения услуг — одна из ключевых составляющих в процессе формирования ЕЭП, которое в соответствии с поручением глав Беларуси, Казахстана и России «как правило, без изъятий и ограничений» [20] было окончательно «запущено» почти два года назад — с 1 января 2015 г., т. е. с момента появления ЕАЭС. Вместе с тем сама по себе идея четырех свобод, включая свободу движения услуг, получила свое нормативное закрепление гораздо раньше. Впервые это произошло еще на заре интеграции — в Договоре о создании Экономического союза [8], заключенном 24 сентября 1993 г. большинством постсоветских стран (подписали Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан; Туркменистан присоединился 22 января 1994 г.; Грузия присоединилась 14 января 1994 г., однако 18 августа 2009 г. вышла из Договора), наконец-то осознавших к тому моменту «объективную необходимость формирования и развития общего экономического пространства, основанного на свободном перемещении товаров, услуг, рабочей силы и капиталов» (преамбула), а также провозгласивших четыре названные свободы одной из ключевых составляющих в деле поэтапного углубления интеграции и создания Экономического союза (ст.ст. 3, 4).

Однако, как справедливо указывает Н. Н. Шумский, Договор от 24 сентября 1993 г. ввиду его рамочного характера олицетворял собой не более чем декларацию о намерениях, не имел прямого действия и требовал для практической реализации содержащихся в нем положений последующих конкретных договоренностей и мер со стороны государств-участников [32, с. 87—88]. Как следствие, для реального «запуска» общего рынка услуг объективно был необходим дополнительный «комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые должны быть приняты и осуществлены в соответствии с отдельными соглашениями» (ст. 4). Кстати, аналогичным образом можно охарактеризовать еще один известный международно-правовой документ той поры — Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. [3], подписанный Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, а также Россией (Таджикистан присоединился в 1998 г.) и обозначивший в качестве одной из основных целей интеграции «формирование единого экономического пространства, предусматривающего эффективное функционирование общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы...» (ст. 2).

По мере осознания важной роли свободы движения услуг в формировании и развитии внутреннего рынка, а также ввиду постоянного и активного роста удельного веса услуг в экономике постсоветских стран стремление государств к надлежащей нормативно-правовой регламентации соответствующих вопросов стало проявляться все более отчетливо. Так, в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, заключенном Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном 26 февраля 1999 г. [9] (прекратил действие с 1 января 2015 г.), формированию общего рынка услуг был посвящен отдельный раздел главы IV, регламентировавшей вопросы создания ЕЭП. Речь, в частности, идет о разделе 5, обозначившем стремление государств-участников:

— предоставлять друг другу на взаимной основе национальный режим доступа на рынок услуг;

— постепенно устранять имеющиеся ограничения доступа на национальные рынки услуг в рамках ЕЭП для юридических и физических лиц государств-участников;

— принять общую программу развития торговли услугами в рамках ЕЭП, опирающуюся на общепризнанные международные нормы и правила (ст. 37).

В дополнение к вышеуказанному стоит отметить, что наряду с внутренними в названном разделе Договора были впервые прописаны и некоторые внешние аспекты торговли услугами. Так, государства-участники приняли на себя обязательства проводить в отношении третьих стран согласованную политику торговли услугами, а также предоставлять друг другу при установлении режима торговли услугами с третьими странами преференциальный режим путем изъятия из режима наибольшего благоприятствования (ст. 38).

10 октября 2000 г. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан заключили Договор об учреждении Евразийского эко-

номического сообщества [4] (прекратил действие с 1 января 2015 г.), в котором, во-первых, четко обозначили свою готовность в полной мере выполнять обязательства, принятые ими в соответствии с упомянутыми выше договорами от 29 марта 1996 г. и от 26 февраля 1999 г. (преамбула), а во-вторых, акцентировали внимание, что главной целью создания Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) является эффективное продвижение процесса формирования Таможенного союза (далее — ТС) и ЕЭП, а также реализация других целей и задач, определенных в вышеназванных соглашениях (ст. 2). При этом, однако, какое-либо упоминание о свободе услуг, да и вообще о секторе услуг в Договоре от 10 октября 2000 г. отсутствовало.

Спустя три года — 19 сентября 2003 г. — Беларусь, Казахстан, Россия и Украина подписали Соглашение о формировании Единого экономического пространства [30], в котором в качестве одной из главных задач было определено «создание условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы» (ст. 2), а также нормативно закреплен механизм разноуровневой и разноскоростной интеграции, подразумевавший право каждой страны-участницы самостоятельно решать, в каких направлениях развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях принимать участие и в каком объеме (ст. 5). Нередко данное Соглашение (вступило в силу 20 мая 2004 г.) причисляют к фальстартам евразийской интеграции [1, с. 9; 11], что обусловлено, прежде всего, последовавшими вскоре известными событиями в Украине («оранжевая революция» и последующая переориентация Украины с евразийской на евроатлантическую интеграцию). Вместе с тем, по нашему мнению, этот документ оказался весьма прогрессивным для своего времени, ибо помимо традиционных общих фраз и призывов к все более тесной интеграции и дальнейшему углублению экономического сотрудничества включал в качестве неотъемлемой составной части Концепцию формирования ЕЭП с конкретным списком запланированных к осуществлению мероприятий. Более того, в Концепции были четко зафиксированы цели и задачи, основные принципы и направления создания ЕЭП, его институциональные основы, правовое, финансовое и информационное обеспечение. Применительно к сектору услуг Концепция, что вполне закономерно, исходила из принципа обеспечения свободного движения услуг, предполагающего «формирование общих правил и подходов для обеспечения полного доступа на рынок услуг и поставщиков услуг в рамках ЕЭП», а также «проведение согласованной политики по доступу третьих стран на рынок услуг и поставщиков услуг ЕЭП» (абз. 3 разд. II Концепции).

В сентябре 2004 г. главы Беларуси, Казахстана, России и Украины утвердили перечень документов по формированию ЕЭП, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке, которые, как предполагалось, должны быть подписаны и вступить в силу одновременно [10]. К сожалению, разработка указанных документов растянулась на несколько лет, в том числе и по причине кардинально изменившейся позиции Украины, которая за это время неоднократно высказывалась за пересмотр базового Соглашения от 19 сентября 2003 г. и даже угрожала выйти из ЕЭП [14]. Наконец, в декабре 2009 г. на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС был утвержден План действий «тройки» (Беларусь, Казахстан, Россия) по формированию ЕЭП [21], предусматривавший разработку, подписание и введение в действие двух пакетов соглашений, включая отдельное соглашение, посвященное торговле услугами. Спустя год — на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС 9 декабря 2010 г. — был окончательно утвержден перечень соглашений, формирующих ЕЭП [24], а также, в числе прочих, подписано Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Единого экономического пространства [29] (далее — Соглашение о торговле услугами), введенное в действие наряду с остальными 16 соглашениями с 1 января 2012 г. [19].

Разработка, заключение и вступление в силу самостоятельного международного договора, посвященного торговле услугами в рамках ЕЭП, стали олицетворением новой тенденции в рассматриваемой области — стремления к более узкой специализации, а также детализации соответствующего правового регулирования. Еще одно яркое свидетельство этой тенденции — вынесение за рамки основного документа (т. е. Соглашения о торговле услугами) и регламентация отдельными договорными актами вопросов доступа к услугам железнодорожного транспорта [28], услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики [26] и транспортировки газа по газотранспортным системам [27], а также вывод за пределы основного текста Соглашения норм, регулирующих торговлю услугами связи (прил. I) и финансовыми услугами (прил. V).

Соглашение о торговле услугами просуществовало всего три года (прекратило действие с 1 января 2015 г.), однако ввиду его новационного характера вполне заслуживает того, чтобы подробнее остановиться на некоторых присущих ему особенностях. Прежде всего, необходимо обратить внимание на ключевые цели, которые поставили перед собой участники данного договора. Во-первых, это создание условий для расширения взаимной торговли услугами и повышения уровня ее либерализации и, во-вторых, формирование единых принципов и правил для взаимной торговли услугами

в государствах — участниках ЕЭП (преамбула). Обозначенные цели во многом предопределили структуру и содержание Соглашения, в котором впервые были даны нормативные определения «торговли услугами» и «поставщика услуг» (ст. 1), регламентирована трансграничная торговля услугами (гл. II), установлена обязательность проведения переговоров сторон не реже одного раза в три года в целях достижения большего уровня либерализации торговли услугами (ст. 11), предусмотрен механизм обеспечения транспарентности (открытости и доступности соответствующего национального законодательства) (гл. V), зафиксировано намерение государств-участников унифицировать свое законодательство в сфере регулирования торговли услугами с учетом международных принципов и стандартов, а также наилучшей международной практики в данной области (п. 1 ст. 16).

Главная заслуга Соглашения о торговле услугами, на наш взгляд, заключается в том, что с его помощью страны ЕЭП смогли продвинуться гораздо дальше в части как нормативного закрепления, так и практического осуществления свободы движения услуг. Именно в данном Соглашении было впервые на постсоветском пространстве четко прописано предоставление его государствами-участниками друг другу национального режима, а также режима наибольшего благоприятствования во взаимной торговле услугами (ст. 9) с сохранением при этом, что вполне объяснимо, отдельных изъятий и ограничений (прил. II и IV). Кроме того, как справедливо указывает А. И. Шумский, в Соглашении о торговле услугами можно отчетливо увидеть две различные категории обязательств: 1) общие для всех государств-участников по созданию единого правового режима в области предоставления услуг и 2) специальные, получившие закрепление в пяти дополняющих Соглашение приложениях, которые взяли на себя стороны по созданию единого рынка и регулирующего его законодательства [31, с. 28].

18 ноября 2011 г. президенты Беларуси, Казахстана и России официально объявили о переходе с 1 января 2012 г. к ЕЭП как «следующему этапу интеграционного строительства», ключевым содержанием которого были обозначены полная реализация потенциала ТС и ЕЭП, совершенствование и дальнейшее развитие договорно-правовой базы, институтов и практического взаимодействия по ряду основных направлений, включая «обеспечение эффективного функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов» [2]. При этом было особо акцентировано внимание на необходимости достижения договоренности по структурным реформам рынков труда, капиталов, товаров и услуг, а также отмечено стремление сторон завершить к 1 января 2015 г. кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП, и на этой основе создать ЕАЭС [2].

Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан 29 мая 2014 г. (далее — Договор от 29 мая 2014 г., Договор о ЕАЭС) и вступил в силу в запланированный срок (1 января 2015 г.) для трех государств — Беларуси, Казахстана и России, а чуть позже — для Армении [7] (2 января 2015 г.) и Кыргызстана [6] (12 августа 2015 г.). Данный договор, ставший результатом кропотливой кодификационной работы, заменил собой более 60 международных договоров, заключенных в рамках формирования ТС и ЕЭП, которые прекратили действовать с момента его вступления в силу. В их числе оказалось и рассмотренное выше Соглашение о торговле услугами, хотя, как верно заметил А. И. Шумский, многие его положения, тем не менее, были заимствованы в ходе разработки Договора о ЕАЭС [31, с. 29].

В Договоре от 29 мая 2014 г. общим вопросам, связанным с торговлей услугами, посвящен раздел XV, цель которого — обеспечение свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в рамках ЕАЭС. Данный раздел дополнен Протоколом о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (далее — Протокол о торговле услугами), являющимся одним из 33 приложений к Договору от 29 мая 2014 г. (прил. 16) и определяющим правовые основы вышеуказанных видов деятельности в государствах — членах ЕАЭС. При этом по аналогии с моделью, принятой в ранее действовавшем Соглашении о торговле услугами, за рамки раздела XV вынесены и регламентированы иными разделами Договора от 29 мая 2014 г. вопросы государственных (муниципальных) закупок (разд. XXII), финансовые услуги (разд. XVI), услуги естественных монополий (разд. XIX), услуги в сфере энергетики (разд. XX) и транспорта (разд. XXI). Кроме того, учитывая специфику услуг электросвязи, особенностям правоотношений, возникающих в связи с торговлей этим видом услуг, посвящен отдельный документ — Порядок торговли услугами электросвязи, являющийся приложением № 1 к Протоколу о торговле услугами.

Даже беглый сравнительный анализ «старого» Соглашения о торговле услугами и соответствующих положений Договора от 29 мая 2014 г. позволяет сделать вывод о преимущественном сохранении в новом документе ранее согласованных сторонами фундаментальных основ построения общего рынка услуг, таких, например, как предоставление национального режима либо режима наибольшего благоприятствования услугам, поставщикам и получателям услуг государств — членов ЕАЭС, обеспечение транспарентности, сохранение сторонами определенных ограничений в отношении тех

или иных услуг и видов деятельности. Вместе с тем обращают на себя внимание и многочисленные новации Договора от 29 мая 2014 г., в частности, касающиеся нормативного закрепления:

— отказа государств — членов ЕАЭС от введения новых дискриминационных мер в отношении торговли услугами лицами других государств-членов по сравнению с режимом, действующим на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС (п. 1 ст. 66);

— мер, направленных на поэтапную либерализацию торговли услугами, осуществляемую на основе принципов оптимизации внутригосударственного регулирования, пропорциональности, недискриминации, взаимной выгоды, последовательности, экономической целесообразности (п. 2 ст. 66, ст. 67);

— административного сотрудничества компетентных органов государств — членов ЕАЭС по вопросам, касающимся торговли услугами (обмен информацией, создание механизма предупреждения нарушений со стороны поставщиков услуг) (ст. 68),

а также взаимного признания разрешений на поставку услуг и профессиональной квалификации работников поставщиков услуг (подразд. 8 разд. VI Протокола о торговле услугами).

Наряду с вышеуказанным обращает на себя внимание существенно расширившийся по сравнению с Соглашением о торговле услугами понятийный аппарат, используемый в Договоре от 29 мая 2014 г. Речь идет, в частности, о нормативном закреплении в Протоколе о торговле услугами таких значимых для надлежащей правовой регламентации соответствующих вопросов категорий, как «заявитель», «компетентный орган», «получатель услуги», «разрешение», «разрешительные процедуры», «разрешительные требования», «сектор услуги». Кроме того, нельзя не упомянуть и об осуществленных в Приложении № 16 к Договору о ЕАЭС конкретизации термина «торговля услугами», а также, что весьма важно, «привязке» определения и классификации секторов услуг к Международному классификатору основных продуктов, утвержденному Статистической комиссией Секретариата ООН (п. 7).

Наконец, самое, пожалуй, главное нововведение Договора от 29 мая 2014 г. заключается в том, что в нем впервые были закреплены правовые основы создания и функционирования в рамках ЕАЭС единого рынка услуг (далее — ЕРУ), который стороны намерены сформировать «в максимальном количестве секторов услуг» (п. 3 ст. 66 Договора от 29 мая 2014 г.). При этом ключевыми элементами правового режима ЕРУ определены следующие:

— отсутствие ограничений, изъятий и дополнительных требований в отношении поставки и получения услуг (за исключением четко оговоренных в Приложении № 2 к Протоколу о торговле услугами);

— поставка услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица;

— поставка услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства-члена;

— признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг (п. 38 Протокола о торговле услугами).

Целесообразно также отметить весьма важные, на наш взгляд, для понимания механизма функционирования ЕРУ положения Протокола о торговле услугами, получившие закрепление в пунктах 39—42. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что правила ЕРУ действуют в отношении государств — членов ЕАЭС только на условиях взаимности. Во-вторых, указанные страны приняли на себя обязательство по поэтапному сокращению изъятий и ограничений, предусмотренных национальными перечнями, утвержденными Решением высшего органа ЕАЭС — Высшего Евразийского экономического совета (далее — ВЕЭС) — от 23 декабря 2014 г. № 112 [16]. В-третьих, секторы услуг, в рамках которых функционирует ЕРУ, а также секторы услуг, подлежащие либерализации, напрямую не регламентированы Договором от 29 мая 2014 г. и определяются решениями ВЕЭС. Применительно к последнему из указанных положений следует обратить внимание на соответствующие акты недоговорного происхождения — решения ВЕЭС от 23 декабря 2014 г. № 110 [17] и от 16 октября 2015 г. № 30 [18]. Данными нормативными правовыми актами, в частности, утверждены перечни секторов (подсекторов) услуг, в которых с 1 января 2015 г. уже функционирует ЕРУ (в настоящее время их число составляет более 40), а также те, по которым формирование ЕРУ будет осуществлено в будущем в соответствии с планами либерализации (более 20 секторов услуг по состоянию на 1 декабря 2016 г.)

Завершая исследование эволюции правового регулирования свободы движения услуг в рамках ЕАЭС представляется целесообразным отметить еще одну ярко выраженную тенденцию последнего времени, а именно — стремление разработчиков нормативно-правовой базы в сфере ЕРУ не только обстоятельно и подробно прописать те или иные правила поведения в рассматриваемой области, но и обеспечить эффективный механизм контроля их выполнения. Речь в данном случае идет о содержащемся в вышеупомянутых решениях ВЕЭС от 23 декабря 2014 г. № 110 и от 16 октября 2015 г. № 30 поручении высшего органа ЕАЭС, адресованном Совету Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), создать рабочие группы в соответствующих секторах (подсекторах) услуг в целях обеспечения функциониро-

вания ЕРУ и, соответственно, о принятых Советом ЕЭК во исполнение указанного поручения нормативных правовых актах [22; 23].

Таким образом, можно констатировать, что за два с лишним десятилетия, прошедших с момента ее первичного закрепления в постсоветских международно-правовых документах, концепция «четырех свобод», включая свободу движения услуг, не только сохранила свою актуальность и востребованность, но и стала одним из системообразующих элементов, фундаментальных устоев евразийской интеграции. При этом к настоящему моменту в рамках ЕАЭС удалось сформировать довольно обширный свод правовых норм, регламентирующих свободное перемещение услуг и получивших закрепление как в договорных (первичных), так и в недоговорных (вторичных, производных) источниках.

Безусловно, развитие правовых основ либерализации торговли услугами на евразийском пространстве вряд ли можно назвать равномерным и последовательным. Тем не менее, именно в последние годы все более отчетливой становится тенденция интенсификации процесса разработки новых и усовершенствования уже существующих норм, регламентирующих свободу движения услуг, усложнения и детализации соответствующего правового регулирования. Яркий тому пример — масштабный Договор от 29 мая 2014 г., положения которого, как справедливо отмечает С. С. Шухно, значительно активизируют интеграционное сотрудничество пяти стран, наполняют его новым содержанием, что, по мнению названного автора, позволит обеспечить реализацию всех четырех свобод в рамках ЕАЭС, включая свободу движения услуг [33]. Вместе с тем важно понимать, что данный документ, как и любое иное межгосударственное соглашение, является результатом согласования различных подходов и точек зрения, итогом компромисса, достигнутого суверенными участниками международного общения в ходе весьма сложного и длительного переговорного процесса. Это, в свою очередь, во многом объясняет наличие в Договоре от 29 мая 2014 г. наряду с массой положительных моментов (достоинств, преимуществ), также и ряда проблемных аспектов (упущений, недостатков), анализ и оценка которых будут предприняты автором в дальнейшем.

Список использованных источников

1. Винокуров, Е. Ю. Экономика ЕАЭС: повестка дня / Е. Ю. Винокуров, Т. В. Цукарев // Евразийская экономическая интеграция. — 2015. — № 4. — С. 7—21.
2. Декларация о евразийской экономической интеграции: [принята в г. Москве 18.11.2011 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
3. Договор между Республикой Казахстан, Республикой Беларусь, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях: [заключен в г. Москве 29.03.1996 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
4. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества: [заключен в г. Астане 10.10.2000 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе: [заключен в г. Астане 29.05.2014 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
6. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.: [заключен в г. Москве 23.12.2014 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
7. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.: [заключен в г. Минске 10.10.2014 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
8. Договор о создании Экономического союза: [заключен в г. Москве 24.09.1993 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
9. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве: [заключен в г. Москве 26.02.1999 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
10. Единое экономическое пространство. История создания ЕЭП [Электронный ресурс] // Россия: подборка статей, ссылок, видео. — Режим доступа: <http://rossiya.takustroenmir.ru/a_rossiya&edinoe-ekonomicheskoe-prostranstvo&1.htm>. — Дата доступа: 20.10.2016.
11. Злотников, Л. ЕАЭС — очередной фальстарт / Л. Злотников [Электронный ресурс] // Хартья'97. — Режим доступа: <https://charter97.org/ru/news/2016/4/5/198244/>. — Дата доступа: 15.10.2016.
12. Индина, М. Реализация единого рынка услуг в рамках ЕАЭС — ключ к успешности интеграции / М. Индина [Электронный ресурс] // K-News. — 10.10.2016. — Режим доступа: <http://knews.kg/252701/ekspert-realizatsiya-edinogo-rynka-uslug-v-ramkah-eaes-klyuch-k-uspeshnosti-integratsii/>. — Дата доступа: 10.10.2016.
13. Каменков, В. С. Проблемы финансовой интеграции в условиях регионализма и глобализации экономики / В. С. Каменков [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
14. Лагун, Д. А. Единое экономическое пространство: становление и развитие / Д. А. Лагун // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию проф. С. Г. Дробязко (Минск, 11—12 окт. 2012 г.). — Минск: БГУ, 2012. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. — Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/29500>. — Дата доступа: 19.10.2016.
15. Любченко, А. А. Международная торговля услугами / А. А. Любченко [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
16. Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации: решение Высш. Евраз. экон. совета от 23 дек. 2014 г. [Электронный ресурс] // Там же.
17. Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза: решение Высш. Евраз. экон. совета от 23 дек. 2014 г. № 110 [Электронный ресурс] // Там же.

18. Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, по которым формирование единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза будет осуществлено в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода): решение Высш. Евраз. экон. совета от 16 окт. 2015 г. № 30 [Электронный ресурс] // Там же.
19. О вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: решение Высш. Евраз. экон. совета от 19 дек. 2011 г. № 9 [Электронный ресурс] // Там же.
20. О направлениях дальнейшего развития интеграционных процессов: решение Высш. Евраз. экон. совета от 29 мая 2013 г. № 30 [Электронный ресурс] // Там же.
21. О Плане действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: решение Межгос. совета Евраз. экон. сообщества от 19 дек. 2009 г. № 35 [Электронный ресурс] // Там же.
22. О рабочей группе по обеспечению функционирования единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза: решение Совета Евраз. экон. комиссии от 28 мая 2015 г. № 33 [Электронный ресурс] // Там же.
23. О рабочих группах по секторам (подсекторам) услуг, по которым формирование единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза будет осуществлено в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода): решение Совета Евраз. экон. комиссии от 12 февр. 2016 г. № 16 [Электронный ресурс] // Там же.
24. О ходе выполнения Плана действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: решение Межгос. совета Евраз. экон. сообщества от 9 дек. 2010 г. № 65 [Электронный ресурс] // Там же.
25. Постникова, Е. В. Свобода предоставления услуг в Европейском союзе: правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Е. В. Постникова; Ин-т гос-ва и права РАН. — М., 2010. — 27 с.
26. Соглашение об обеспечении доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики: [заключено в г. Москве 09.12.2010 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
27. Соглашение о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики: [заключено в г. Москве 09.12.2010 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
28. Соглашение о регулировании доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики: [заключено в г. Москве 09.12.2010 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
29. Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Единого экономического пространства: [заключено в г. Москве 09.12.2010 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
30. Соглашение о формировании Единого экономического пространства: [заключено в г. Ялте 19.09.2003 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
31. Шумский, А. И. Анализ общего интеграционного законодательства Евразийского экономического союза в области инвестиций / А. И. Шумский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2015. — № 2. — С. 26—31.
32. Шумский, Н. Н. Экономический союз новых независимых государств: предпосылки и перспективы создания / Н. Н. Шумский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1999. — № 4. — С. 85—91.
33. Шухно, С. С. Договор о ЕАЭС: перспективы, цели и задачи / С. С. Шухно [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 17—21.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 17—21.

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ АДВОКАТОМ И СУДОМ

Виктор Заборовский

В статье раскрываются практические проблемы, связанные с использованием судами такого распространенного основания привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, как проявление им неуважение к суду. Анализируется правоприменительная практика Европейского суда по правам человека (решения по делу «Штойр против Нидерландов», «Киприану против Кипра», «Никула против Финляндии», «Гюндюз против Турции», «Санди Таймс против Соединенного Королевства»), в которой указывается на необходимость придерживаться баланса между потребностью соблюдать уважительное отношение к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в пределах своих полномочий выполнять обязанности защитника (представителя) по делу. Обращается внимание на то, что необходимость соблюдения такого баланса всеми участниками производства, в том числе и судьями, должна рассматриваться в качестве одного из основных условий надлежащего осуществления правосудия.

Ключевые слова: адвокат; неуважение к суду; ответственность адвоката; практика Европейского суда по правам человека; принцип пропорциональности.

«Significance of the Legal Practice of the European Court of Human Rights in the Aspect of Implementation of the Principle of Proportionality between the Lawyer and the Court» (Viktor Zaborovsky)

The article reveals practical problems relating to the application by courts of such a wide-spread reason to bring the lawyer to disciplinary liability as an expression of his contempt of court. The article provides the analyses of the European Court of Human Rights legal practice (Case of Steur v. the Netherlands, Case of Kyprianou v. Cyprus, Case of Nikula v. Finland, Case of Gündüz v. Turkey, Case of The Sunday Times v. United Kingdom), which reflects the necessity to adhere to the balance between the need to observe the respect to the authority of the judiciary and the necessity of a lawyer to act as the defender (representative) on the case within his powers. The author pays attention to the fact that the necessity to observe this balance among all participants of proceedings, including judges, should be considered as one of the main conditions of the proper administration of justice.

Keywords: contempt of court; lawyer; lawyer liability; practice of the European Court of Human Rights; principle of proportionality.

Author:
***Zaborovsky Viktor** — Candidate of Law (PhD), Associate Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Uzhhorod National University, e-mail: zaborovskyviktor@rambler.ru*
Uzhhorod National University. Address: 3, Narodna Square, Uzhhorod, Transcarpathian region, 88000, UKRAINE

Одним из самых распространенных поводов для дисциплинарной ответственности адвоката является обращение суда (судьи) в соответствующие квалификационные комиссии по поводу проявления неправомерного поведения адвоката. В то же время наиболее применяемым основанием, которым обосновывают суды (судьи) такие обращения в комиссии, есть их указание на правонарушения, посягающие на установленный порядок осуществления правосудия, а именно на совершение адвокатом деяния, которое квалифицируется в качестве неуважения к суду. Актуальность исследования проявляется в раскрытии проблемы соблюдения надлежащего баланса между потребностью соблюдать уважительное отношение к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в пределах своих полномочий

Автор:
Заборовский Виктор Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Ужгородского национального университета, *e-mail: zaborovskyviktor@rambler.ru*
Ужгородский национальный университет. Адрес: 3, пл. Народная, Ужгород, Закарпатская обл., 88000, УКРАИНА

Рецензенты:
Булеца Сибилла Богдановна — доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Ужгородского национального университета
Павлова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

выполнять обязанности защитника (представителя) по делу. Учитывая то, что ни украинский, ни белорусский, ни российский законодатель должным образом не регулируют указанный вопрос, важное значение имеет правоприменительная практика Европейского суда по правам человека.

Проблема взаимодействия адвоката с судом была предметом исследований ряда ученых. Так, отдельные аспекты данной проблемы изучали П. А. Астахов [1], Т. Г. Дабижа [2], М. М. Кипнис [4], В. В. Хахин [14] и др. Вместе с тем и сегодня остается достаточное количество дискуссионных вопросов в данной сфере.

Целью данной статьи является анализ значения правоприменительной практики Европейского суда по правам человека в аспекте реализации принципа пропорциональности в отношениях между адвокатом и судом. Автор ставит перед собой следующие задачи: раскрыть сущность указанных взаимоотношений, в частности в аспекте проблемы возможности существования случаев непредвзятого отношения суда к деятельности адвоката; исследовать практику Европейского суда по вопросам действия принципа пропорциональности и на основе проведенного анализа выявить пробелы и недостатки правового регулирования, касающиеся соблюдения баланса между авторитетом суда и необходимостью выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей по защите интересов клиента.

В одной из работ [3] нами исследуется состояние правового регулирования ответственности за проявление неуважения к суду в Украине, Российской Федерации и в странах англосаксонской правовой системы. Обращается внимание на то, что украинский и российский законодатели определенным образом различаются в своем отношении к ответственности за проявление неуважения к суду. Так, украинский законодатель исходит из того, что проявление неуважения к суду — это административный проступок (ст. 185-3 Кодекса Украины об административных правонарушениях [8]), в то время как российский — рассматривает такое деяние и в качестве административного проступка (как отмечают некоторые ученые [14, с. 212], неуважением к суду есть и такие деяния, как невыполнение законного распоряжения судьи или судебного пристава о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, ответственность за которые предусмотрена статьей 17.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7]), и в качестве преступления (ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации [11]) в том случае, если такие действия выразились в оскорблении участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Следует отметить, что белорусский законодатель, подобно украинскому, неуважение к суду рассматривает в качестве административного проступка (ст. 24.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [6]).

Несмотря на наличие такой разницы в подходах к ответственности за проявление неуважения к суду, объединяющим фактором для украинского, белорусского и российского законодателя является непредсказуемость в последствиях применения норм, регламентирующих такую ответственность. Такая непредсказуемость обусловлена тем, что законодателями не только четко не закреплен перечень деяний, которые следует квалифицировать в качестве неуважения адвоката к суду, но и не указывается на признаки, которые бы предоставили возможность отграничить данное деяние от других подобных деяний (например, обоснованной критики адвоката в адрес судьи). Все это на практике привело к случаям, когда судья практически самостоятельно определяет, какие действия адвоката могут быть расценены как неуважение к суду. А это, к сожалению, не исключает на практике возможных случаев предвзятого подхода судьи к деяниям того или иного адвоката.

Примеры вышеуказанного предвзятого, неправомерного поведения со стороны суда относительно адвоката как участника процесса, к сожалению, прослеживаются и в правоприменительной практике суда. Так, например, в судебных решениях вышестоящих судов (постановление апелляционного суда Волынской области от 10 января 2014 г. (дело № 0306/6360/2012) [12] и постановление Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел от 29 августа 2012 г. (дело № 5-1892км12) [13]), отменяющих решения нижестоящих судов, указывалось на безосновательность ссылок на нарушения адвокатом требований законодательства об адвокатуре и проявление им неуважения к суду в судебном заседании. Вышестоящими судами также обращалось внимание на то, что хотя некоторые высказывания адвоката и были не совсем корректными, но они балансировали между потребностью соблюдать уважительное отношения к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в пределах своих прав и обязанностей осуществлять полномочия защитника, а поэтому беспрекословно считать такие высказывания проявлением неуважения к суду нельзя, поскольку они не могут быть расценены как критика общих, профессиональных и других качеств председательствующего.

Как уже говорилось, в отсутствии регулирования указанного вопроса белорусским, российским и украинским законодательствами следует обратить внимаие на правоприменительную практику Европейского суда по правам человека. Так, о необходимости придерживаться баланса между потребностью со-

блюдать уважительное отношение к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в пределах своих полномочий выполнять обязанности защитника (представителя) по делу, который в юридической литературе получил название принципа пропорциональности [4, с. 20], говорится в нескольких решениях Европейского суда по правам человека. Вызывает интерес решение указанного Суда по делу «Штойр против Нидерландов» (*Steur — Netherlands*) по жалобе № 39657/98 от 28 октября 2003 г. [18]. В данном случае заявитель — адвокат, представлявший интересы лица суринамского происхождения, заявлял, что следователь службы социального обеспечения осуществлял недопустимое давление на его клиента (используя незнание им языка) с тем, чтобы добиться от него разоблачительных показаний. В свою очередь данный следователь подал на заявителя жалобу в порядке дисциплинарного производства, утверждая, что адвокат занимался распространением необоснованных вымыслов, которые порочили его репутацию. Принимая решение, Европейский суд по правам человека указал, что границы допустимой критики в некоторых обстоятельствах могут быть шире в отношении должностных лиц государства. Указывалось на то, что критические высказывания касались данного лица в качестве следователя работника службы социальной защиты, были ограничены помещением зала суда и не были такими, чтобы их можно было приравнять к личным оскорблениям. Кроме этого, отмечалось, что правовая оценка заявлений адвоката не должна приводить к так называемому «замораживающему эффекту» относительно выполнения им своих профессиональных обязанностей по защите интересов клиента в будущем.

Подобная ситуация прослеживается и в решении Европейского суда по правам человека по делу «Киприану против Кипра» (*Kyprianou — Cyprus*) от 15 декабря 2005 г. по жалобе № 73797/01 [16]. В данном деле заявитель, которым был адвокат, выступавший в качестве защитника в уголовном деле об убийстве, при рассмотрении дела (во время перекрестного допроса свидетеля обвинения) сначала заявил ходатайство о том, что судьи его прервали, а затем о том, что члены суда переговаривались друг с другом и передавали друг другу записки. Эти действия судом были расценены как открытое и недопустимое неуважение к суду и «если реакция суда на это не будет немедленная и жестокая,.. правосудию будет нанесен губительный удар». И поскольку адвокат не отозвал свое ходатайство, суд назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на пять дней с немедленным приведением приговора в исполнение. Судьи Европейского суда по правам человека в данном случае пришли к выводу, что хотя высказывания адвоката и являлись невежливыми, но были обращены против стиля ведения процесса судьями и сводились только к этому предмету, в том числе к тому, как судьи подошли к процедуре перекрестного допроса свидетеля, который проводил заявитель в ходе осуществления защиты своего клиента. Они также обратили внимание на то, что если бы не было соблюден правильный баланс между необходимостью защитить авторитет судебной власти и право заявителя на свободное выражение мнения, то это могло повлечь уже упоминавшийся «замораживающий эффект». Адвокату за причиненный ему моральный ущерб была присуждена компенсация в размере 15 000 евро.

О необходимости соблюдения указанного баланса между авторитетом суда и необходимостью выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей по защите интересов клиента указано и в решении Европейского суда по правам человека по делу «Никула против Финляндии» (*Nikula — Finland*) от 21 марта 2002 г. по жалобе № 31611/96 [17]. Заявительница, которая выступала в качестве адвоката защиты, была осуждена по обвинению в диффамации (распространение компрометирующих, порочащих сведений, независимо от их подлинности) за совершенные ею критические заявления по поводу решения прокурора, который, по ее мнению, использовал «ролевые манипулирования», что нарушает его служебные обязанности. В данном решении Европейский суд по правам человека отметил, что хотя некоторые из использованных терминов были неуместными, но критика адвоката строго ограничивалась исполнением прокурором своих обязанностей в деле против клиента адвоката и ее следует отличать от критики, направленной на общие профессиональные и другие качества личности прокурора. Суд отметил, что в данном процессуальном контексте прокурор должен был терпимо отнестись к суровой критике со стороны заявительницы в ее роли адвоката защиты. Европейский суд по правам человека указал и на то, что нельзя приравнивать критику адвокатом действий прокурора, которые носят процессуальный характер, к личным оскорблениям прокурора.

При рассмотрении вопроса о действии уже упоминавшегося принципа пропорциональности в отношениях между адвокатом и судом, а именно о возможности критики процессуальной деятельности последнего, вызывает определенный интерес и решение Европейского суда по правам человека по делу «Гюндюз против Турции» (*Gündüz — Turkey*) от 4 декабря 2003 г. по жалобе № 35071/97 [15]. Этим решением Европейский суд по правам человека подчеркивает, что хотя заявитель и использовал уничижительное и оскорбительное выражение, но он это сделал в устной форме в ходе телевизионной передачи в прямом эфире, т. е. у него не было возможности изменить форму-

лировку, переделать или отказаться от него, прежде чем принятое им выражение станет достоянием публики.

О необходимости придерживаться правильного баланса между потребностью соблюдать уважительное отношение к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в пределах своих полномочий выполнять обязанности защитника, в частности по осуществлению критики процессуальной деятельности суда и других участников процесса, указывают и ряд ученых. Так, как отмечает П. А. Астахов, «адвокат вправе настаивать на том, чтобы суд внимательно и должным образом рассмотрел каждый аспект дела его клиента. На адвоката возлагается обязанность указывать на замеченные им ошибки и недостатки. С этой целью адвокат свободен в выступлениях с критикой всего, что имеет отношение к делу. В то же время такого рода критика должна быть уместной и основываться на фактах. Основания для критики должны быть тщательно продуманными» [1, с. 59].

Соглашаясь в основном с утверждением П. А. Астахова, следует отметить, что адвокат не наделяется правом, но на него возложена обязанность настаивать на должном и внимательном рассмотрении судом всех аспектов дела его клиента. При этом он должен быть настойчивым и принципиальным в отстаивании интересов клиента в суде, не уступать своей независимостью в защите и представительстве прав и интересов клиента с целью не ухудшить отношений с судьями. В данном случае нужно учесть положения части 2 статьи 44 Правил адвокатской этики [9], в которых предусмотрено, что адвокат не должен оставлять без внимания нарушения закона, бестактное и пренебрежительное отношение суда и других участников процесса к его клиенту, к нему самому или адвокатуре в целом и должен реагировать на соответствующие действия в формах, предусмотренных действующим законодательством. Подобная норма содержится и в статье 12 Кодекса профессиональной этике адвоката [5], в которой указано, что на адвоката возлагается обязанность следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении. Фактически из таких же позиций исходит и белорусский законодатель, который в пункте 56 Правил профессиональной этики адвоката [10] указывает на то, что, участвуя в судебном заседании, адвокат должен сообщить суду о замеченных нарушениях законодательства, ущемляющих права его клиента, и ходатайствовать об их устранении.

Подобной позиции о необходимости существования права адвоката на критику процессуальной деятельности судьи, прокурора, следователя по делу придерживается и Т. Г. Дабижа. Она отмечает, что такая деятельность адвоката не может быть квалифицирована в качестве противодействия правосудию и указывает на невозможность существования упоминавшегося «замораживающего эффекта», поскольку, если адвокат будет «осознавать, что закон позволяет суду наложить на него штраф, более того, подвергнуть его тюремному заключению за использование не того тона голоса или стиля речи, не угодного суду, или за малейшую демонстрацию эмоций из-за напряжения, существует вероятность, что адвокат изменит свое поведение в суде, что нанесет ущерб интересам защищаемого им лица» [2, с. 26].

Вообще правовое регулирование института неуважения к суду в каждом государстве, в том числе и в Украине, Беларуси и России, должно быть осуществлено с учетом положений, указанных в постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (*The Sunday Times — United Kingdom*) от 26 апреля 1979 г. [19], в котором указывается на то, что цель института неуважения к суду не в том, чтобы поставить судопроизводство вне всякой критики. При осуществлении правосудия участники процесса, в том числе и судьи, должны придерживаться вывода о том, что «суды не могут действовать в вакууме».

Итак, исходя из вышесказанного можно сделать вывод о необходимости законодательного закрепления норм, которые бы обеспечили надлежащий баланс между потребностью соблюдать уважительное отношение к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в пределах своих полномочий выполнять обязанности защитника (представителя) по делу. Необходимость соблюдения указанного баланса всеми участниками производства, в том числе и судьями, должна рассматриваться в качестве одного из основных условий надлежащего осуществления правосудия. Устанавливая обязанность адвоката не оставлять без внимания нарушения закона, бестактное и пренебрежительное отношение суда и других участников процесса к его клиенту, к нему самому или адвокатуре в целом, законодатель должен наделять адвоката и определенными процессуальными гарантиями в его профессиональной деятельности. Важное значение в данном случае имеет правоприменительная практика Европейского суда по правам человека (например решения по делу «Штойр против Нидерландов», «Киприану против Кипра», «Никула против Финляндии», «Гюндюз против Турции», «Санди Таймс против Соединенного Королевства»). С этой целью, по нашему мнению, в законодательстве должны быть четко закреплены нормы, которые бы определяли пределы процессуальной критики адвокатом деятельности суда и других участников процесса. В частности, на законодательном уровне долж-

ны быть закреплены нормы, которые бы отмечали, что использование адвокатом любых своих процессуальных прав (например, при заявлении различного рода ходатайств, указании на то, что он будет обжаловать незаконное, по его мнению, решение суда и т. д.) не должно рассматриваться в качестве неуважения к суду. Не должна рассматриваться как неуважение к суду и критика профессиональной деятельности судьи и других участников процесса, если она не направлена на общие профессиональные качества человека и не может быть отнесена к личным оскорблениям. Такая критика должна быть обоснованной, должна быть направлена на прекращение неправомерных действий указанных лиц, но не должна сопровождаться высказываниями, которые унижают честь и достоинство человека.

Список использованных источников

1. Астахов, П. А. Адвокатский иммунитет как гарантия права на защиту / П. А. Астахов // Закон и право. — 2006. — № 1. — С. 56—60.
2. Дабижа, Т. Г. Иммунитет адвокатского высказывания / Т. Г. Дабижа // Адвокатская практика. — 2012. — № 5. — С. 25—27.
3. Заборовський, В. В. Правова природа відповідальності адвоката за прояв неповаги до суду / В. В. Заборовский, В. В. Манзюк [Электронный ресурс] // Порівняльно-аналітичне право. — 2015. — № 2. — С. 294—297. — Режим доступу: <http://pap.in.ua/2_2015/88.pdf>. — Дата доступу: 19.10.2016.
4. Кипнис, М. М. Повышение квалификации адвокатов — надежный путь к профессионализму и профессиональной безопасности (на примере опыта адвокатской палаты г. Москвы) / М. М. Кипнис // Вестн. палаты адвокатов Самар. обл. — 2010. — № 2 (21). — С. 16—20.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят Первым Всерос. съездом адвокатов 31 янв. 2003 г. [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. — Режим доступа: <http://fparf.ru/documents/normative_acts/1059/>. — Дата доступа: 19.10.2016.
6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь от 21 апр. № 194-З: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г.: текст по сост. на 1 окт. 2016 г. [Электронный ресурс] // Эталон онлайн. — Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=text&regnum=Hk0300194#load_text_none_1_>. — Дата доступа: 19.10.2016.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушения от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, Ч. 1. — Ст. 1.
8. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 7 грудня 1984 р. № 8073-Х // Відомості Верховної Ради Української РСР. — 1984. — № 51. — Ст. 1122.
9. Правила адвокатської етики: затв. Установчим З'їздом адвокатів України від 17 лист. 2012 р. [Электронный ресурс] // Вища кваліфікаційно-дисциплінарна комісія адвокатури Національой асоціації адвокатів України. — Режим доступу: <http://vkdka.org/pravil-advokatskoji-etiki/>. — Дата доступу: 19.10.2016.
10. Правила профессиональной этики адвоката: утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь от 27 июня 2001 г. № 15 [Электронный ресурс] // Главное управление юстиции Брестского областного исполнительного комитета. — Режим доступа: <http://www.brestjust.by/pravila-professionalnoi-etiki-advokata.html>. — Дата доступа: 19.10.2016.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
12. Ухвала апеляційного суду Волинської області від 10 січня 2014 р. (справа № 0306/6360/2012) [Электронный ресурс] // Єдиний державний реєстр судових рішень. — Режим доступу: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/36568899>. — Дата доступу: 19.10.2016.
13. Ухвала Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ від 29 серпня 2012 р. (справа № 5-1892км12) [Электронный ресурс] // Єдиний державний реєстр судових рішень. — Режим доступу: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/26092445>. — Дата доступу: 19.10.2016.
14. Хахин, В. В. Проблемные аспекты квалификации неуважения к суду / В. В. Хахин // Инновационное развитие современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 31 янв. 2014 г.). В 6 ч. Ч. 5. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 211—214.
15. Case of Gündüz v. Turkey (judgment): 04/12/2003 N 35071/97 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61522>. — Date of access: 19.10.2016.
16. Case of Kyprianou v. Cyprus (judgment): N 73797/01, 15/12/2005 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71671>. — Date of access: 19.10.2016.
17. Case of Nikula v. Finland (judgment): N 31611/96, 21/03/2002 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60333>. — Date of access: 19.10.2016.
18. Case of Steur v. the Netherlands (judgment): N 39657/98, 28/10/2003 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61410>. — Date of access: 19.10.2016.
19. Case of The Sunday Times v. United Kingdom (judgment): N 6538/74, 26/04/1979 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-575843>. — Date of access: 19.10.2016.

Статья поступила в редакцию в октябре 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 22—27.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 22—27.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Людмила Ведерникова

Статья посвящена правовому регулированию трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор анализирует коллизионно-правовые нормы стран — учредителей данной структуры в области трудового права, процесс становления правового регулирования трудовых отношений в рамках данного интеграционного объединения, а также пути дальнейшего развития и совершенствования правового регулирования трансграничных трудовых отношений в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; коллизионные нормы; международное частное право; применимое право; трансграничные трудовые отношения; трудовой договор.

«Legal Regulation of Cross-border Labor Relations within the Framework of the Eurasian Economic Union» (Ludmila Vedernikova)

The article covers regulation of labor relations within the framework of the Eurasian Economic Union. The author analyzes conflict of law rules regarding labor relations in the Eurasian Customs Union founding member states, the process of labor relations legal regulation established within the framework of the integration, as well as further development and improvement of cross-border labor relations legal regulation in the Eurasian Economic Union.

Keywords: applicable law; conflict of laws rules; employment contract; Eurasian Economic Union; private international law; transnational labour relations.

Author:
***Vedernikova Ludmila** — post-graduate student of the Department of International Private and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: mila.sun@gmail.com*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

В настоящее время широкомасштабные интеграционные процессы, социальная активность населения и транснационализация общественных отношений привели к значительным изменениям в международном частном праве, в частности к реформе нормативного регулирования трансграничных трудовых отношений. Расширение сотрудничества Республики Беларусь с соседними странами посредством участия в различных интеграционных образованиях объективно ведет к усилению международной трудовой миграции. С учреждением ЕАЭС в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор о ЕАЭС) [4] возрастает необходимость оценки состояния коллизионного регулирования трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, в рамках данного интеграционного объединения.

В условиях увеличения взаимных миграционных потоков важным является установление единообразного подхода к правовому регулированию трансграничных трудовых отношений. Существующие различия правового регулирования трудовых отношений могут быть устранены с помощью межгосударственной унификации в рамках деятельности ЕАЭС.

Отдельные исследования коллизионного регулирования трансграничных трудовых отношений в Республике Беларусь проводились некоторыми белорусскими учеными (Ю. С. Борель [2], В. Г. Тихиня [11]). Однако проблема коллизионного регулирования трудовых отношений в рамках интеграционных объединений, в которых участвует Республика Беларусь, в нашей стране рассматривалась лишь фрагментарно. Более подробно проблема исследована в российской доктрине, поэтому в статье отражены выводы таких ученых, как

Автор:
Ведерникова Людмила Андреевна — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: mila.sun@gmail.com*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Маскаева Наталья Геннадьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Корочкин Алексей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент, старший партнер юридической группы «Бюро-24»

М. А. Андриянова [1], Д. Б. Бушмелева, И. В. Фёдоров [3], А. А. Спектор [9], И. В. Шестерякова [17].

Цель статьи — выявление оптимальных подходов коллизионно-правового регулирования трудовых отношений, которые целесообразно использовать в процессе гармонизации и унификации законодательства стран — участниц ЕАЭС.

В настоящее время в национальных законах стран — участниц ЕАЭС вопросу коллизионного регулирования трансграничных трудовых отношений уделено недостаточно внимания. Например, современное российское законодательство, включая Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. [16] (далее — ТК РФ), оставило без внимания решение коллизионных вопросов трудовых отношений. Статья 11 ТК РФ распространяет установленные им правила, а также правила законов, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на трудовые отношения с участием иностранцев, организаций, созданных иностранцами либо с их участием, международных организаций и иностранных юридических лиц.

Подобный подход наблюдается в части 2 статьи 8 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. [15], распространяющей его действие на работников и работодателей, расположенных на территории Казахстана, в том числе филиалы и представительства иностранных юридических лиц, прошедшие учетную регистрацию.

Статья 7 Трудового кодекса Кыргызской Республики от 4 августа 2004 г. [12] также сформулирована подобным образом: трудовое законодательство распространяется на иностранцев, работающих в организациях, расположенных на территории Кыргызской Республики, а также на работников организаций, расположенных на территории Кыргызстана, учредителями которых являются иностранцы.

Лишь Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 г. (далее — ТК Армении) [13] содержит как общие, так и специальные привязки, регулирующие трансграничные трудовые отношения. Так, в соответствии с частью 1 статьи 7 ТК Армении трудовое законодательство распространяется на трудовые отношения, возникающие на территории Армении, независимо от того, где выполняется работа — в Республике Армения или по поручению работодателя в другом государстве. В части 5 статьи 7 ТК Армении указывается на неприменение трудового законодательства Армении к трудовым отношениям, возникающим между иностранными работодателями и работниками, не проживающими постоянно в Армении, независимо от того обстоятельства, что работники по поручению работодателя выполняют работу в Армении. Часть 3 статьи 7 ТК Армении закрепляет привязку *lex flagi* в отношении работников морских и воздушных судов, а также работников других транспортных средств, если транспортные средства являются собственностью работодателя, находящегося под юрисдикцией Армении.

В настоящее время Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее — ТК) [14] содержит всего две коллизионные нормы. В соответствии с частью 1 статьи 321 ТК к трудовым отношениям иностранных работников дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, аккредитованных в Республике Беларусь, применяется право соответствующего иностранного государства. В соответствии с частью 2 статьи 321 ТК трудовые отношения работников — граждан Республики Беларусь, работающих в дипломатических представительствах и консульских учреждениях иностранных государств, аккредитованных в Республике Беларусь, регулируются ТК. Вторая коллизионная норма ТК закреплена в статье 322, регулирующей труд работников, направленных на работу в учреждения Республики Беларусь за границей, и устанавливающей действие законодательства о труде Республики Беларусь на таких работников. Еще одна коллизионная норма содержится в Законе Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. «О внешней трудовой миграции» [5]: в соответствии с частью 1 статьи 32 заключение трудового договора на территории Республики Беларусь между трудящимся-иммигрантом и белорусским нанимателем осуществляется в порядке, определенном законодательством Республики Беларусь. Согласно части 5 статьи 32 заключение трудового договора на территории иностранного государства между трудящимся-иммигрантом и белорусским нанимателем, являющимся иностранной организацией, осуществляющей наем иностранцев для работы в своем представительстве в Беларуси, осуществляется в соответствии с законодательством иностранного государства. Данная формулировка оставляет открытым вопрос: право какого государства будет применяться в аналогичной ситуации, если нанимателем будет не представительство иностранной организации, а юридическое лицо Республики Беларусь. По причине отсутствия развитого регулирования исследуемого вопроса в государствах — участниках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) активно велась работа в направлении унификации трудового законодательства. Так, 19 ноября 2010 г. было принято Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей [8], действовавшее с 1 января 2012 г. по 1 января 2015 г. Разработан ряд источников мягкого права (типовых и модельных правовых актов для совершенствования и обеспечения единообразия законодательства государств-членов), например Типовой проект законодательного акта «О трудовой миграции в государствах — членах ЕврАзЭС» [10].

Тем не менее, в вышеназванных документах были закреплены лишь материальные нормы в отношении труда мигрантов. Коллизионный же вопрос долгое время оставался открытым. Как справедливо отмечалось многими специалистами по международному частному праву, несмотря на то, что унификации чаще подвергаются материальные нормы права, очень важна, а иногда и более уместна также унификация именно коллизионных норм ввиду многих объективных причин [17, с. 24]. Во-первых, унификация материально-правовых норм сильно затруднена ввиду наличия принципиальных различий между правовыми системами разных стран. Как отмечает болгарский специалист в области международного частного права Ж. Сталев, «всеохватывающая международная унификация регулирования внешнеэкономических отношений в мировом масштабе все еще представляется далекой химерой» [см.: 17, с. 24]. Во-вторых, зачастую сходные по формулировкам правовые нормы получают в каждой стране различную интерпретацию и квалификацию ввиду наличия особенностей правовых систем государств.

В настоящее время вопросы трудовой миграции получили закрепление в разделе XXVI Договора о ЕАЭС. В соответствии с пунктом 4 статьи 97 трудовая деятельность трудящегося государства-члена регулируется законодательством государства трудоустройства. При этом под таковым понимается государство, на территории которого осуществляется трудовая деятельность, т. е. деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства (ст. 96). В соответствии с законодательством государства трудоустройства также рассчитывается трудовой (страховой) стаж трудящихся для целей социального обеспечения (социального страхования). Пенсионное обеспечение трудящихся и членов семьи регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами (п. 3 ст. 98) [4].

Несмотря на закрепление в Договоре о ЕАЭС многочисленных материальных норм и вышеуказанных коллизионных норм, не урегулирован ряд коллизионных вопросов. Например, каким образом следует определять применимое право, если невозможно определить государство трудоустройства? Поскольку слишком узко определено понятие «трудовая деятельность», непонятно, каким будет государство трудоустройства, если трудовой договор (гражданско-правовой договор) заключен на территории и в соответствии с законодательством одной страны, а непосредственно трудовая функция осуществляется на территории другой страны или на территории нескольких стран (т. е. труд носит подвижной или разъездной характер).

В этой связи для ЕАЭС ценен опыт Европейского союза (ЕС), поскольку в настоящее время только в отношении этого регионального образования можно выделить общее региональное трудовое право — трудовое право ЕС, где коллизионное регулирование трудовых отношений устанавливает регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского союза (далее — Регламент Рим I) [6]. В настоящее время многими учеными отмечается несомненный успех ЕС в сфере унификации и гармонизации действующего на его территории трудового законодательства. Как отмечает И. В. Шестерякова, достигнутый уровень гармонизации и унифицированности национальных правовых систем отвечает требованиям единого рынка и постепенно приобретает новый качественный характер, что позволяет утверждать о наличии в рамках ЕС достаточно эффективного механизма, имеющего модельный характер для иных интегрирующихся объединений [17, с. 27].

Привязка *lex loci laboris* в статье 8 Регламента Рим I сформулирована следующим образом: индивидуальный трудовой договор регулируется правом страны, в которой или, при отсутствии таковой, страны, из которой работник во исполнение договора обычно выполняет свою работу. Данная формулировка отличается от закрепленной в Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г. (Римская конвенция) [22], где в статье 6 она звучит как «право страны, в которой работник обычно выполняет работу во исполнение трудового договора». На дополнение привязки *lex loci laboris* в статье 8 Регламента Рим I: «страна, из которой работник выполняет свою работу» повлияла многочисленная судебная практика в отношении толкования данной привязки (дело *Mulox IBC Ltd* против *Hendrick Geels* (*case C*-125/92) [19]; дело *Petrus Wilhelmus Rutten* против *Cross Medical Ltd* (*case C*-383/95) [20]; дело *Jan Voogsgeerd* против *Navimer SA* (*case C*-384/10) [21]). Необходимо отметить, что кажущееся, на первый взгляд, небольшое дополнение формулировки привязки *lex loci laboris*, введенное Регламентом Рим I, имеет огромное значение и решает споры по толкованию, которые в свое время привели к большому количеству судебных дел. Так, например, до принятия Регламента Рим I работники, имеющие подвижной характер работы, оставались уязвимыми. По делу *Koetzsch v. Luxembourg* (*case* 29/10) [23] Суд ЕС вынес свое первое решение по вопросу толкования статьи 6 Римской конвенции. Истец являлся водителем-дальнобойщиком грузового автомобиля, постоянно проживал в Германии. Его работодателем являлось люксембургское

представительство датской компании по перевозкам цветов из Дании в различные города Германии, а также иные государства ЕС. Автомобили были зарегистрированы в Люксембурге, водители были застрахованы также в Люксембурге. Применимым правом по трудовому договору было выбрано право Люксембурга и юрисдикция суда Люксембурга по спорам из соответствующего договора. После увольнения истец потребовал, несмотря на применимое право Люксембурга в немецком суде, а позже и в суде Люксембурга, применить к нему оговорку права Германии (защищавшую его от увольнения как представителя других работников в профсоюзе), поскольку в силу статьи 6 Римской конвенции выбор применимого права не должен лишать защиты и гарантий сотрудника по праву страны, которое было бы применено в отсутствие выбора сторон. Суд Люксембурга отказался признавать применимым право Германии в соответствии с привязкой *lex loci laboris* в силу специфики деятельности, а именно из-за многочисленных разъездов. В соответствии со статьей 6(1) Римской конвенции [22] суд признал правом страны, которое было бы применено в отсутствие выбора сторон, право места нахождения предприятия, нанявшего работника, т. е. право Люксембурга.

Таким образом, в Договоре о ЕАЭС отразилась устаревшая концепция *lex loci laboris*, закрепленная в Римской конвенции. В этой связи, на наш взгляд, в Договоре о ЕАЭС было бы целесообразно определить трудовую деятельность более широко: «Деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора». Во избежание проблем, которые ранее возникали в европейской правоприменительной практике, понятие «государство трудоустройства» необходимо изложить в следующей редакции: «Государство, на территории которого или, при отсутствии такового, государство, из которого работник во исполнение договора обычно осуществляет трудовую деятельность». С целью восполнить существующий пробел отыскания применимого правопорядка, если невозможно определить государство трудоустройства, пункт 4 статьи 97 Договора о ЕАЭС стоит дополнить следующим положением: «Если государство трудоустройства не может быть определено, то трудовой договор регулируется правом государства, где находится учреждение, нанявшее работника». Кроме того, как справедливо замечает И. В. Шестрякова, следует разграничить работников-мигрантов и работников, направляемых на работу или в командировку, поскольку в таком случае учитываются особенности фактического состава трудовых отношений, складывающихся при временной смене обычного места работы [18]. Так, можно дополнить существующее регулирование нормой, аналогичной содержащейся в Регламенте Рим I (ст. 8): «Государство, в котором обычно выполняется работа, не считается изменившимся, когда работник временно выполняет свою работу в другом государстве» [6].

Выбирая оптимальный способ гармонизации правового регулирования трансграничных трудовых отношений в рамках ЕАЭС, следует упомянуть разрабатываемый еще в рамках ЕврАзЭС проект Основ трудового законодательства. Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС 13 мая 2009 г. было принято постановление № 10-13, одобрившее Рекомендации по гармонизации трудового законодательства государств — членов ЕврАзЭС, на основании которых была утверждена Программа законотворческой деятельности Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества на 2009 г. и последующие годы [7]. В рекомендациях были выделены три возможных способа гармонизации трудового законодательства: 1) создание модельного Трудового кодекса, носящего рекомендательный характер; 2) принятие Основ трудового законодательства ЕврАзЭС, имеющих статус нормативного акта прямого действия; 3) внесение изменений и дополнений в действующие трудовые кодексы государств ЕврАзЭС в целях создания унифицированных условий использования рабочей силы. В качестве предпочтительного выделялся второй способ гармонизации трудового законодательства [3].

Учеными, занимающимися проблемами евразийской интеграции, выдвигались различные предложения по концепции разработки Основ трудового законодательства ЕврАзЭС. Так, И. В. Шестерякова отмечала, что прежде всего необходимо определить принципы, на которых будет строиться система коллизионных норм данного документа [18]. Среди указанных выделялись принципы:

— свободного передвижения граждан, товаров, услуг;

— взаимного признания документов об образовании;

— свободы предпринимательства;

— недискриминации;

— права на судебную защиту в любом государстве Сообщества.

На основе этих принципов можно сформировать отдельные коллизионные нормы в области труда, дополняющие и уточняющие положения раздела XXVI Договора о ЕАЭС, которые будут содержаться вместе с материальными нормами.

Представляется целесообразным, следуя тенденциям правового регулирования трудовых отношений, отраженных в Регламенте Рим I, в качестве предпочтительного способа гармонизации трудового законодательства стран ЕАЭС принять отдельный документ, подробно регламентирующий трудовые отношения по аналогии с Основами трудового законодательства ЕврАзЭС. Осуществлять сбли-

жение трудового законодательства стран государств — членов ЕАЭС можно следующим образом: на первоначальном этапе может быть разработан документ, имеющий рекомендательный характер, поскольку в настоящее время евразийская интеграция находится на уровне, недостаточном для унификации регулирования рассматриваемых вопросов; следующий этап должен состоять в принятии акта Союза, имеющего статус нормативного правового акта прямого действия. Поскольку Евразийская экономическая комиссия (далее — Комиссия) в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера (п. 13 Положения о Евразийской экономической комиссии [4]), а в соответствии с подпунктом 18 пункта 2 Положения вопросы трудовой миграции охватываются полномочиями Комиссии, вышеуказанный документ можно было бы принять в виде рекомендаций Комиссии по гармонизации трудового законодательства (далее — Рекомендации).

Целесообразно в каждом разделе Рекомендаций предусмотреть коллизионные нормы, устанавливающие упорядочение отдельных вопросов, подпадающих под регулирование материальных норм соответствующих разделов. Представляется возможным применение ограниченной автономии воли сторон к трудовым договорам с иностранным элементом, несмотря на то, что проблема использования автономии воли применительно к трансграничным трудовым отношениям является новым юридическим феноменом для отечественной юридической доктрины и практики. На сегодняшний день большинство государств, законодательство которых рассматривает трудовой договор как один из институтов гражданского права, позволяют использовать автономию воли применительно к трудовым договорам (Австралия, Албания, Грузия, Канада, Квебек, США, а также все страны ЕС в соответствии с Регламентом Рим I) [9, с. 103]. Большинство ученых также допускают применение *lex voluntatis* к трудовым отношениям [9, с. 46]. Свою позицию они обосновывают тем, что во многих случаях управленческий и высококвалифицированный персонал заинтересован в выборе наиболее благоприятного закона.

Целесообразно также предусмотреть недопустимость устранения автономией воли действия императивных норм государства, право которого применялось бы в отсутствие выбора сторон, предоставляющих работнику дополнительную защиту. Так, в настоящее время во многих странах прослеживается тенденция ограничения автономии воли сторон применительно к трудовым отношениям путем определения тех или иных пределов выбора сторонами применимого права. Наиболее гармонично такая защитная оговорка сформулирована в статье 8 Регламента Рим I: 1) выбор права принимается во внимание только тогда, когда он прямо выражен или определенно вытекает из положений договора либо из обстоятельств дела; 2) выбор права не может повлечь за собой лишение работника защиты, предоставляемой ему императивными положениями страны, право которой подлежало бы применению в отсутствие выбора сторон. Таким правом может выступать право страны, где во исполнение договора работник обычно выполняет свою работу; страны, где находится учреждение, которое наняло работника; либо страны, с которой договор имеет явно более тесные связи [6].

На наш взгляд, учитывая особенности трудовых отношений и позицию работника как «слабой» стороны договора, *lex voluntatis* в трудовых договорах должна быть ограничена строгими рамками: соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть явно выражено в письменной форме или прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности; выбор сторонами по трудовому договору подлежащего применению права не может повлечь за собой лишение работника защиты, предоставляемой ему положениями, от которых не разрешается отступать посредством соглашения в соответствии с правом, которое при отсутствии выбора подлежало бы применению; стороны трудового договора могут избрать в качестве подлежащего применению право страны обычного пребывания работника, право страны места выполнения работы, места жительства или обычного пребывания нанимателя.

Таким образом, вопрос коллизионно-правового регулирования трудовых отношений требует своего дальнейшего развития и закрепления на межгосударственном уровне в рамках ЕАЭС.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Необходима оптимизация существующих коллизионных норм, касающихся трудовых отношений в Договоре о ЕАЭС. Следует определить в Договоре о ЕАЭС трудовую деятельность более широко: «деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора». Понятие «государство трудоустройства» изложить в следующей редакции: «государство, на территории которого или, при отсутствии такового, государство, из которого работник во исполнение договора обычно осуществляет трудовую деятельность». Пункт 4 статьи 97 Договора о ЕАЭС следует дополнить следующим положением: «Если государство трудоустройства не может быть определено,

то трудовой договор регулируется правом государства, где находится учреждение, нанявшее работника». Следует также разграничить работников-мигрантов и работников, направляемых на работу или в командировку.

2. Следует осуществлять дальнейшее поэтапное сближение и развитие трудового законодательства государств — членов ЕАЭС: разработка рекомендаций Евразийской экономической комиссии по гармонизации трудового законодательства, а затем принятие акта Союза, имеющего статус нормативного правового акта прямого действия.

3. Целесообразно в каждом разделе предлагаемых рекомендаций предусмотреть коллизионные нормы, устанавливающие упорядочение отдельных вопросов, подпадающих под регулирование материальных норм соответствующих разделов. Представляются возможным применение ограниченной автономии воли сторон к трудовым договорам с иностранным элементом (право страны обычного пребывания работника, право страны места выполнения работы, право страны места жительства или обычного пребывания нанимателя) и недопустимость устранения автономией воли действия императивных норм государства, право которого применялось бы в отсутствие выбора сторон, предоставляющих работнику дополнительную защиту.

Список использованных источников

1. Андриянова, М. А. Трудовые отношения с участием иностранцев в системе международного частного и трудового права России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М. А. Андриянова. — М., 2002. — 164 л.
2. Борель, Ю. С. Коллизионное регулирование трудового договора / Ю. С. Борель // Международные отношения: история, теория, практика: материалы III науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ (Минск, 4 февр. 2013 г.) / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2013. — С. 76—79.
3. Бушмелева, Д. Б. К вопросу гармонизации трудового законодательства в странах — участницах ЕврАзЭС [Электронный ресурс] / Д. Б. Бушмелева, И. В. Фёдоров // Материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (Пермь, 26—30 апр. 2012 г.). — Режим доступа: <http://territoriaprava.ru/topics/36940>. — Дата доступа: 13.04.2016.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе: [заключен в г. Астане 29.05.2014 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
5. О внешней трудовой миграции: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2010 г. № 225-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
6. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»): регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского союза, принят в г. Страсбурге 17 июня 2008 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2016.
7. О Рекомендациях по гармонизации трудового законодательства государств — членов ЕврАзЭС (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств): постановление Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 13 мая 2009 г. № 10-13 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. — Режим доступа: <http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29037>. — Дата доступа: 13.01.2016.
8. Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей от 19 нояб. 2010 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
9. Спектор, А. А. Трудовые отношения, осложненные иностранным элементом, как объект международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Спектор. — М., 2004. — 146 л.
10. Типовой проект законодательного акта «О трудовой миграции в государствах — членах ЕврАзЭС»: принят 13 мая 2009 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
11. Тихиня, В. Г. Республике Беларусь необходим специальный закон о международном частном праве / В. Г. Тихиня [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
12. Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 4 авг. 2004 г. № 106: принят Законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргызской Респ. 25 мая 2004 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2016.
13. Трудовой кодекс Республики Армения от 14 дек. 2004 г. № ЗР-124: принят Нац. Собр. Респ. Армения 9 нояб. 2004 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2016.
14. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс от 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
15. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 нояб. 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. от 06.04.2016 г.) [Электронный ресурс] // Информационные системы «Параграф». — Режим доступа: <http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832>. — Дата доступа: 03.04.2016.
16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: принят Государственной Думой 21 дек. 2001 г.; одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
17. Шестерякова, И. В. Коллизионные вопросы труда по международному частному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И. В. Шестерякова. — Саратов, 2000. — 186 л.
18. Шестерякова, И. В. Коллизионные нормы в Основах трудового законодательства стран — членов ЕврАзЭС [Электронный ресурс] / И. В. Шестерякова // Center Bereg: юридический портал. — Режим доступа: <http://w.pc-forums.ru/n1392.html>. — Дата доступа: 13.05.2016.
19. Case C-125/92 Mulox IBC Ltd v. Hendrick Geels (1993) ECR I-4075 (Mulox) [Electronic recourse] // EUR-lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1471780547672&uri=CELEX:61992CJ0125>. — Date of access: 01.06.2016.
20. Case C-383/95 Petrus Wilhelmus Rutten v. Cross Medical Ltd (1997) ECR I-57 (Rutten) [Electronic recourse] // EUR-lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1471780404743&uri=CELEX:61995CJ0383>. — Date of access: 01.06.2016.
21. Case C-384/10 Jan Voogsgeerd v. Navimer SA (2011) ECR 00000 (Voogsgeerd) [Electronic recourse] // EUR-lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62010CJ0384>. — Date of access: 01.06.2016.
22. Convention on the law applicable to contractual obligations (Rome): 19 June 1980 [Electronic recourse] // EUR-lex: Access to European Union Law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A41980A0934>. — Date of access: 01.09.2016.
23. Cuniberti, J. ECJ Rules on Law Applicable to Employment Contracts / J. Cuniberti [Electronic recourse] // Conflict of Laws.net: News and Views in Private International Law*. — 06.05.2011. — Mode of access: <http://conflictoflaws.net/2011/ecj-rules-on-the-law-applicable-to-employment-contracts/>. — Date of access: 01.04.2016.

Статья поступила в редакцию в мае 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 28—32.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 28—32.

О КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРОВ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Виктория Шилко

В статье исследуются вопросы коллизионного регулирования договора оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь. Особое внимание уделяется вопросу целесообразности предоставления сторонам исследуемого договора неограниченной автономии воли. На основании анализа особенностей договора оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий, интересов и правовых ожиданий его субъектов автором обосновывается целесообразность императивного коллизионного регулирования указанных договорных отношений.

Ключевые слова: автономия воли; вспомогательные репродуктивные технологии; договор оказания медицинских услуг.

«On the Conflict Regulation of Contracts on Rendering Medical Services on the Application of Assisted Reproductive Technologies» (Victoria Shilko)

The article is devoted to the study of the conflict regulation of the contract on rendering medical services on the application of assisted reproductive technologies in the Republic of Belarus. The focus is made on the feasibility of providing parties to the agreement with an unlimited autonomy of the will. On the basis of the analysis of peculiarities of the agreement on rendering medical services on the application of assisted reproductive technologies, interests and legal expectations of its entities, the author substantiates the feasibility of an imperative conflict regulation of the above-mentioned contract relations.

Keywords: assisted reproductive technology; autonomy of the will; contract on rendering medical services.

Author:
***Shilko Viktoria** — post-graduate student of the Department of Civil Law of the Law Faculty, Belarusian State University, e-mail: viktorija1991@list.ru*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

В настоящее время ни на международном, ни на национальном уровне нет специальных коллизионных норм, регулирующих договорные отношения по оказанию медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий. Гражданско-правовая природа указанных договорных отношений предопределяет использование для определения применимого права коллизионных норм о договорных обязательствах.

Проблематика коллизионного регулирования договорных отношений по оказанию медицинских услуг с применением вспомогательных репродуктивных технологий исследована недостаточно глубоко. Коллизионному регулированию договорных отношений в целом посвящены исследования А. В. Асоскова [1], М. А. Ахрименко [2], А. И. Белоглавека [5], В. П. Звекова [8]. В Республике Беларусь исследованием коллизионного регулирования договора суррогатного материнства занимается Н. С. Анцух (Байбороша) [4]. Вопросы правового регулирования договоров оказания медицинских услуг нашли свое отражение в работах А. А. Рёрихт [13], А. А. Сироткиной [14], В. Н. Соловьёва [15]. Исследованию вопросов понятия и особенностей правового регулирования потребительских договоров посвящены работы С. А. Кудиной, Г. Ш. Черновой [11], Б. А. Шабли [17]. Целью настоящей статьи является анализ коллизионного регулирования договоров оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий на основе действующего законодательства Республики Беларусь и обо-

Автор:
Шилко Виктория Викторовна — аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета, *e-mail: viktorija1991@list.ru*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Горупа Татьяна Александровна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

снование целесообразности индивидуального подхода к коллизионному регулированию указанных правоотношений.

Все источники коллизионного регулирования договорных обязательств Республики Беларусь по общему правилу закрепляют неограниченную автономию воли сторон: стороны могут выбрать любое право, применимое к договору, осложненному иностранным элементом. Такой подход соответствует природе договорных обязательств, позволяет максимально учесть интересы сторон, обеспечивает правовую определенность и предсказуемость относительно правопорядка, регулирующего соответствующие правоотношения.

Следует отметить, что исключений из общего правила в отношении договоров оказания каких-либо медицинских услуг не установлено. Таким образом, стороны договора оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий, осложненного иностранным элементом, могут подчинить договор любой правовой системе. При этом рассматриваемый договор характеризуется рядом особенностей.

1. Регламентация применения вспомогательных репродуктивных технологий кардинальным образом различается в разных странах. Абсолютная автономия воли сторон в договоре оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий может привести к ситуации, когда договор будет подчиняться праву страны, в которой применение вспомогательных репродуктивных технологий запрещено либо установлены существенные ограничения их применения.

2. Деятельность медицинской организации, оказывающей услуги по применению вспомогательных репродуктивных технологий, императивно регламентируется государством, что предопределяет ограничение применения иностранного права. Применение вспомогательных репродуктивных технологий осуществляется медицинскими организациями, оказывающими такие услуги на профессиональной основе, в соответствии с утвержденными медицинскими стандартами и нормативами. Часть 1 статьи 7 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» содержит императивное требование о применении методов таких технологий на основании клинических протоколов, утвержденных Министерством здравоохранения Республики Беларусь [12]. Подчинить возникающие договорные отношения праву страны, отличной от места осуществления деятельности медицинской организации, — значит обязать последнюю выполнять обязанности по договору (в том числе осуществлять свою профессиональную деятельность) в соответствии с законодательством другого государства. В силу механизма сверхимперативных норм медицинская организация будет применять вспомогательные репродуктивные технологии на основе местных медицинских стандартов, а не медицинских стандартов иного государства, в частности права страны, выбранного сторонами, что позволяет ей не опасаться серьезных правовых барьеров, возникающих при заключении и исполнении рассматриваемых договоров с иностранными гражданами.

3. Договор оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий является разновидностью гражданско-правовых договоров об оказании услуг и потребительским договором, поскольку имеет все характерные признаки [11, с. 87]: сторонами договора выступают гражданин-потребитель и медицинская организация, оказывающая услуги по применению вспомогательных репродуктивных технологий на профессиональной основе; предмет договора составляют услуги по применению методов репродукции; цель применения подобных услуг вызвана исключительно личными нуждами, не связанными с осуществлением потребителем предпринимательской деятельности; договор носит возмездный характер.

В целях дифференциации коллизионного регулирования договорных отношений законодательство ряда иностранных государств и Европейского союза содержит специальное коллизионное регулирование договоров с участием потребителя, что предопределяется необходимостью предоставления ему повышенной правовой защиты в условиях противостояния профессиональному контрагенту, продающему ему товары, выполняющему работы или оказывающему услуги [1, с. 160].

На основании анализа положений международных актов и актов национального законодательства зарубежных государств выделяют четыре основные модели регулирования автономии воли в договорах с участием потребителей [1, с. 161—167]:

1) отсутствие специальных ограничений автономии воли с использованием в качестве ограничительного механизма сверхимперативных норм. Данный подход характерен для ситуации, когда применимые международные акты и национальное законодательство не устанавливают специальных правил для коллизионного регулирования потребительских договоров. Законодательство Республики Беларусь не содержит специального коллизионного регулирования потребительских договоров, что позволяет говорить о существовании в нашей стране данной модели;

2) полная недопустимость автономии воли. В противоположность первой эта модель исходит из исключения применения принципа автономии воли сторон в целях избежания риска поставления экономически незащищенной стороны по договору (потребителя) в неравное

по отношению к хозяйствующему субъекту положение посредством навязывания последним выгодного для него права;

3) установление исчерпывающего перечня правопорядков, доступных для выбора. Данная модель также учитывает необходимость защиты потребителя по договору и предотвращения навязывания применимого права хозяйствующим субъектом. Предлагается установление правила о выборе компетентного правопорядка, имеющего связь с обязательством, из нескольких коллизионных норм. Подобный подход не получил широкого применения ввиду существования большой вероятности применения права места осуществления деятельности хозяйствующего субъекта с полным исключением применения права по месту жительства потребителя;

4) приоритет защитных императивных норм права по месту жительства потребителя. Потребителю предоставляется максимальная правовая защита, которая выражается в сочетании выбранного в договоре права и права страны по месту жительства потребителя. Данный подход воспринят на территории ЕС в связи с особенностями правового регулирования защиты прав потребителя в Европейском союзе: на уровне директив ЕС установлены минимальные требования, направленные на защиту потребителя как экономически слабой стороны в потребительских договорах (например, директива 2011/83/*EU* о правах потребителя [18]).

В целом признавая прогрессивность подхода Европейского союза, следует отметить, что в рассматриваемом договоре, как правило, потребитель приезжает в страну места осуществления деятельности медицинской организации. Для него основным мотивом заключения договора оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий в иностранном государстве может выступать невозможность воспользоваться подобной услугой в государстве своего проживания, например в связи с запретом использования вспомогательных репродуктивных технологий. Обращение физического лица в иностранную медицинскую организацию предполагает предварительное ознакомление с условиями оказания услуг, осуществление выбора между несколькими медицинскими учреждениями, производимого, в частности, на основании большего доверия к качеству оказываемых услуг в определенном государстве. Применительно к такой ситуации полагаем верным согласиться с А. В. Асосковым, что вряд ли обоснованным можно считать применение права страны места жительства потребителя в ситуации, когда сам потребитель выезжает за пределы своей страны, находит за рубежом профессионального участника оборота и заключает с ним договор [1, с. 184]. Полагаем, что в данном договоре потребитель не имеет обоснованных правовых ожиданий относительно применения иного права, чем право страны места деятельности медицинской организации, оказывающей услуги по применению вспомогательных репродуктивных технологий. Применение права иного государства в возникающих отношениях не будет обеспечивать надлежащую правовую защиту лица, обратившегося за применением методов репродукции, и будет необоснованно ущемлять интересы медицинской организации, которая не предпринимала действий, направленных на выход на зарубежный потребительский рынок.

Таким образом, предоставление возможности выбора применимого права для договора оказания медицинских услуг по использованию вспомогательных репродуктивных технологий нецелесообразно, поскольку в данных договорных отношениях это не будет соответствовать интересам обеих сторон.

Следует отметить, что законодательство Республики Беларусь содержит коллизионные нормы, регулирующие внедоговорные обязательства с участием потребителей. Статья 1130 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) предоставляет потребителю возможность выбрать право, применимое к требованию о возмещении ущерба, возникшего в связи с покупкой товара или оказанием услуги, из следующих альтернативных привязок: право места жительства потребителя, право места жительства или места нахождения производителя или лица, оказавшего услугу, право страны места приобретения товара или оказания услуги [6]. Однако названная норма определяет право, применимое к деликтным, а не к договорным отношениям с участием профессиональной стороны и потребителя.

В случае отсутствия соглашения сторон о применимом к договору праве подходы, закрепленные в международных договорах и внутреннем законодательстве, разнятся. Так, международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи в качестве применимого к правам и обязанностям сторон по договору определяют право места совершения сделки (например, ст. 40 Договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [7], ст. 42 Кишиневской конвенции [9], ст. 41 Минской конвенции [10]).

Следует отметить, что коллизионная привязка «право страны места совершения договора» критикуется учеными по нескольким причинам. Во-первых, место совершения сделки может не иметь реальной связи с обязательством, носить случайный характер (заключение договора между двумя иностранными субъектами на территории третьего государства). Во-вторых, существуют различия квалификации понятия «место совершения сдел-

ки» в разных правовых системах [3]. Однако в правоотношениях по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий коллизионная привязка места совершения договора, как правило, приводит к правовой системе, к которой тяготеет правоотношение, поскольку на практике договор оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий заключается в месте нахождения медицинской организации, оказывающей такие услуги.

Коллизионные нормы, определяющие применимое право к договору, в ГК Республики Беларусь содержатся в статьях 1116 (форма договора) и 1125 (обязательства сторон) [6].

Согласно пункту 1 статьи 1116 ГК форма сделки подчиняется праву места ее совершения [6]. Таким образом, форма договора оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий должна соответствовать правилам страны места его совершения. Полагаем, что данная коллизионная привязка не противоречит рассматриваемым договорным отношениям и может использоваться для установления применимого права к форме данного договора.

При отсутствии соглашения сторон выбор компетентного правопорядка определяется на основании положений статьи 1125 ГК, которые устанавливают порядок определения применимого права для отдельных видов договоров [6].

Согласно пункту 4 статьи 1125 ГК к договорам, не перечисленным в пунктах 1—3 данной статьи, при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве применяется право страны, где имеет основное место деятельности сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора. При невозможности определить основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора, применяется право страны, где данная сторона учреждена, имеет место постоянного жительства. При невозможности определить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан [6].

Из анализа статьи 1125 ГК следует, что специальные правила для коллизионного регулирования договора оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий отсутствуют, следовательно, к нему следует применить правило пункта 4 данной статьи. В этом случае договор будет подчиняться праву места деятельности стороны, которая осуществляет решающее исполнение по договору. Исполнение, имеющее решающее значение, — это исполнение, благодаря которому договор тяготеет к определенной группе (виду) договоров [16, с. 434]. Таким образом, стороной, осуществляющей решающее исполнение в договоре оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий, выступает медицинская организация, оказывающая такие услуги на профессиональной основе, поскольку именно действия по их оказанию составляют предмет рассматриваемого договора. Следовательно, договор оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий будет подчинен праву страны места осуществления деятельности медицинской организации, оказывающей такие услуги.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. В Республике Беларусь отсутствует специальное коллизионное регулирование договоров с участием потребителей, в том числе договоров об оказании медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий. Применимое к таким отношениям право определяется на основании общих положений о договорных обязательствах. Обеспечение надлежащей правовой защиты потребителя как экономически слабой стороны посредством специального коллизионного регулирования видится актуальным применительно к договорным правоотношениям с участием пассивного потребителя, когда профессиональная сторона осуществляет свою профессиональную деятельность в стране места обычного жительства потребителя или иным образом направляет ее на территорию такой страны.

2. В договоре оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий потребитель является активным: он покидает родную страну и приезжает в страну, где осуществляет деятельность выбранная им медицинская организация, в целях получения услуги. В такой ситуации применение к договору права страны места нахождения медицинской организации соответствует как ожиданиям потребителя, так и интересам медицинской организации.

По нашему мнению, несмотря на возрастающую роль применения для регулирования договорных отношений автономии воли сторон, ее использование для договоров оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий является нецелесообразным. Учитывая отсутствие в Республике Беларусь специальных ограничений автономии воли в договорных обязательствах с участием потребителя, правовую природу рассматриваемого договора, а также специфику регламентации деятельности по применению вспомогательных репродуктивных технологий, в целях соблюдения интересов обеих сторон договора и обеспечения связи применимого права с правоотношением полагаем верным для коллизионного регулирования договора оказания медицинских услуг по применению

вспомогательных репродуктивных технологий установить императивное подчинение данного договора праву страны места осуществления деятельности медицинской организации, оказывающей услуги по применению вспомогательных репродуктивных технологий.

Список использованных источников

1. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А. В. Асосков. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. — 640 с.
2. Ахрименко, М. А. Концепции гибкого подхода к определению права, подлежащего применению к договорам, в современном коллизионном праве Западной Европы и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М. А. Ахрименко; Всерос. акад. внеш. торговли. — М., 2006. — 27 с.
3. Бабкина, Е. В. Право, применимое к договорным обязательствам по законодательству ЕС и СНГ / Е. В. Бабкина [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
4. Байбороша Н.С. Суррогатное материнство в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. С. Байбороша. — Минск, 2011. — 150 л.
5. Белоглавек, А. И. Европейское международное частное право — договорные связи и обязательства: в 2 т. / А. И. Белоглавек. — Киев: Таксон, 2010. — Т. 1. — 1576 с.; Т. 2. — 1640 с.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
7. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [подписан в г. Вильнюсе 20.10.1992 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
8. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
9. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
10. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
11. Кудина, С. А. Понятие потребительских договоров и их особенности / С. А. Кудина, Г. Ш. Чернова // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 5. — С. 84—88.
12. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 341-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
13. Рёрихт, А. А. Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития / А. А. Рерихт. — М.: ИНИОН РАН, 2011. — 212 с.
14. Сироткина, А. А. Договор оказания медицинских услуг / А. А. Сироткина. — М.: Статут, 2004. — 172 с.
15. Соловьёв, В. Н. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при реализации конституционного права граждан на медицинскую помощь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. Н. Соловьёв. — Красноярск, 1999. — 193 с.
16. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 526 с.
17. Шабля Б. А. Права потребителей при выполнении работ (оказании услуг) и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Б. А. Шабля; Омск. гос. ун-т. — Омск, 1999. — 21 с.
18. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. — Vol. 54, L 304. — P. 64—88.

Статья поступила в редакцию в мае 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 33—35.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 33—35.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА УВКБ ООН № 112 (LXVII) — 2016: ПО ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАЩИТЫ И РЕШЕНИЙ [1]

Исполнительный комитет,

отмечая принятие 19 сентября 2016 г. Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах,

учитывая, что осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем гуманитарного характера входит в число целей Организации Объединенных Наций, как они определены в ее Уставе, и *учитывая*, что Конвенция 1951 г. о статусе беженцев признает, что предоставление права убежища может возложить на некоторые страны непомерное бремя и что удовлетворительное разрешение проблемы, международный масштаб и характер которой признаны Организацией Объединенных Наций, не может поэтому быть достигнуто без международного сотрудничества,

вновь подтверждая центральное место, которое занимают Конвенция 1951 г. и Протокол 1967 г., касающийся статуса беженцев, среди международно-правовых документов, посвященных защите беженцев, и ссылаясь на статью 2 Устава Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев,

вновь подтверждая свою приверженность международной солидарности и распределению ответственности между всеми членами международного сообщества и напоминая о важности международного сотрудничества, в частности в целях оказания поддержки сообществам и странам, принимающим у себя большое количество беженцев, в обеспечении защиты и помощи и достижении решений для беженцев,

напоминая также о том, что международное сотрудничество имеет важное значение для государств, в которых находятся внутренне перемещенные лица, лица без гражданства, а также другие лица, находящиеся в сфере ответственности УВКБ ООН,

подчеркивая важность защиты жизни и достоинства человека в качестве приоритетного вопроса путем, в частности, подтверждения принципа невысылки, а также важность оказания помощи и поиска всеобъемлющих подходов к осуществлению долговременных решений в соответствующих случаях, с самого начала перемещения при обеспечении того, чтобы никто не был оставлен без внимания,

признавая многогранность решений, принимая во внимание необходимость устранения коренных причин насильственного перемещения, в том числе в свете важности политической воли, а также последствий для безопасности соседних стран, принимающих беженцев, и поиска практических и всеобъемлющих подходов к урегулированию проблемы бедственного положения беженцев и осуществления долговременных решений в их интересах в соответствии с нормами международного права, включая международное право беженцев, и соответствующими резолюциями Генеральной Ассамблеи, касающимися работы УВКБ ООН,

ссылаясь также на руководящие указания, изложенные в его предыдущих выводах, в частности заключениях № 18 (XXXI), № 40 (XXXVI), № 52 (XXXIX), № 56 (XL), № 80 (XLVII), № 67 (XLII), № 91 (LII), № 100 (LV), № 101 (LV), № 104 (LVI), № 105 (LVII), пункт *i*) *i*), № 107 (LVIII), пункт *b*) *xiii*), № 109 (LX) и № 111 (LXIV), а также принимая к сведению резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, касающиеся работы Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев,

1) *заявляет о своей приверженности* дальнейшему укреплению международного сотрудничества и солидарности и справедливому распределению ответственности; и далее настоятельно призывает все государства и УВКБ ООН активизировать свои усилия по осуществлению этих важных принципов, в том числе путем предоставления необходимой поддержки принимающим странам путем мобилизации финансовых и других необходимых ресурсов, предоставить защиту и помощь и обеспечить реализацию долговременных решений в интересах беженцев и других подмандатных лиц, в соответствующих случаях, с тем чтобы укрепить возможности адаптации и повышения устойчивости принимающих общин, а также оказывать помощь на более предсказуемой, своевременной, стабильной, справедливой и транспарентной основе;

2) *признает* необходимость оказания государствам помощи в проведении — в соответствии с нормативно-правовой базой — скорейшей и эффективной регистрации и обеспечении документами беженцев с учетом специфики каждой конкретной ситуации;

[1] Публикуется по: Доклад Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Шестьдесят седьмая сессия (3—7 окт. 2016 г.): док. ООН A/71/12/Add.1. — Нью-Йорк: ООН, 2016. — С. 6—10.

3) *признает* важный вклад стран убежища и стран, принимающих большое количество беженцев и предоставляющих им защиту, в частности развивающихся стран с ограниченными ресурсами, которые продолжают делать это в затяжных ситуациях в соответствии с международным правом, включая международное право беженцев, и установленными принципами и стандартами;

4) *отмечает*, что надлежащее функционирование систем предоставления убежища и международной защиты в целом зависит от эффективного и скорейшего возвращения в условиях безопасности и достоинства в свои страны происхождения лиц, признанных не нуждающимися в международной защите, *напоминает* об обязательствах государств принимать обратно своих граждан и *призывает* к укреплению международной поддержки и сотрудничества в этом направлении;

5) *призывает* государства на своевременной и предсказуемой основе направлять средства для гибкого использования или незарезервированные средства, что позволит УВКБ ООН выполнять свой мандат по защите и поиску решений при одновременном реагировании на гуманитарные ситуации;

6) *напоминает* о добровольном характере репатриации беженцев и праве беженцев на возвращение в свои страны и *признает* в контексте добровольной репатриации важность решительных усилий в стране происхождения, в том числе реабилитации и помощи в целях развития для содействия добровольному, безопасному и достойному возвращению и устойчивой реинтеграции беженцев, и обеспечения национальной защиты;

7) *напоминает*, что добровольную репатриацию не обязательно следует ставить в зависимость от достижения политических решений в стране происхождения, чтобы не препятствовать осуществлению права беженцев на возвращение в свои страны;

8) *призывает* государства и все другие соответствующие стороны, действуя в духе международной солидарности и совместной ответственности, продемонстрировать свою приверженность всеобъемлющему многостороннему и многосекторальному сотрудничеству и усилиям, направленным на устранение коренных причин затяжных ситуаций, связанных с беженцами; обеспечение того, чтобы людям не приходилось покидать свои страны в надежде обрести безопасность в других местах; и разрешение сохраняющихся затяжных ситуаций, связанных с беженцами, при полном уважении прав затронутых лиц;

9) *призывает* международное сообщество сотрудничать в целях мобилизации адекватной и стабильной поддержки для обеспечения устойчивой реинтеграции беженцев после их добровольного возвращения, в частности в рамках стратегий, предусматривающих более широкое участие субъектов, занимающихся вопросами развития и действующих в сотрудничестве с УВКБ ООН и другими гуманитарными структурами и заинтересованными государствами, и при надлежащей связи между гуманитарной деятельностью и деятельностью в целях развития;

10) *приветствует и поощряет* дальнейшее расширение и стратегическое использование переселения в качестве важного инструмента защиты и распределения ответственности на глобальном уровне, в частности из стран, принимающих у себя большое число беженцев, в том числе с участием более широкого круга стран переселения и других заинтересованных сторон, в частности гражданского общества, включая организации, оказывающие финансовую помощь беженцам;

11) *призывает* государства рассмотреть возможность создания, расширения или облегчения доступа к дополнительным и устойчивым путям защиты и решениям для беженцев в сотрудничестве с соответствующими партнерами, включая, в надлежащих случаях, представителей частного сектора, в том числе за счет гуманитарного допуска или передачи, воссоединения семей, миграции квалифицированных кадров, программ мобильности трудовых ресурсов, стипендий и образовательных программ мобильности;

12) *рекомендует* в целях защиты беженцев и других подмандатных лиц и обеспечения решений оказывать поддержку принимающим сообществам и укреплять связи между заинтересованными сторонами, а также между гуманитарной деятельностью и деятельностью в области развития посредством реализации всесторонних и многолетних стратегий с участием многих партнеров, планирования и разработки программ на основе предсказуемой финансовой помощи;

13) *отмечает* значительный разрыв между потребностями беженцев и имеющимися ресурсами, поощряет поддержку со стороны более широкого круга доноров и меры по обеспечению более гибкого и предсказуемого финансирования гуманитарной деятельности, приветствует расширение участия Всемирного банка и многосторонних банков развития и улучшение доступа к льготному финансированию развития для затронутых сообществ и призывает к мобилизации инвестиций частного сектора в поддержку сообществ беженцев и принимающих стран;

14) *призывает* принять меры к тому, чтобы распространить системы кредитования, действующие для развивающихся стран, на страны со средним уровнем дохода, принимающие большое число беженцев, учитывая экономические и социальные издержки этих стран;

15) *отмечает* преимущества проведения консультаций и участия подмандатных лиц в планировании и разработке программ УВКБ ООН, которые затрагивают таких лиц и в реализацию которых такие лица могут вносить свой вклад;

16) *напоминает* о достигнутом прогрессе в урегулировании случаев безгражданства в последние годы, в том числе путем присоединения к конвенциям о безгражданстве и принятия мер на региональном и национальном уровнях, и о ценности международного сотрудничества в целях предотвращения и сокращения безгражданства и поиска решений для лиц без гражданства, в том числе с помощью Глобальной кампании УВКБ ООН по ликвидации безгражданства, и *призывает* продолжать усилия в этом направлении;

17) *просит* УВКБ ООН регулярно информировать об осуществлении этого заключения в рамках существующих механизмов отчетности.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 36—37.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 36—37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА УВКБ ООН № 113 (LXVII) — 2016: ПО ВОПРОСУ О МОЛОДЕЖИ [1]

Исполнительный комитет,

отмечая принятие 19 сентября 2016 г. Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах,

учитывая, что молодежь составляет все более значительную долю подмандатного контингента УВКБ ООН,

вновь подтверждая важность учитывающих возрастные и гендерные факторы подходов к молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН,

отмечая, что настоящее заключение касается молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, включая беженцев, лиц, ищущих убежища, лиц без гражданства и репатриантов, а также внутренне перемещенных лиц, на основе конкретных просьб Генерального секретаря и с согласия соответствующего государства; и что УВКБ ООН осуществляет деятельность в поддержку молодежи, на которую распространяется его мандат, и принимающих сообществ в зависимости от обстоятельств,

отмечая, что молодые люди из числа беженцев, внутренне перемещенных лиц и лиц без гражданства в силу своего положения особо уязвимы и часто подвергаются негативному воздействию и могут подвергаться повышенному риску,

принимая во внимание важность обеспечения, когда это возможно, участия молодежи в оказании гуманитарной помощи и других процессах принятия решений, касающихся их самих и их сообщества,

признавая, что молодежь во многих случаях способна вносить значительный вклад в жизнь своих сообществ; отмечая Глобальный процесс консультаций по вопросам молодежи из числа беженцев, проведенный УВКБ ООН в партнерстве с рядом государств, Комиссией по вопросам женщин-беженцев и гражданским обществом в 2015 и 2016 гг., и проведенные УВКБ ООН в 2015 г. консультации по вопросам детей и молодежи без гражданства,

принимая к сведению соответствующие международно-правовые документы, касающиеся защиты детей в части, касающейся молодежи, и ссылаясь на руководящие указания, содержащиеся в предыдущих заключениях Исполнительного комитета, касающихся молодежи, в том числе заключениях № 98 (LIV), № 99 (LV), № 100 (LV), № 101 (LVI), № 102 (LVI), № 105 (LVII), № 107 (LVIII) и № 108 (LIX),

1) *принимает к сведению* вклад молодых людей, вносимый посредством участия в ориентированных на них самих и их сообщества программах защиты и помощи, отмечая при этом, что они как группа лиц с особыми потребностями, связанными с этапом их жизни и развития, которая способна внести важный вклад, часто остаются без внимания;

2) *призывает* УВКБ ООН, государства и соответствующие заинтересованные стороны продолжать взаимодействие, консультации и деятельность при активном участии молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, в том числе Глобальный процесс консультаций по вопросам молодежи из числа беженцев, в зависимости от обстоятельств;

3) *призывает* УВКБ ООН, государства и соответствующие заинтересованные стороны активно выявлять пути вовлечения молодежи в реализацию программ защиты и помощи, молодежных стратегий и планов действий в зависимости от обстоятельств, в том числе посредством их конструктивного участия и представительства в процессах управления их сообществами и принятия решений;

4) *призывает* к систематическому сбору и использованию достоверных данных о молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, по возрасту и полу, уважая при этом неприкосновенность частной жизни и принцип конфиденциальности, для обеспечения более эффективного учета особых и разнообразных потребностей молодежи;

5) *призывает* международное сообщество предоставлять УВКБ ООН, соответствующим государствам и партнерам необходимую поддержку и ресурсы для удовлетворения конкретных и разнообразных потребностей и укрепления потенциала молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН;

6) *признает*, что программы УВКБ ООН осуществляются в соответствии с его мандатом и международным правом беженцев, и *призывает* УВКБ ООН, государства-члены и соответствующие заинтересованные стороны в надлежащих случаях, с согласия соответствующих государств и в соответствии с их национальным законодательством:

[1] Публикуется по: Доклад Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Шестьдесят седьмая сессия (3—7 окт. 2016 г.): док. ООН A/71/12/Add.1. — Нью-Йорк: ООН, 2016. — С. 10—12.

a) *активизировать* поддержку молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, и ее участие в программах, направленных на развитие лидерских навыков, в том числе в программах, которые позволят ей развивать партнерские отношения и сети на всех уровнях;

b) *удовлетворять* потребности и содействовать вкладу и участию девочек-подростков и молодых женщин в качестве партнеров среди молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, при активном участии молодых мужчин и мальчиков-подростков;

c) *поддерживать* активное участие и вклад молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, в том числе в партнерстве с национальными молодежными структурами, когда таковые имеются в государствах, размещающих и принимающих у себя беженцев, в процессах планирования, составления программ и обеспечения решений в их интересах;

7) *обязуется* активизировать привлечение и участие молодежи, входящей в сферу ответственности УВКБ ООН, в том числе посредством мер в области образования и профессиональной подготовки, формирования жизненных навыков и создания возможностей получения средств к существованию, с согласия и в соответствии с законодательством принимающих государств и таким образом, чтобы вносить вклад в поддержку принимающих сообществ посредством укрепления международного сотрудничества и распределения ответственности, и призывает международное сообщество мобилизовать необходимые финансовые и другие ресурсы;

8) *подчеркивает* настоятельную необходимость принятия дополнительных мер для предупреждения безгражданства детей, взаимодействия с молодежью без гражданства и поиска для нее решений, в том числе в соответствии с тем, как это отражено в Глобальной кампании УВКБ ООН по ликвидации безгражданства и в докладе 2015 г. «Я здесь, я один из вас», и призывает продолжать усилия по поощрению присоединения к конвенциям по безгражданству, где это применимо, и принятию мер на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 38—46.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 38—46.

Памяти команданте посвящается

ФЕНОМЕН ФИДЕЛЯ КАСТРО

Александр Челядинский

В статье излагаются основные этапы жизнедеятельности выдающегося государственного деятеля Кубы, который поднял народ своей страны на борьбу за национальное и социальное освобождение. Показана самоотверженная работа команданте по строительству нового общества в условиях отсталости страны, политической и экономической блокады Кубы со стороны США, конфронтации последних с СССР, чуть ни приведшей к третьей мировой войне. Особая заслуга Кастро состоит в том, что после распада СССР Куба выстояла перед натиском США.

Ключевые слова: Батиста; Беларусь; блокада; Монкада; октябрьский кризис 1962 г.; особый период; СССР; Сьерра-Маэстра.

«Fidel Castro Phenomenon» (Alexandr Chelyadinsky)

The article sets out the main life stages of a distinguished statesman of Cuba, who upraised his people for a national and social release. The author demonstrates titanic, dedicated work of Comandante on construction of a new society against the backgound of the country's backwardness, political and economic blockade of Cuba by the United States, the last confrontation with the Soviet Union, almost leading to the third world war. The special merit of Castro is that after the disappearance of the Soviet Union Cuba managed to withstand the US onslaught.

Keywords: Batista; Belarus; blockade; Moncada; October crisis 1962; Sierra Maestra; Special Period; USSR.

Author:
***Chelyadinsky Alexandr** — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: kir@bsu.by*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Материал статьи готовился к 90-летия команданте, но он ушел из жизни в декабре 2016 г. Тем не менее, новизна данного исследования состоит в том, что впервые в белорусской исторической и политической науке сделана попытка изучить феномен фигуры Фиделя Алехандро Кастро Рус, внесшего огромный вклад в дело национального и социального освобождения своей страны. Кроме этого, автор хотел бы противопоставить свое исследование тем работам, которые в последнее время сводят историю Ф. Кастро к многочисленным любовным приключениям, полным пошлости и цинизма и рассчитанным на вкусы невзыскательной публики. К такого рода публикациям, например, относятся статья М. Васильева в «Комсомольской правде» [3] и так называемое «фундаментальное» издание внебрачной дочери команданте [20]. Самое существенное, что вызывает протест у автора статьи, — попытка вторгаться «современными правовыми и моральными нормами» в трактовку прошлого Кубы и Кастро, как если бы кубинцы постоянно жили по западным стандартам, имели бы такие же представления о добре и зле, моральные установки, судили бы о национальных событиях так же, как это делают сейчас. Например, М. Веллер отмечает: «Изначально США было плевать на Фиделя. Куба их не колыхала. Бордель с бухлом и казино: банановый остров расслабухи. Если Кастро хочет сесть на место Батисты — это их проблемы» [см.: 3]. Вот так, все просто и понятно, нечего здесь разводить всякие рассуждения и делать научные выводы. Чтобы закрыть тему личной жизни команданте, сошлемся на его беседу с советским разведчиком, переводчиком с испанского Н. Хрущёву и Л. Брежневу, генералом Н. Леоновым, профессором, доктором политических наук: «Пиши все, что касается моей политической деятельности. Здесь у меня нет никаких секретов. А личную жизнь, мои душевные привязанности оставь мне — это мое единственное достояние» [15, с. 4]. Так поступим и мы.

Автор:
Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: kir@bsu.by*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Шадурский Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Анисяев Михаил Андреевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Института национальной безопасности Республики Беларусь

Отойдя с 2007 г. от руководства правящей партией и кубинским государством, Кастро посвятил себя изучению актуальных вопросов не только Кубы, но и международных отношений, философии, истории, морали, глобальных проблем. Все материалы выходили под названием «Размышления главнокомандующего» и публиковались в газете «Гранма».

Анализируя историографию, посвященную лично Ф. Кастро, отметим работы российских исследователей В. Бородаева, Н. Леонова [1; 15], Ю. Гаврикова [4], Е. Ларина [13], М. Макарычева [17], Л. Окуневой [19]. Из западноевропейских исследователей следует отметить английского историка С. Бэлфора [2], французского историка Р. Мерля [18], испанского аналитика И. Рамонета [27]. Многие судьбоносные моменты жизни Ф. Кастро отражены в его речах, воспоминаниях и выступлениях, к которым автор статьи обращался по ходу работы [9—11; 28; 29].

В рамках статьи невозможно изложить всю палитру жизнедеятельности этого человека. Поэтому остановимся на ключевых этапах его жизни, которые представляют интерес для нынешних историков, политологов, социологов, юристов, стремящихся отойти от общепринятых клише, догм, вымыслов при освещении биографий выдающихся личностей, к которым, безусловно, относится и наш персонаж.

Для нас главное — ответить на вопрос: в чем состоит феномен этого человека не только для Кубы, Латинской Америки, но и для всего мира? Можно ли утверждать, что Фидель — это прошлое, утопист XX в., революционер, «штурмующий небо», и т. д. Автор согласен с мнением известной российской исследовательницы Латинской Америки Л. С. Окуневой: «Размышляя о Фиделе Кастро, его влиянии на судьбы страны, неизбежно обращаешься к проблеме "роли личности в истории" — вот уж поистине личность, которая, сумев впитать, почувствовать и выразить все противоречия эпохи, изменила сам ход событий» [19, с. 103].

Такая оценка, на наш взгляд, обусловлена основным принципом жизни и деятельности команданте, который можно назвать кратко: «**иной путь возможен**». По Кастро, смыслом жизни человека является не накопление материального богатства, а аскетичность, главным устремлением — не деньги и власть, а книги и знания. Ведь после распада СССР все идеи об альтернативности неолиберальному курсу Запада подверглись остракизму. Считалось, что этот курс является универсальным и годится не только для Кубы, Беларуси, России, но и для всего мира. Но прошло уже более четверти века и оказалось, что все основные мировые проблемы, о которых с 2007 г. стал писать Ф. Кастро в своих «Размышлениях главнокомандующего», не решены. Наоборот, появились и обострились новые, к которым либеральный Запад оказался абсолютно не готов, что показали события в некоторых странах Европы. Англо-американская модель общественного развития по мере убывания «белого населения» уже вступила в нисходящую фазу и ни материально, ни, тем более, морально уже не является эталоном для других цивилизаций, народов, людей.

Феномен Кастро не возник 1 января 1959 г. с момента победы революции. Феномен возник с появлением третьего ребенка в семье выходца из Галисии (Испания) Анхеля Кастро Архиза, крупного землевладельца, которому земля досталась не по наследству, а в результате упорного труда, и кубинки с небольшой примесью африканской крови Лины Рус Гонсалес. Несмотря на то, что с 1902 г. Куба стала формально независимой республикой, фактически установился неоколониальный режим, выступающий защитником интересов США. Много позже Фидель вспоминал: «Мне повезло, что я был сыном землевладельца, а не его внуком. В противном случае я бы родился в аристократической семье, где бы меня окружала атмосфера сытости, достатка и благополучия. А я вырос в обстановке, когда меня окружали представители бедноты, как и родственники отца, приехавшие к нам из Галисии» [27, p. 78]. От отца Фидель унаследовал предприимчивость, силу воли, храбрость, стремление преодолевать трудности; от матери — терпимость, правдивость, стремление к помощи ближнему, к учебе. Последнее качество надо отметить особо, потому что Фидель прошел 13-летний курс полного среднего образования в трех колледжах, включая иезуитский «Белен» в Гаване. Любопытная характеристика была дана Кастро иезуитами по окончании учебы: «Отличался всегда во всех дисциплинах, связанных с литературой. Его успехи блестящи. Великолепный атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа на соревнованиях. Сумел завоевать любовь и восхищение своих товарищей. Он намерен изучать юриспруденцию, и мы не сомневаемся, что он заполнит блестящими страницами книгу своей жизни. Фидель — это великолепный материал, а художник для работы с таким материалом обязательно найдется» [17, с. 64].

Второй важный этап в жизни Кастро — учеба на юридическом факультете Гаванского университета. Именно университет повлиял на его мировоззрение и заставил его сделать политический выбор — **борьба за справедливость**. Альфредо Гевара, студенческий друг Кастро, давал ему такую характеристику: «Фидель был искателем справедливости. Это был юноша очень умный, с чистым сердцем, чрезвычайно добрый, но заряженный такой жаждой деятельности, что из него мог получиться второй Хосе Марти (национальный герой Кубы, погибший в борьбе за неза-

висимость страны в 1895 г. — *А. Ч.*). Но не дай Бог, если этот сгусток энергии выйдет из-под контроля» [1, с. 29].

Политическое сознание, которое помогло Кастро понять жизнь, понять мир, разобраться в кубинском обществе и в его истории, он приобрел, будучи студентом с 1945 по 1949 г.: «В основном это произошло, когда я познакомился с марксистской литературой, которая оказала на меня огромное влияние и помогла понять вещи, в которых иначе я бы не разобрался» [1, с. 27]. Тем не менее, в конце 1940-х гг. он не вступил в Народно-социалистическую партию Кубы — так называлась тогда компартия, поскольку для Кастро в то время и в будущем важнее были тактические соображения, чем идеология. Много позже, объясняя этот принцип, он писал: «единственной подлинно революционной и антиимпериалистической была программа компартии Кубы, которая, однако, оставалась в изоляции» [30, p. XXX]. К тому же, логика действий коммунистов не находила отклика у молодого студента: те делали ставку только на пролетариат и полностью игнорировали другие слои общества.

В период учебы у Кастро проявилась еще одна черта, которая свойственна до сих пор многим представителям народов континента, — **латиноамериканизм**, т. е. чувство солидарности с любым народом и страной, где нарушается социальная справедливость, которую надо восстановить всеми средствами, включая вооруженную борьбу. Летом 1947 г. он принял участие в десанте из 1200 человек, который должен был отправиться в Доминиканскую Республику для свержения режима Р. Трухильо. Но о плохо подготовленной экспедиции стало известно в Вашингтоне, и военному министру Кубы было приказано арестовать инсургентов. Ф. Кастро оказался единственным, кому удалось избежать ареста, но из доминиканского опыта он извлек **первый урок**: подготовка вооруженной экспедиции должна быть глубочайшей тайной.

В это же время произошло изменение и в его личной жизни. В университете он познакомился со студенткой философского факультета Миртой Диас-Баларт, которая стала его первой и единственной официальной женой. Она принадлежала к очень богатой и влиятельной семье, а ее отец еще с конца 1930-х гг. был другом Ф. Батисты [17, с. 82]. От этого брака родился маленький Фидель — Фиделито. Во время ареста и нахождения Фиделя в тюрьме в 1953—1954 гг. Мирта подала на развод, не выдержав психологического давления родственников («жена государственного преступника»), и уехала с новым мужем в Испанию, вернув Фиделито отцу уже после 1959 г. Сын Кастро окончил вуз в СССР и долгие годы возглавлял Агентство по ядерной энергетике Кубы [4, с. 25].

Второй, более серьезный, **урок** Кастро извлек из колумбийских событий апреля 1948 г., когда был подписан Устав Организации американских государств, что вызвало протест латиноамериканской молодежи и привело к созыву конгресса в Боготе. В нем принял участие и Фидель. Убийство во время этих событий прогрессивного деятеля Колумбии Э. Гайтана вызвало народное восстание, «боготасо», в котором принял участие и молодой кубинец. Кастро сделал вывод: беспомощность и тупиковость народной стихии, если она не имеет лидера и политической организации: «народ все погубил, потому что бросился грабить.., что можно было ожидать от него, с его культурным уровнем и уровнем образования. Люди походили на муравьев, тащили на себе рояли, холодильники и прочее» [17, с. 86]. Не случайно, уже после боготинских событий, заканчивая университет, Кастро пришел к выводу о необходимости создания новой политической организации, которая могла бы возглавить стихийные выступления народа. В этом он еще раз убедился, извлекая урок из инцидента 12 марта 1949 г., когда трое пьяных моряков США осквернили статую Х. Марти в гаванском парке. Разгневанная толпа кубинцев намеревалась тут же линчевать «янки», но подоспевшим полицейским с трудом удалось их спасти. На следующий день многотысячная демонстрация протеста по инициативе Кастро собралась атаковать посольство США. Растерянный посол Роберт Батлер стал бормотать слова извинения и поспешил возложить венок к памятнику Марти, который тут же был выброшен [5, с. 296].

На национальное самосознание кубинцев большое влияние оказали два события начала 1950-х гг. — Корейская война и гватемальская революция. Боясь повторения Гватемалы, США развернули пропагандистскую кампанию с целью «не допустить победы коммунизма в Карибском бассейне» [13, с. 108]. Начался поиск личности, которая могла бы устранить нарастание социальной напряженности в стране путем развязывания репрессий и отмены даже декоративных прав, записанных в Конституции 1940 г. Получив «добро» от кубинской армии, а также посольства США, состоящего из агентов ЦРУ и ФБР, 10 марта 1952 г. Ф. Батиста — бывший сержант и стенографист, совершил государственный переворот, что было для того времени характерным и для других стран региона. Но нигде, кроме Кубы, не произошло формирования широкого антидиктаторского движения. И здесь снова приходится говорить о роли Ф. Кастро, к тому времени уже получившего степень доктора права, имевшего солидную адвокатскую фирму, красавицу-жену и сына. Тем не менее, переворот вызвал протест Фиделя, хотя некоторые представители кубинской интеллигенции пытались его шантажировать тем, что его тесть — ярый сторонник

Батисты. В ответ Кастро опубликовал статью «Я обвиняю», которая была направлена лично против Батисты. Диктатор обвинялся в бессовестной демагогии, лицемерии: «Ты говоришь о Родине, а сам являешься всего-навсего верным псом империализма, холуем всех послов» [1, с. 67]. Таким образом, 26-летний юрист связал политику Кубы и США в одно целое. В то время как буржуазные партии, расколовшись на фракции, проявляли крайнюю нерешительность, исходили словесной бранью в адрес диктатора, Кастро заявил: «Батиста захватил власть силой, **прогнать его надо силой**» [18, с. 16—17] (выделено нами. — *А. Ч.*).

Но руководство Народно-социалистической партии (коммунисты Кубы) крайне негативно воспринимало Фиделя Кастро. Как заметил английский историк С. Бэлфор, Кастро представлялся политическим аутсайдером, выскочкой и вызывал раздражение у всех традиционных партий, включая коммунистов [2, с. 64].

Понадобилось много лет движения навстречу друг другу трем частям освободительного процесса на Кубе: рабочего класса, студенчества и средних слоев общества, чему способствовала угодническая политика диктатуры в отношении США, предусматривающая, как и в прежние десятилетия, сохранение Кубы в положении полуколонии. Это выразилось не только в полном подчинении экономики страны интересам монополий северного соседа, но и в идеологической обработке общественного сознания, воспитания в духе «американизации» кубинского народа, преклонения перед могуществом США, что должно было парализовать стремление к сопротивлению. Тысячи состоятельных американцев посещали остров в качестве туристов. Им в угоду открывались казино, публичные дома, ночные клубы. Гавана процветала под названием «Карибская Ривьера» [6, с. 413—414, 416]. В целом идеологическое проникновение США было столь глубоким, что Куба, по выражению Кастро, была их колонией не только с точки зрения экономики, но и в области идеологии. Все это приводило к тому, что «черты кубинского национального характера были почти стерты, и кубинцы были бессильны противостоять этому» [9, с. 423].

Но главной причиной, переполнившей чашу терпения большинства населения, был государственный терроризм, жертвой которого стали более 20 тыс. убитых и замученных молодых людей [32, p. 52]. Все политические партии были распущены, парламент фактически уничтожен, Конституция 1940 г. отменена. Выборы главы государства откладывались на неопределенное время. В таких условиях Кастро пришел к выводу о необходимости создания подпольного движения и самостоятельной вооруженной борьбы. Так возник план штурма военной базы Монкада [10, с. 225—230].

26 июля 1953 г., в год столетия со дня рождения Х. Марти, такое нападение состоялось. 150 повстанцев во главе с Кастро планировали захватить врасплох гарнизон, обезоружить его, раздать оружие народу и обратиться по радио к населению с Манифестом к нации, содержавшим призыв к борьбе. Накануне штурма Фидель обратился к своим соратникам: «Если мы победим, мы осуществим чаяния Хосе Марти. Если мы будем побеждены, наша борьба послужит примером народу Кубы и ее продолжат другие» [18, с. 334]. Тогда череда случайностей не позволила фиделистам добиться победы, но одновременно спасла жизнь самому Кастро и части его соратников. На суде, приговорившем его к 15 годам тюрьмы, Фидель защищал себя сам и там прозвучала его знаменитая речь «История меня оправдает». Вопреки утверждениям некоторых авторов, речь Кастро была выдержана в рамках кубинской традиции радикального национализма. В ней не содержалось требований слома всего общественного строя Кубы, говорилось лишь о необходимости его демократизации и установления социальной справедливости. Не было упоминания об империализме США и местной кубинской олигархии как главных врагах освободительной борьбы и о том, кто выступает ее гегемоном [28]. В речи не было, как позже писали некоторые исследователи, сознательно скрытого марксизма. Думается, что если бы в речи Кастро прозвучали имена не Данте, Св. Фомы Аквинского, Дж. Нокса, Т. Пейна, Дж. Мильтона, а К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Бакунина, В. Ленина, Л. Троцкого, то Фидель не вышел бы живым из той знойной небольшой комнаты, где шло судилище. Кастро много позже честно признавался: «Я сам, с энтузиазмом относясь к протестам против тогдашнего правительства, чувствовал себя мотивированным **другими ценностями**, которые, как понял впоследствии, были еще далеки от революционной сознательности, приобретенной позднее» [30, p. XXX] (выделено нами. — *А. Ч.*). Это уже потом, в тюрьме на острове Пинос, осмысливая причины неудачи 26 июля, он обратился к работам марксистов, из чтения которых сделал вывод о том, что успех возможен при условии объединения политических сил, выражающих интересы большинства народа, включая часть армии и часть буржуазии.

Венесуэльский историк Г. Аналько отмечает, что США сначала «серьезно не воспринимали Фиделя и его борьбу против режима Батисты, считая его только современным Робин Гудом» [26, p. 98]. Однако Кастро после амнистии вынужден был эмигрировать в Мексику, боясь физической расправы над собой, братом Раулем и другими соратниками. 10 июля 1955 г. он опубликовал статью под заголовком «Мы еще вернемся», в которой открыто заявил, что будет готовить вооруженную экспедицию на остров для свержения диктатуры [25, p. 8].

Материальных предпосылок на Кубе для этого было достаточно. В период с 1952 по 1958 г. чуть больше половины лиц наемного труда имели цикличную занятость. 14 % населения страдали от туберкулеза, 13 % болели тифом, 64 % не имели отхожих мест, 82 % не пользовались баней или душем. Только в 7 % домов имелось электричество, 60 % населения жило в трущобах, половина детей в возрасте 6—14 лет никогда не посещали школу. В то время как США контролировали более 60 % внешней торговли Кубы; 8 % собственников держали в своих руках 75 % территории страны [33, p. 20—23]. Имея райские климатические условия, Куба импортировала 60 % зерна, 37 % овощей, 84 % жиров и масла, 80 % фруктовых консервов, 100 % рыбы, 83 % сладостей и варенья [4, с. 354].

2 декабря 1956 г. Фидель выполнил обещание и высадился на берег Кубы с отрядом из 82 повстанцев, прибывших с ним на яхте «Гранма», купленной у некого Р. Б. Эриксона за 15 тыс. дол. США [25, p. 98]. Но революционная война началась с тяжелого поражения фиделистов: в ходе высадки и последующих столкновений с регулярной армией погибла большая их часть. До сих пор историки спорят, сколько осталось повстанцев, ушедших в горы Сьерра-Маэстра. Российский исследователь Н. Леонов писал: «Когда выяснилось, что в отряде всего 12 человек и 7 винтовок, Фидель, обращаясь к товарищам, четко и ясно сказал: "Теперь мы выиграли войну с диктатурой!". Голодные, измученные бойцы потом признавались, что в тот час они подумали, что Фидель просто-напросто свихнулся» [15, с. 5].

Здесь проявилась определенная гибкость мышления и поведения Кастро в отношении разных социальных слоев кубинского общества и США. Для того чтобы армия повстанцев не испытывала недостатка в кадрах, в ходе расширения свободных зон Фидель стал проводить экспроприацию земель у крупнейших латифундистов и принимать законы, которые потом станут основой аграрной реформы. Чтобы убедить общественное мнение США и колеблющихся на Кубе в силе своей повстанческой армии, Фидель пригласил в горы журналиста газеты «Нью-Йорк Таймс» Г. Мэтьюса и 17 февраля 1957 г. дал ему обширное интервью, поскольку кубинские власти, а следом за ними и власти США объявили Кастро убитым. Интервью и последующая публикация показали миру, что Кастро жив и располагает значительными силами [31, p. 6—8].

Во время борьбы с диктатурой в Сьерра-Маэстра Фидель сочетал личную храбрость с политическим мужеством, он всегда шел в первых рядах инсургентов. Умение работать с людьми, находить среди них соратников на всю жизнь — важнейшая черта Кастро, которая проявилась и в годы борьбы с диктатурой, и после победы революции вплоть до наших дней. В горах в 1958 г. Кастро организовал две колонны под командованием Рауля Кастро и Камило Сьенфуэгоса, ставшие основой второго фронта борьбы. Повстанцы разбили карательные войска диктатуры численностью более 10 тыс. человек [12, с. 57]. Это был решающий перелом, когда все оппоненты Фиделя из числа буржуазных партий и даже офицеры и генералы батистовской армии спешили признать лидерство Фиделя Кастро [29, p. 380—381]. Но он не допускал и мысли о том, чтобы на волне протеста, в котором приняли, наконец, участие и коммунисты, к руководству революцией примазались разного рода «прилипалы».

1 января 1959 г. Батиста бежал с Кубы в Доминиканскую республику, прихватив 424 млн дол. казенных денег, 300 млн дол. США собственного состояния [17, с. 109]. 2 января Фидель Кастро во главе Повстанческой армии вступил в Сантьяго-де-Куба и направился в казармы Монкада, где командующий гарнизоном признал капитуляцию. Ирония истории: революция победила в том самом месте, где началась 5 лет, 5 месяцев и 5 дней назад — 26 июля 1953 г. Начался революционный период 1959—1998 гг. Почему революционный? Фидель Кастро должен был доказать прежде всего себе, соратникам и народу Кубы, что многолетняя освободительная борьба принесет стране истинную независимость и социальное равноправие. Но не в условиях мира и спокойствия, а в условиях враждебности и постоянного давления со стороны бывшего праздного класса Кубы и США.

Выступая на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1960 г., Ф. Кастро отметил: «Какой выбор стоял перед революционным правительством? Предать народ? Конечно, для сеньора президента Соединенных Штатов Америки то, что мы сделали для нашего народа, является предательством, однако он не оценил бы нашу деятельность так, если бы мы вместо того, чтобы быть верными народу, остались верны крупным североамериканским монополиям, которые эксплуатировали экономику нашей страны» [11, с. 13]. Революция отобрала у богатых людей Кубы и монополий США землю, заводы, фабрики, средства коммуникаций, судоходный флот. Все богатства страны были брошены на решение острых социальных проблем. За первые 30 лет революции страна совершила огромный социальный скачок: детская смертность уменьшилась в 5 раз, продолжительность жизни с 58 лет увеличилась до 76 лет, один врач приходился на 303 жителей вместо 1100 в 1959 г., неграмотность была ликвидирована полностью, образование всех уровней, включая университетское, стало бесплатным [33, p. 31].

Однако, несмотря на успехи в социальной сфере, в других направлениях возникли проблемы, которые начались еще на заверша-

ющем этапе борьбы против диктатуры. Речь шла о формировании институтов политической власти, и возник вопрос, кто составит ее каркас, поскольку новая Куба нуждалась в профессиональных кадрах, преданных идеям революции. Все замыкалось на одной личности — Фиделе. Но иногда и он не знал, что надо делать. Эрнесто Че Гевара вспоминал: «Когда наступило время назначений на должности, около сотни капитанов и большое число майоров... потребовали государственных постов... Всех этих людей объединяло одно общее желание — погреть руки за счет государственной казны... Они хотели получить должности финансовых инспекторов, сборщиков налогов и т. п., где деньги сами шли в карман — только не зевай» [22, с. 226—227].

Генерал Н. Леонов был не совсем прав, когда в своей замечательной статье «Исполинская фигура» писал, что у Фиделя Кастро «не появилось предателей из близкого окружения, в революционном руководстве не было расколов» [15, с. 6]. В октябре 1959 г. один из его соратников по антидиктаторской борьбе Уберто Матос посчитал, что незаслуженно обойден высоким государственным постом, и поднял вооруженный мятеж в горах Эскамбрая. Фиделю и Камило Сьенфуэгосу пришлось ехать в г. Камагуэй, выступать перед сотнями тысяч жителей и, в конце концов, Матос сдался властям. В марте 1962 г. некоторые члены дореволюционной Народно-социалистической партии (коммунисты) в процессе создания новой политической организации попытались перехватить у Ф. Кастро инициативу и поставить во главе местных органов своих сторонников (дело Анибала Эскаланте). Кастро отстоял свое видение будущей партии и даже попросил руководство КПСС заменить посла СССР на Кубе, который поддерживал раскольников. Его просьба была удовлетворена [2, с. 130—131].

Характеризуя Ф. Кастро как политическую личность, необходимо отметить, что в ходе поисков модели общественного развития он исходил из его социалистичности, о чем впервые сказал после разгрома наемников США 17 апреля 1961 г. на побережье залива Кочинос, Плайя-Хирон. Он глубоко изучил опыт СССР, КНР, КНДР, восточноевропейских государств. Слом буржуазной государственной машины на Кубе, ориентированной на США, потребовал очень внимательного и осторожного подхода, который не копировал бы опыт СССР и его союзников. В первые годы существования независимости Фидель Кастро прибегал к использованию метода «прямой демократии», когда на площади в Гаване собирались сотни тысяч людей, а Фидель излагал те или иные программные положения в течение 6—7 ч. Этот метод раздражал руководство КПСС, но полностью соответствовал тому, на что указывал В. Ленин: конкретный план организации жизни нового общества может дать только «масса снизу, путем опыта... Пусть будут ошибки, это ошибки нового класса при создании нового общества» [14, с. 147]. В этой связи характерной чертой Кастро как человека и политика была **честность**. Перед народом он не скрывал ошибок и просчетов в период становления и развития однопартийной системы и централизации власти, к которым его подталкивали агрессивные действия США и внутренней контрреволюции. Своим жизненным принципом Кастро и его соратники считали — «**никогда не лгать**». Ни себе, ни народу, ни друзьям, ни врагам: «Мы никогда не лжем, разумеется, мы не информируем противника о том, что ему не следует знать, не информируем и все. Это неизменный принцип» [17, с. 9].

Вне всякого сомнения, крайне агрессивная политика США в отношении новой Кубы с 1959 по 2015 г. заставила Фиделя, Рауля и других руководителей страны обратиться к помощи Советского Союза, что давало возможность решать острейшие социальные проблемы. В январе 1959 г. СССР признал Кубу, в феврале 1960 г. подписал с ней торговое соглашение о предоставлении ей кредитов, снабжении нефтью и другим сырьем, обеспечил рынок сбыта по мировым ценам кубинского сахара. Вклад Беларуси также был весомым, о чем говорили Фидель Кастро во время визита в Минск в июле 1972 г. и Рауль Кастро в декабре 1976 г. Станки, велосипеды, часы, приборы и другие товары пользовались у кубинцев огромной популярностью. «Кубинской революции солдат» — так они называли автомобиль МАЗ. Ежегодно 2,5 тыс. тракторов МТЗ поставлялось на Кубу. Беларусь оказала помощь Кубе и в подготовке кадров. Каждый год в нашей республике обучалось более 500 кубинских студентов и аспирантов. Проявлением дружбы между нашими народами явилось награждение в 1977 г. П. М. Машерова медалью «XX годовщины», утвержденной в ознаменование 20-летия штурма казарм Монкада [24, с. 13].

Решающую роль Фидель Кастро сыграл и в драматические октябрьские дни 1962 г., в период Карибского, или Кубинского, кризиса, который поставил на грань катастрофы не только Кубу, СССР, США, но и все человечество. Все перипетии этого кризиса изложены во многих монографиях, но особенно объективны в книге бывшего представителя Кубы в ООН Карлоса Лечуги [16]. Роль Кастро состояла в защите национальных интересов Кубы в геостратегической конфронтации СССР — США, постоянной мобилизации народа против актов вооруженной агрессии северного соседа. Как юрист он предлагал Н. Хрущёву подписать военный договор, поскольку уже знал, что 18 января и 7 марта 1962 г. Совет командующих штабами армии США принял решение о масштабной военной провокации против Кубы под назва-

нием «Мангуста» [29, p. 58—59]. Но советское руководство тянуло с подписанием правового документа и добилось устного согласия Ф. Кастро на переброску при помощи 85 кораблей почти 70-тысячного корпуса Советской армии, авиации и ракетной техники. Когда же кризис достиг максимума 26 и 27 октября, а Хрущёв и Кеннеди обменялись письмами о разрешении проблемы, Ф. Кастро не был поставлен в известность о происходящем. Кроме того, Куба не получила реальных гарантий от агрессии, изоляции, экономической блокады и постоянных провокаций. 30 лет спустя, в 1992 г., в интервью американскому телевидению Ф. Кастро отмечал, что в советско-американском соглашении надо было добавить только одну фразу: «Мы (СССР) готовы вывести ракеты, если США дадут Кубе удовлетворяющие ее гарантии, если Куба сможет принять участие в обсуждении этой проблемы» [34, p. 172—173]. Получалось, что страна и ее руководитель выступали в качестве «разменной монеты». Правда, в интервью испанскому журналисту Игнасио Рамонету он подчеркнул: «Было сделано очень много военных и политических ошибок. В октябре 1962 г. мы не могли сильно возражать против вывода ракет с нашей территории, поскольку тогда бы вступили в конфликт с двумя сверхдержавами, что было бы весьма сложно для Кубы» [27, p. 324—325].

Карибский кризис морально и физически измотал Фиделя Кастро. Вместе с соратниками он ушел в горы, отказавшись от общения с советскими представителями, за исключением А. Микояна. В Москве решили оправдаться перед Фиделем, пригласив его посетить СССР. Фиделю Кастро было присвоено звание Героя Советского Союза, он был избран почетным профессором МГУ. Почти двухмесячное пребывание в СССР сделало его любимцем простых советских людей [17, с. 125]. Но уроки Карибского кризиса повлияли на его отношение к советскому руководству. Подписание Московского договора о запрещении испытания ядерного оружия в августе 1963 г. вызвало новое беспокойство Ф. Кастро, поскольку, по его логике, Куба оказывалась без надежной защиты в виде ответного удара СССР по США. Он был убежден, что обязательствам США не нападать на Кубу доверять нельзя. Поэтому на первом же митинге в Гаване в 1966 г. Фидель заявил: «При отражении агрессии кубинцам придется полагаться на свои собственные силы» [8, с. 157].

Не отказываясь от развития отношений с СССР и его союзниками, став в 1972 г. членом СЭВ, превратившись в геополитическую опорную точку противоположной США системы, Куба при Фиделе Кастро резко усилила свою внешнюю политику по линии «Юг—Юг». Это привело к значительному росту престижа страны на международной арене. Было открыто более 100 посольств. В Гаване в 1979 г. прошла Конференция глав государств Движения неприсоединения [12, с. 69]. Кастро очень тактично вышел из советско-китайского конфликта 1960—1970-х гг., не принимая ни одну из сторон, и постоянно подчеркивал, что данное обстоятельство только ослабляет социалистическую семью [2, с. 152].

Высокий интеллектуальный потенциал Фиделя Кастро проявился и во время оказания помощи Анголе в отражении агрессии ЮАР в 1975 г. Команданте глубоко изучил данный вопрос и поразительно владел ситуацией. По воспоминаниям кубинского генерала Э. Эсколана, координатора действий войск в Анголе, Фидель вносил коррективы в ситуацию: «Это ошибка, здесь не хватает танков, осторожнее на юге!». Во время XXV съезда КПСС состоялась встреча Фиделя с тогдашним министром обороны СССР, маршалом А. Гречко. Ф. Кастро рассказывал последнему об Анголе, особенностях ее политики, экономики, географии. Гречко воскликнул: «Как же плохо работает советская разведка! Я и не знал, что ты был в Анголе!». Кастро объяснил, что он никогда не был там. Тогда Гречко поинтересовался, откуда Кастро так хорошо знает все подробности? Ответ Фиделя актуален для сегодняшних руководителей любого уровня: «В этом и заключается работа по поддержанию взаимодействия» [13, с. 105].

Мужество и героизм Кастро проявились и в период распада СССР, когда Россия, товарооборот с которой уменьшился с 10 млрд дол. до 300 млн (в 30 раз! — *А. Ч.*), фактически предала Кубу, став партнером США. Остановилось 60 % промышленности, пришлось забить 50 % молочного стада коров, из-за нехватки удобрений и запчастей резко упало производство сахара и, самое главное, возникла острейшая нехватка энергоносителей — нефти, газа, угля. Оппонентам Кубы — США казалось, что достаточно малейшего «толчка» и режим Кастро рухнет сам по себе. Принятие акта сенатора А. Торричелли в 1992 г., закона Хелмса — Бертона в 1996 г. должно было полностью изолировать Кубу от внешнего мира. Но в те непростые времена Кастро не потерял уверенность, спокойствие и, главное, веру в кубинский народ. Фидель честно сказал ему, что стране придется приспосабливаться к глобальному миру, искать и находить иные пути сохранения того, что уже было достигнуто, и развиваться дальше.

Воспользовавшись уходом России с острова, туда устремились союзники США — Канада, Испания, Мексика, Италия. Позже пришла КНР со своими инвестициями [21, с. 64—65]. Огромную поддержку Острову Свободы стала оказывать Боливарианская Республика Венесуэла, а ее лидер — Уго Чавес стал другом Фиделя до конца своей жизни. С 2000 по 2013 г. Кастро и Чавес подписали серию соглашений,

главным из которых был договор о поставке 100 тыс. баррелей венесуэльской нефти в день в обмен на отправку 40 тыс. кубинских врачей, учителей и других специалистов для решения острых социальных проблем Венесуэлы [23, с. 262].

Фидель Кастро всегда реагировал на обиду, но никогда первым не делал резких заявлений. Так, например, 4 мая 2006 г. американский журнал «Форбс» включил его в список 10 самых богатых политических лидеров планеты, приписав ему 900 млн дол. США на депозитах в зарубежных банках. Дезинформация привела его в ярость: «Найдите на каких-либо счетах хоть один доллар, принадлежащий мне, и я уйду с поста главы государства, подам в отставку после более 40 лет нахождения у власти». Ответ Фиделю был дан не редакцией «Форбс», а по ее просьбе испанской газетой *«Rebelión»* 21 мая: «Журнал "Форбс" признает сейчас, что не располагает никакими доказательствами, что Кастро имеет деньги в банках за пределами страны» [31, p. 25—27].

Кастро был глубоко убежден в правоте избранного народом Кубы и им лично курса на построение справедливого общества. Он всегда защищал этот курс в дискуссиях с любым оппонентом.

Визит президента США Барака Обамы на Кубу в марте 2016 г. подтвердил историческую победу команданте. США были вынуждены признать глубокую ошибочность своей кубинской политики, которая привела к огромным жертвам и материальным потерям со стороны Острова Свободы, но не сломила дух нации.

Заканчивая статью, автор хотел бы привести одно из высказываний Фиделя Кастро в 2016 г., когда Куба готовилась отмечать его 90-летие: «Я всегда считал себя счастливым человеком, хотя бы потому, что я нашел подходящую для себя политическую теорию, попал в водоворот кубинского политического кризиса и открыл для себя марксизм. Все это — как заблудиться в лесу и вдруг найти карту» [7, с. 7].

Список использованных источников

1. Бородаев, В. Фидель Кастро. Политическая биография / В. Бородаев, Н. Леонов. — М.: Терра-Книжный клуб, 1998. — 448 с.
2. Бэлфор, С. Кастро: пер. с англ. / С. Бэлфор. — Ростов н/Д: Феникс, 1997. — 316 с.
3. Васильев, М. Фиделя Кастро по заданию ЦРУ пыталась отравить любовница / М. Васильев // Комсомол. правда. — 2016. — 6 сент.
4. Гавриков, Ю. П. Фидель Кастро. Неистовый команданте Острова Свободы / Ю. П. Гавриков. — М.: Вече, 2006. — 316 с.
5. Григулевич, И. Р. Очерки истории Кубы / И. Р. Григулевич, Н. М. Лавров. — М.: Наука, 1978. — 603 с.
6. Ефимов, А. В. Куба: историко-этнографические очерки / А. В. Ефимов, И. Р. Григулевич. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 598 с.
7. Кастро Рус, Ф. Правила жизни / Ф. Кастро Рус // Латин. Америка. — 2016. — № 8. — С. 4—7.
8. Кастро, Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция: речи и выступления 1960—1977 гг. / Ф. Кастро. — М.: Политиздат, 1978. — 328 с.
9. Кастро, Ф. Речи и выступления: пер. с исп. / Ф. Кастро. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 576 с.
10. Кастро, Ф. Речи и выступления: пер. с исп. / Ф. Кастро. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963. — 815 с.
11. Кастро, Ф. Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 26 сент. 1960 г.: пер. с исп. / Ф. Кастро. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 62 с.
12. Краткая история Кубы. От Колумба до XXI века. — Гавана: Эдитора Политика, 2012. — 112 с.
13. Ларин, Е. А. Политическая история Кубы XX века / Е. А. Ларин. — М.: Высш. шк., 2007. — 181 с.
14. Ленин, В. И. Доклад об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса. 4 (17) дек. 1917 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. — М.: Изд-во полит. лит., 1974.— 600 с.
15. Леонов, Н. С. Исполинская фигура / Н. С. Леонов // Латин. Америка. — 2006. — № 9. — С. 4—11.
16. Лечуга, К. В центре бури Ф. Кастро, Н. С. Хрущев, Дж. Ф. Кеннеди и ракетный кризис: пер. с исп. / К. Лечуга, А. Льоренс. — М.: Си-Мар, 1995. — 189 с.
17. Макарычев, М. Фидель Кастро. Биография патриота / М. Макарычев. — М.: Времена 2: АСТ, 2013. — 352 с.
18. Монкада. Первая битва Фиделя Кастро; пер. с фр. / Р. Мерль [и др.]; под общ. ред. Р. Мерля. — М.: Прогресс, 1968. — 343 с.
19. Окунева, Л. О Фиделе Кастро, политике и человеке / Л. Окунева // Латин. Америка. — 2000. — № 12. — С. 103—105.
20. Ревуэльта Фернандес, А. Мой отец — Фидель Кастро / А. Ревуэльта Фернандес: пер. с фр. — Минск: Радиола плюс, 1999. — 352 с.
21. Сударев, В. П. Геополитика в Западном полушарии в начале XXI в. / В. П. Сударев. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — 128 с.
22. Че Гевара, Э. Эпизоды революционной войны / Э. Че Гевара. — М.: Воениздат, 1974. — 247 с.
23. Челядинский, А. А. Венесуэла: от Боливара до Чавеса. В 2 ч. Ч. II: 1999—2013 гг. / А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2014. — 420 с.
24. Челядинский, А. А. Куба: 20 лет борьбы и созидания / А. А. Челядинский. — Минск: Знание, 1978. — 20 с.
25. Alvarez, M. V. El renacer de la esperanza. Expedicion del Granma / M. V. Alvarez, S. Ravelo Lopez. — La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2003. — 98 p.
26. Analco, G. Cuba va a la guerra / G. Analco. — Caracas: El perro y la rana, 2006. — 312 p.
27. Castro, F. Cien horas con Fidel. Conversaciones con Ignacio Ramonet / F. Castro, I. Ramonet. — La Habana: Editorial Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado, 2006. — 813 p.
28. Castro Ruz, F. Historia me absolvera / F. Castro Ruz. — La Habana: Consejo de Estado, 2013. — 203 p.
29. Castro Ruz, F. La Contraofensiva Estrategica / F. Castro Ruz. — La Habana: Editorial De la Sierra Maestra a Santiago de Cuba, 2010. — 858 p.
30. Castro Ruz, F. La victoria estrategica / F. Castro Ruz. — La Habana: AKAL, 2010. — 864 p.

31. Leon Cotayo, N. Senora Mentira / N. Leon Cotayo. — La Habana: Editoral politica, 2011. — 107 p.
32. Lezcano Perez, J. Notas para Cronologia de la Politica Anexionista de Estados Unidas Respecto a Cuba / J. Lezcano Perez. — La Habana: Editoral politica, 2004. — 105 p.
33. Martinez Puentes, S. Revolucion Cubana: hechos mas que palabras / S. Martinez Puentes. — La Habana: Edit. José Mart, 2008. — 407 p.
34. Perez Shelton, E. Crisis de Octubre. Alarma de combate / E. Perez Shelton, E. Yasells Ferrer. — La Habana: Casa editor abril, 2007. — 195 p.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 47—52.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 47—52.

БАЛАНС СИЛ И ПОЛИТИКА АЛЬЯНСОВ В ИТАЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Дмитрий Мазарчук

В статье проводится анализ системы баланса сил, сложившейся на Апеннинском полуострове во второй половине XV в. Проведено сравнение роли Итальянской лиги и «частных лиг» в поддержании баланса сил и политического равновесия. Особое внимание уделено внешнеполитической деятельности Лоренцо де Медичи «Великолепного» в отстаивании интересов Флоренции в итальянской политической системе. Сделан вывод о месте и значении периода 1455—1494 гг. в последующем развитии дипломатии и теории международных отношений.

Ключевые слова: альянсы; баланс сил; всеобщая лига; Итальянская лига 1455 г.; Итальянские войны; Лоренцо де Медичи «Великолепный»; «частная лига».

«Balance of Power and the Policy of Alliances in Italy in the Second Half of the 15th Century: towards the History of the New Time Diplomacy Formation» (Dmitry Mazarchuk)

The article is dedicated to the analysis of the balance of power system, which was prevailing on the Apennine Peninsula in the second half of the 15th century. Roles of the Italian league and «private leagues» in maintenance of the balance of power and the political balance are compared. Special focus is made on the foreign policy of Lorenzo de Medici «Magnificent» in defending of Florence interests in the Italian political system. The conclusion is drawn on the place and significance of the period between 1455 and 1494 in the subsequent development of diplomacy and theory of international relations.

Keywords: alliances; balance of power; general league; Italian league of 1455; Italian wars; Lorenzo de Medici «Magnificent»; «private league».

Author:
***Mazarchuk Dmitry** — Candidate of Sciences (History), Associate Professr, Dean of the Faculty of Pre-University Education of the Institute of Managerial Education, Academy of Public Andministration under Aegis of the President of Republic of Belarus, e-mail: flavius1@mail.ru*
Academy of Public Andministration under Aegis of the President of Republic of Belarus. Address: 17, Moskovskaya str., Minsk, 220007, BELARUS

В инструментарии теории международных отношений понятие баланса сил является, по словам Гленна Снайдера, «центральным теоретическим концептом» [18, p. 21—24]. В самом деле, несмотря на определенную многозначность или, скорее, многовариантность использования, данное понятие занимает одно из главных мест в работах по теории и истории международных отношений. К нему обращаются, в частности, тогда, когда возникает потребность описать определенное состояние взаимного позиционирования акторов в условиях угрозы возникновения гегемонии.

С исторической точки зрения понятие баланса сил чаще всего используют применительно к реалиям XVIII—XIX вв., хотя возводят обычно к эпохе итальянского Ренессанса [13; 20]. Своеобразие данной эпохи, несомненно, наложило отпечаток на специфику развития международных отношений. С начала Средневековья Апеннинский полуостров не имел политического единства, а понятие «Италия» оставалось сугубо историческим и географическим. На протяжении столетий итальянские государства вступали в конфликты между собой или, напротив, объединялись в союзы. При этом ни одно из них не могло превозмочь противников и занять доминирующие позиции в Италии. Следствием длительной борьбы стало формирование системы международного равновесия сил в границах итальянского региона.

Автор:
Мазарчук Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета довузовской подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, *e-mail: flavius1@mail.ru*
Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Адрес: 17, ул. Московская, Минск, 220007, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Русакович Андрей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Дашкевич Александр Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Вместе с тем как теоретическое оформление идеи баланса сил, так и практика внешних сношений для ее реализации имели долгую предысторию. Период между созданием Итальянской лиги 1455 г. и началом Итальянских войн (1494 г.), несомненно, занимает в ней свое особое место. Целью настоящей статьи является выявление природы системы сочетания общих и партикулярных межгосударственных альянсов второй половины XV в. в Италии и ее значения для баланса сил.

В сочинениях видных историков и теоретиков политической науки — современников эпохи Итальянских войн заметен контраст описывания событий, предшествовавших их началу, и похода французского короля Карла VIII на Неаполь в 1494 г. В этих сочинениях 90-е гг. XV в. рассматриваются как своего рода рубеж между старым временем и новой историей, между периодом, когда страна «наслаждалась процветанием» (*aveva... Italia tanta prosperità*), и периодом «бедствий Италии» (*le calamità d'Italia*) [5, p. 1—2].

При этом стабильности и процветанию период 1460—1490-х гг. обязан, в первую очередь, объективным условиям существования итальянских государств, ни одно из которых не могло с легкостью стать гегемоном на Апеннинском полуострове. Не случайно Н. Макиавелли писал, что в период до похода Карла VIII у правителей пяти ведущих итальянских государств (Папская область, Венеция, Неаполь, Милан, Флоренция) «было две главных заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах» [1, с. 333]. Его младший современник Ф. Гвиччардини в начале своей «Истории Италии» также сделал акцент на баланс сил, существовавший накануне Итальянских войн. Флорентийский историк писал: «Таково было положение вещей, таковы были основания мира в Италии, связанные и противопоставленные (*disposti e contrapesati*) таким образом, что не только не было ожидания каких-либо перемен, но никто не сумел бы даже себе представить, какие советы, либо дела, либо же войны могут нарушить этот мир» [5, p. 5].

По мнению Дж. Маттингли, «концепция Италии как системы независимых государств, сосуществующих на основе шаткого равновесия» начала формироваться в 1440-х гг. [12, p. 71]. Впервые эта идея приблизилась к воплощению в сентябре 1443 г., когда усилиями миланского герцога Филиппо Марии Висконти был образован союз Милана, Венеции и Флоренции; в последующем для установления мира предполагалось созвать общий конгресс итальянских государств. Тем не менее, период «полуостровной изменчивости» (*peninsular fluidity*) в Италии продолжался еще десятилетие, пока в 1454 г. равновесие не было закреплено миром, заключенным в ломбардском городке Лоди. Его подписали ведущие итальянские силы, год спустя образовавшие так называемую Итальянскую лигу. В состав лиги вошли Неаполитанское королевство, Венеция, Флоренция, Милан, Папская область, а также менее значительные княжества и республики. По условиям мира в Лоди основные государства Италии признавали существующие границы в качестве *status quo*, обещали не нарушать территориальную целостность и в случае возникновения внешней угрозы обязались оказывать друг другу вооруженную поддержку, для чего должны были содержать постоянные военные силы [19, p. 44].

Являлась ли Итальянская лига действенным механизмом поддержания баланса сил на Апеннинском полуострове?

Прежде всего следует отталкиваться от того факта, что мир в Лоди и дальнейшее создание лиги явились следствием длительной и ожесточенной борьбы за господство между несколькими итальянскими государствами. Их взаимное истощение и неспособность ни одного из них стать гегемоном явились, по мнению М. Маллета, главной причиной образования всеобщей лиги и утверждения системы баланса сил [9, p. 268]. Баланс сил представлял собой не теоретическую конструкцию на основе идеи всеобщего мира, а конкретную политическую ситуацию взаимной настороженности.

Соответственно, Итальянская лига 1455 г. не была надгосударственной организацией, призванной поддерживать баланс и равновесие сил, а являлась выражением некого идеала. Помимо задачи сохранения территориальной целостности в Италии ее условия предполагали союз ведущих итальянских держав, направленный против опасности извне: турецкой угрозы, а также «анжуйских» притязаний на престол Неаполя (с территории Франции). Официальным лозунгом лиги была подготовка к крестовому походу против турок, захвативших Константинополь (1454 г.), однако его можно было считать не более чем красивыми словами [6, p. 142—143]. Этот лозунг в XV в. звучал достаточно часто; церковь неоднократно объявляла сбор средств на поход, который, однако, так и не был осуществлен.

Несмотря на заключение лиги, войны и конфликты в Италии не прекратились. За четыре десятилетия после заключения мира в Лоди Италия пережила шесть внутренних вооруженных конфликтов, а также три турецких вторжения. Войны вели между собой практически все ведущие державы: Неаполь, Милан, Венеция, Флоренция, Папская область и др. Причиной войн была внутренняя политическая нестабильность итальянских монархий и синьорий — отсутствие легитимности правящих там семейств или режимов. Во всех случаях одно из итальянских государств оспаривало, и не без оснований, легитимность правительства другого [12, p. 80].

Неспособность Итальянской лиги поддерживать мир в Италии проявилась уже в 1455—1456 гг., когда неаполитанский король Альфонсо I решил наказать Геную за действия пиратов, базировавшихся на Корсике. Когда неаполитанский флот стал угрожать Генуе, республика обратилась за помощью к лиге, однако не нашла поддержки. Ни Флоренция, ни Венеция не захотели вмешиваться, а герцог Миланский, хотя и направил военную помощь, преследовал при этом собственные интересы. Лишь папа Каликст III пошел с королем на открытый конфликт, едва не закончившийся взаимным отлучением [14, p. 423—428].

В дальнейшем основные пять участников Итальянской лиги несколько раз оказывались по разные стороны баррикад и вели между собой военные действия. На протяжении 1455—1494 гг. войны на Апеннинском полуострове шли практически непрерывно. При этом все они имели региональное значение и внешние силы (за единственным исключением) в них не участвовали. Если проследить историю вооруженных конфликтов этого периода, то окажется, что всякий раз ведущие итальянские державы объединялись против одного из государств, по всей вероятности, чрезмерно усилившегося. Это могли быть Флоренция (Война Пацци 1478—1480 гг.), Венеция (Феррарская война 1482—1484 гг.), Неаполь (Война баронов 1485—1486 гг.).

Итак, ни одна из войн в Италии во второй половине XV в. не смогла поколебать систему реального равновесия сил ведущих государств. Следует сказать, что это не было заслугой Итальянской лиги, которая являлась не более чем постулируемым на бумаге общим принципом, не выдерживаемым на деле. Если не касаться задачи отстаивания общеитальянских интересов перед лицом внешней угрозы, то лига являлась сугубо теоретической конструкцией. Как отметил В. Иларди, «образ Итальянской лиги вспоминали всякий раз.., когда требовалось пристыдить соперника или достичь дипломатического преимущества при отстаивании частных интересов» [7, p. 121].

Вероятно, во второй половине XV в. существовал иной, более действенный механизм поддержания баланса сил и равновесия ведущих государств Италии. В его становлении немаловажную роль сыграл глубоко укоренившийся среди итальянских правителей того времени страх изоляции. Боязнь оказаться лицом к лицу с коалицией противников подталкивала князей к заключению ситуативных альянсов — «частных лиг» (*leghe particolari*) [10, p. 63]. Как заметил Лоренцо де Медичи, необходимость состоять в союзе была столь же велика, сколь необходимость танцевать под песню (*ballare secondo il suono*) [2, p. 267].

Само по себе создание «частной лиги» не противоречило существованию общей Итальянской лиги и членству в ней. Нередки были ситуации, когда участники разных «частных лиг» воевали между собой, одновременно состоя в общей лиге. Рассмотрим подробнее, каким образом институт альянсов (лиг) поддерживал систему баланса сил в Италии конца XV в.

Первый пример такого рода можно найти в 1466 г., когда три участника Итальянской лиги (Милан, Неаполь, Флоренция) сформировали «частную лигу», направленную против венецианского кондотьера Бартоломео Коллеони. Целью нового альянса было не допустить создания Коллеони собственного государства и защитить границы стран-участниц. Начиная с этого времени в Италии не раз образовывались «частные лиги» в составе как ведущих держав Апеннинского полуострова, так и менее значимых государств (Феррары, Мантуи, Сиены).

Как было отмечено выше, такие альянсы создавались для противодействия чьей-либо экспансии (например, Венеции в 1482—1484 гг.) либо для ограничения чрезмерно усилившейся державы (например, Неаполя в 1485—1486 гг.). Нередко в состав лиги входили такие субъекты международных отношений, как изгнанники, отдельные кондотьеры или представители знати [4, p. 56].

Состав «частных лиг» иногда быстро изменялся. В бурных событиях XV в. итальянские государства не раз вступали между собой в альянсы и не раз изменяли своим союзным обязательствам. Примеров дипломатической нестабильности в данный период множество. Так, за 40 лет правящей в Неаполе Арагонской династии пришлось участвовать в четырех войнах и сражаться в разное время против всех прочих ведущих итальянских государств. В этих войнах римские папы становились на сторону то Неаполя, то его противников. Иногда перемена лагеря происходила во время войны: папа Сикст IV начал Феррарскую войну 1482—1484 гг. в качестве союзника Венеции, а затем перешел в стан противников этой морской республики. Милан независимо от правящей династии (Висконти или Сфорца), всегда поддерживал слабейшую из сторон — участниц конфликта.

Участники лиг сталкивались и с другими трудностями, среди которых — сложности найма командующих до окончания срока прежней кондотты, взаимная подозрительность и связанное с ней нежелание оказывать военную помощь союзникам, недостаточная координация действий союзников, нехватка средств для содержания постоянных армий [4, p. 63—65; 9, p. 270—273]. Несмотря на это, «частные лиги» являлись неотъемлемым элементом межгосударственных взаимоотношений.

Войны и альянсы поддерживали баланс сил на Апеннинском полуострове [12, p. 82]. При этом, если войны преследовали цель собственного возвышения либо уничтожения против-

ника, то именно «частные лиги» являлись инструментом предотвращения возникновения в итальянском политическом пространстве чьей-либо гегемонии. Почти во всех случаях они создавались именно для этой цели, хотя были и исключения (когда две лиги противостояли одна другой).

Чаще всего опасения у итальянских правительств вызывала Венецианская республика, слишком обособленная, слишком нестандартная и слишком самостоятельная. Венецианцев часто обвиняли в том, что они обладают «страстью к господству» (*libido dominandi*) [см.: 17]. Это обвинение было вызвано материковой экспансией Венеции, особенно успешной в первой четверти XV в. Не случайно герцог Миланский Джан Галеаццо Сфорца говорил венецианскому политику: «Вы находитесь в одиночестве (*sete soli*), и весь мир против вас» [11, p. 247]. Впрочем, в не меньшей степени опасения касались и Неаполитанского королевства — самого сильного государства в Италии того времени.

Можно сделать заключение, что «частные лиги» создавались преимущественно с целью сдержать потенциального гегемона и в этом качестве являлись действенным инструментом поддержания в Италии баланса ведущих держав. Этот инструмент был сугубо конъюнктурным, а значит отличался динамизмом. По словам Дж. Пиллинини, система итальянского равновесия была «равновесием узких интересов» (*equilibrio di egoism*) [15, p. 52]. Совокупное действие пересекающихся интересов приводило в движение молодую дипломатию и порождало сложную систему баланса сил. Главным элементом этой системы были «частные лиги», которые воспринимались как реальная защита от потенциальной угрозы и на практике служили таковой [см.: 16].

Роль «частных альянсов» в поддержании равновесия сил и отстаивании своего места среди ведущих держав региона хорошо прослеживается в политике флорентийского лидера Лоренцо де Медичи «Великолепного» (формально не занимал главный пост в республике). Следуя историографии Ренессанса, длительное время его воспринимали как своего рода идеолога концепции баланса сил в Италии второй половины XV в. Так, Ф. Гвиччардини писал о Лоренцо де Медичи: «Зная то, что как для него самого, так и для Флорентийской республики грозит опасность, если один из ведущих правителей (*maggiori potentati*) усилится, он стремился любыми средствами поддерживать в итальянских делах баланс, т. е. гарантировать, что одна из сил не перевесит другую; [баланс], который не может быть достигнут без сохранения мира и предотвращения с величайшей тщательностью малейших инцидентов» [5, p. 2—3].

Однако во второй половине XX в. произошел пересмотр представлений о роли Лоренцо в формулировании идей дипломатии баланса сил и установления в Италии всеобщего мира. Толчок к этому был дан публикацией в конце 1970-х гг. его корреспонденции [8]. На основании анализа взглядов флорентийского политика, содержащихся в его переписке с иноземными государями, дипломатическими агентами и частными лицами, историки отвергли указанные представления как устаревшие. Судя по всему, «Великолепный» не верил в возможность всеобщего мира и действенность общей лиги итальянских государств, предпочитая придерживаться традиционного для своей семьи союза с Неаполем и Миланом. Понятие баланса сил впервые сформулировал близкий его семье Бернардо Ручеллаи; что касается Лоренцо де Медичи, то ему авторство этой идеи было приписано Ф. Гвиччардини [5, p. 216, 506—507].

Подобно любому другому правителю, Лоренцо являлся прагматиком, и то, что отвечало (пусть и по его только мнению) интересам Флоренции, использовалось им в полной мере с помощью всех доступных средств. Как отмечает М. Буллард, «дипломатия баланса сил... лучше всего может быть понята как дипломатия целесообразности, вырастающей из необходимости» [3, p. 45]. Именно целесообразность являлась определяющим фактором внешнеполитической активности Лоренцо.

Логика действий Лоренцо «Великолепного» объясняется в первую очередь местом, которое занимала Флоренция среди прочих итальянских государств. С момента заключения в январе 1454 г. мира в Лоди Флоренция позиционировала себя на международной арене (в итальянских масштабах) как своего рода буфер между сильнейшими государствами — Миланом и Неаполем. Находясь в союзнических отношениях с обеими ведущими державами Италии, республика, с одной стороны, препятствовала перерастанию их соперничества в вооруженный конфликт, а с другой — поддерживала состояние политической стабильности на Апеннинском полуострове. В условиях политически и экономически раздробленной Италии такая политика являлась наилучшим возможным средством поддержания мира и порядка. Несмотря на многократно раздававшиеся призывы к объединению Италии в границах одного государства и под властью одного правителя, объективно в период раннего Нового времени предпосылки для этого еще не сложились.

С точки зрения интересов Флорентийской республики политика поддержания баланса между Миланом и Неаполем являлась наиболее выгодной. Флоренция не могла соперничать с ними на общеитальянском уровне, оставаясь региональным лидером. Вплоть до второй половины XVI в. вопрос объединения Тосканы под властью Флоренции решен не был. Чтобы урегулировать сложные отношения с

подвластной Пизой, а позднее аннексировать территорию Сиенской республики, Флоренции требовалась поддержка одного из ведущих акторов международных отношений. Таким союзником могло стать сильное итальянское государство (Милан при Франческо Марии Сфорца) или европейский лидер (империя Габсбургов с 1530-х гг.).

Таким образом, Лоренцо де Медичи неизбежно должен был лавировать между ведущими итальянскими державами или же сознательно поддерживать их взаимный баланс. Лоренцо отлично понимал свои возможности и осознавал, что единственно возможным путем сохранять свою власть в республике и поддерживать международный престиж последней является политика лавирования между более могущественными государствами. В письме Пьеро Аламанни он писал: «У меня нет таких средств обороны, которыми обладает его превосходительство [правитель Милана Лодовико Сфорца]. Я не хочу подвергать риску свою жизнь и ценности снова [как это было во время войны 1478—1480 гг.]» [цит. по: 3, p. 46, note 72]. С этой точки зрения, избранная им роль общеитальянского арбитра как нельзя лучше соответствовала как личным, так и государственным задачам. Фактически Лоренцо отождествлял судьбы Флорентийской республики с собственной судьбой. Он целенаправленно работал над созданием соответствующего имиджа, и эта политика явилась основанием появления позднейшего мифа о нем как о создателе концепции баланса сил.

Флорентийская республики времени правления Лоренцо «Великолепного» была далеко не единственным примером использования политики баланса сил. В той или иной мере все основные итальянские государства, включая Папскую область, следовали ей в целях собственной безопасности или по иным причинам. Для поддержания равновесия и недопущения чрезмерного возвышения одного из этих государств активно использовался механизм создания «частных лиг».

Четыре десятилетия политической нестабильности, взаимной подозрительности и постоянных перемен союзников в конце концов привели систему межгосударственного равновесия в Италии, основанную на конъюнктурных альянсах («частных лигах»), призванных сдержать потенциального гегемона, к краху. К 1490-м гг. основные действующие силы региона уже настолько не доверяли друг другу, что единственным разрешением кризиса доверия к соседу было обращение за помощью извне.

Роковую попытку пригласить в Италию внешнюю силу предпринял правитель Милана Лодовико «Моро» Сфорца. За несколько лет он нарушил все основополагающие принципы сложившейся к тому времени системы баланса сил. Во-первых, он разорвал союз с Неаполитанским королевством, отстранив от миланского престола своего племянника, женатого на дочери короля Ферранте. Во-вторых, он не сумел добиться поддержки папы Александра VI в новом «частном альянсе» (Лига св. Марка). Наконец, в-третьих, он пригласил французского короля вторгнуться в Италию, чтобы восстановить свои династические права и избавить Лодовико от потенциальной угрозы со стороны неаполитанской династии. Приглашение Карла VIII Французского в Италию явилось началом длительного периода войн, изменивших облик политической карты Западной Европы.

В заключение можно сделать вывод, что идея баланса сил и политического равновесия постепенно вызревала во второй половине XV в. в активном соперничестве итальянских государств и стремлениях сдержать успехи соседей. В рассматриваемый период она еще не приобрела теоретического оформления, оставаясь практикой противодействия растущему гегемону. Тем не менее, дипломатический опыт периода сосуществования Итальянской лиги и «частных лиг» сыграл свою роль в последующем развитии дипломатии и теории международных отношений в период Итальянских войн (1494—1559 гг.).

Список использованных источников

1. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли // Избранные сочинения. — М.: Худ. лит., 1982. — С. 301—378.
2. Bullard, M. Lorenzo and Patterns of Diplomatic Discourse in the Late Fifteenth Century / M. Bullard // Lorenzo the Magnificent: Culture and Politics / ed. by M. Mallett, N. Mann. — London: Warburg Institute, 1996. — P. 263—274.
3. Bullard, M. M. The Magnificent Lorenzo de'Medici: between Myth and History / M. M. Bullard // Politics and Culture in Early Modern Europe. Essays in Honor of H. G. Koenigsberber / ed. by Ph. Mack, M. C. Jacob. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — P. 25—58.
4. Dover, P. M. Coalition Warfare in Renaissance Italy, 1455—1503 / P. M. Dover // Coalition Warfare: an Anthology of Scholarly Presentations at the Conference on Coalition Warfare at the Royal Danish Defense College, 2011 / ed. by N. B. Poulsen, K. H. Galster, S. Nørby. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. — P. 51—69.
5. Guicciardini, F. Storia d'Italia / F. Guicciardini. — Torino: Einaudi, 1971. — 1960 p.
6. Ilardi, V. The Italian League, Francesco Sforza and Charles VII (1454—1461) / V. Ilardi // Studies in Renaissance. — 1959. — Vol. 6. — P. 129—166.
7. Ilardi, V. Towards the Tragedia d'Italia: Ferrante and Galeazzo Maria Sforza, Friendly Enemies and Hostile Allies / V. Ilardi // French Descent into Renaissance Italy, 1494-5: Antecedents and Effects / ed. by D. Abulafia. — Aldershot: Routledge, 1995. — P. 91—122.
8. Lorenzo de Medici. Lettere / a cura di R. Fubini [et al.]. T. 1—16. — Firenze, 1977—2011.
9. Mallett, M. Diplomacy and War in Later Fifteenth-Century Italy / M. Mallett // Proceedings of the British Academy. — 1981. — Vol. 67. — P. 267—288.

10. Mallett, M. Italian Renaissance Diplomacy / M. Mallett // Diplomacy and Statecraft. — 2001. — Vol. 12, N 1. — P. 61—70.
11. Mallett, M. Venezia e la politica italiana, 1454—1530 / M. Mallett // Storia di Venezia. T. 4 / a cura di A. Tenenti, U. Tucci. — Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1996. — P. 245—310.
12. Mattingly, G. Renaissance Diplomacy / G. Mattingly. — N. Y.: Dover Publications, 1988. — 284 p.
13. Nelson, E. W. Origins of Modern Balance of Power Diplomacy / E. W. Nelson // Medievalia and Humanistica. — 1943. — Vol. 1. — P. 124—142.
14. Pastor, L. The History of Popes from the Close of the Middle Ages. Vol. 2 (1447—1458) / L. Pastor. — London: John Hodges, 1891. — 580 p.
15. Pillinini, G. Il sistema degli stati italiani 1454—1494 / G. Pillinini. — Venezia: Universitaria editrice, 1970. — 167 p.
16. Rubinstein, N. Das politische System Italiens in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts / N. Rubinstein // «Bündnissysteme» und «Auβenpolitik» im späteren Mittelalter / hrsg. von P. Moraw. — Berlin, 1988. — S. 105—119.
17. Rubinstein, N. Italian Reactions to Terraferma Expansion in the Fifteenth Century / N. Rubinstein // Renaissance Venice / ed. by J. R. Hale. — London: Faber and Faber, 1973. — P. 197—217.
18. Snyder, G. H. Balance of Power in the Missile Age / G. H. Snyder // Journal of International Affairs. — 1961. — Vol. 14, N 1. — P. 21—34.
19. Soranzo, G. La Lega Italica (1454—1455) / G. Soranzo. — Milano: Vita e pensiero, 1924. — 213 p.
20. Vagts, A. The Balance of Power: Growth of an Idea / A. Vagts // World Politics. — 1948. — Vol. 1, N 1. — P. 82—101.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 53—59.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 53—59.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ БССР (1944—1991 гг.)

Аляксандр Гурын

У артыкуле разглядаюцца асноўныя тэндэнцыі развіцця, навуковыя дасягненні і актуальныя праблемы гістарыяграфіі знешнепалітычнай дзейнасці БССР у 1944—1991 гг. Аўтарам выдзелены два перыяды даследаванняў знешнепалітычнай дзейнасці БССР: савецкі перыяд (1945—1991 гг.) і пярыяд незалежнай Беларусі (1991—2016 гг.). Акрамя сістэматызацыі навуковых прац, ужо вядомых айчыннай гістарыяграфіі, артыкул змяшчае аналіз новых прац айчынных спецыялістаў у галіне міжнародных адносін, прысвечанах знешнепалітычнай дзейнасці БССР.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешнепалітычная дзейнасць; знешняя палітыка; міжнародныя адносіны; міжнародныя даследаванні; навуковая дзейнасць; навуковы цэнтр; навуковыя накірункі.

«Historiography of the BSSR Foreign Policy (1944—1991)» (Alexander Gurin)

The article is dedicated to the development trends, scientific achievements and relevant problems of the BSSR foreign policy historiography in 1944—1991. The author distinguishes two periods of research: BSSR foreign policy research during the Soviet Union period (1945—1991) and the BSSR foreign policy research in times of the independent Belarus (1991—2016). Besides the systematization of scientific papers already well-known in the domestic historiography, the article contains the analysis of new paper of domestic experts in the field of international relations devoted to the BSSR foreign policy research.

Keywords: foreign policy; historiography; international relations; international research; scientific activity; scientific centre; scientific directions.

Author:
***Gurin Alexander** — Candidate of History (PhD), Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Innovation and Technology Management of the Institute of Managerial Education of Public Andministration under Aegis of the President of Republic of Belarus, e-mail: mpp.iup@mail.ru*
Academy of Public Andministration under Aegis of the President of Republic of Belarus. Address: 17, Moskovskaya str., Minsk, 220007, BELARUS

Выхад БССР на міжнародную арэну ў якасці поўнапраўнага суб'екта міжнароднага права ў 1944—1945 гг. патрабаваў надання сур'ёзнай увагі вывучэнню знешнепалітычнай праблематыкі. У даваенны перыяд такая тэматыка не знайшла адлюстравання ў даследаваннях айчынных навукоўцаў: знаходжанне беларускіх тэрыторый у складзе СССР зрабіла немагчымай рэалізацыю самастойнай знешняй палітыкі БССР як суб'екта федэрацыі, што абумовіла адсутнасць прадмета міжнародных даследаванняў у галіне знешняй палітыкі Беларусі.

Цэнтрам даследавання знешнепалітычнай дзейнасці БССР у савецкі перыяд стаў Інстытут гісторыі Акадэміі навук БССР, дзе ў 1969 г. быў створаны сектар гісторыі еўрапейскіх сацыялістычных краін. Даследаванні таксама ажыццяўляліся ў Беларускім дзяржаўным універсітэце. У 1990-я гг. і ў самым пачатку 2000-х гг. тэматыка і геаграфія даследаванняў значна пашырыліся. Аднак потым амаль на дзесяцігоддзе даследаванне знешнепалітычнай дзейнасці БССР адышло на другі план, паколькі лічылася, што гэтая тэматыка страціла сваю актуальнасць. З сярэдзіны 2000-х гг. гісторыкі змаглі пачаць даследаванне знешнепалітычнай дзейнасці БССР азначанага перыяду, грунтуючыся на новых дакументах, з пункту гледжання нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі. Карысным для развіцця даследаванняў у гэтай галіне стала выданне шматтомнага зборніка дакументаў і матэрыялаў па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі, які ўключаў і матэрыялы па гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці

Аўтар:
Гурын Аляксандр Валер'евіч — кандыдат гістарычных навук, дацент, намеснік дэкана факульэта інавацыйнай падрыхтоўкі Інстытута кіраўніцкіх кадраў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, *e-mail:mpp.iup@mail.ru*
Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Адрас: 17, вул. Маскоўская, Мінск, 220007, БЕЛАРУСЬ

Рэцэнзенты:
Селіванаў Андрэй Уладзіміравіч — кандыдат гістарычных навук, намеснік дэкана факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Мазарчук Дзмітрый Валер'евіч — кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан факультэта дауніверсітэцкай падрыхтоўкі Інстытута кіраўніцкіх кадраў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнте Рэспублікі Беларусь

БССР. Таксама былі апублікаваны іншыя зборнікі дакументаў і матэрыялаў: «Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў», «Государственные границы Беларуси: сборник документов и материалов» [5; 30]. Комплексныя гістарыяграфічныя даследаванні ў галіне гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці БССР як у савецкі перыяд, так і ў часы незалежнай Беларусі амаль не праводзіліся. Аднак нельга сказаць, што азначаная праблематыка поўнасцю выпала з-пад увагі айчынных навукоўцаў. Можна прыгадаць даследаванні В. А. Астрогі [53], С. Ф. Свілас [58; 59], У. Е. Снапкоўскага [68; 69], У. Я. Улаховіча [79] і інш., у якіх асвятляецца гістарыяграфія асобных перыядаў знешнепалітычнай дзейнасці БССР.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз айчыннай гістарыяграфіі знешнепалітычнай дзейнасці БССР у 1944—1991 гг. З храналагічнага пункту гледжання можна выдзеліць два перыяды даследаванняў знешнепалітычнай дзейнасці БССР: савецкі перыяд (1945—1991 гг.) і перыяд незалежнай Беларусі (1991—2016 гг.).

У сакавіку 1944 г. былі ўнесены дапаўненні ў Канстытуцыю БССР, згодна з якімі рэспубліка атрымала права самастойна ажыццяўляць зносіны з замежнымі краінамі, падпісваць міжнародныя дагаворы, абменьвацца дыпламатычнымі і консульскімі прадстаўніцтвамі. Атрыманае БССР і УССР права ўступаць у непасрэдныя адносіны з замежнымі краінамі на самой справе было тактычным ходам сталінскага кіраўніцтва; неабходнасць падпарадкавання дыктату Масквы абумовіла аднатыпны характар знешнепалітычнай дзейнасці гэтых рэспублік. Таму нельга сказаць, што з 1944 г. БССР стала поўнапраўным суб'ектам міжнароднага права *de facto*. Але больш чым за 40 год яе знешнепалітычнай дзейнасці быў назапашаны значны і разнастайны патэнцыял міжнароднай актыўнасці. Акрамя таго, факт уваходу БССР у ААН у якасці заснавальніка *de jure* пацвердзіў статус рэспублікі як суб'екта міжнароднага права.

Адной з галоўных тэм пры даследаванні знешнепалітычнай дзейнасці БССР стала **супрацоўніцтва рэспублікі з замежнымі (у першую чаргу еўрапейскімі сацыялістычнымі) краінамі**. У гэтай тэматыцы можна выдзеліць некалькі кірункаў. Па-першае, гэта распрацоўкі, якія характарызавалі ***агульныя пытанні супрацоўніцтва БССР з замежнымі краінамі***.

Яшчэ ў 1970 г. была апублікавана калектыўная праца «Сотрудничество Белорусской ССР с социалистическими странами», дзе былі прааналізаваны кірункі і формы такога супрацоўніцтва [21]. Трэба таксама адзначыць калектыўную працу супрацоўнікаў сектара гісторыі замежных сувязей БССР Інстытута гісторыі АН БССР: «Белорусская ССР и социалистические страны: укрепление дружбы, сотрудничества, братства (1945—1987 гг.)» [4]. У напісанні манаграфіі, у якой былі прааналізаваны асноўныя кірункі і формы супрацоўніцтва БССР з сацыялістычнымі краінамі, прынялі ўдзел А. С. Ляднёва, Л. П. Мірачыцкі, У. Е. Снапкоўскі, Г. Г. Сяргеева, Л. У. Языковіч і інш. Беларускія вучоныя даследавалі грамадска-палітычныя, эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі Беларусі з Балгарыяй, ГДР, Польшчай, Чэхаславакіяй і іншымі сацыялістычнымі краінамі. Асобныя главы кнігі прысвечаны грамадска-палітычным, знешнегандлёвым, навуковым і культурным сувязям; супрацоўніцтву грамадскіх арганізацый. Супрацоўніцтва БССР з краінамі сацыялістычнай садружнасці было разгледжаны крыху раней у манаграфіі Э. А. Лейкіна «Дружба. Сотрудничество. Братство: участие БССР во всестороннем развитии связей Советского Союза со странами социализма» [45]. На падставе шырокага фактычнага матэрыялу аўтар ахарактарызаваў практычна ўсе формы гэтага супрацоўніцтва.

У 1981 г. выйшла з друку манаграфія М. С. Вераб'я «Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50—70-е гг.)» [24]. У 1982 г. М. С. Верабей абараніў доктарскую дысертацыю па гэтай жа праблематыцы [22]. У манаграфіях С. Д. Вайтовіча, апублікаваных у 1974 і 1985 гг., даследаваны ўдзел БССР у грамадска-палітычных, эканамічных і культурных сувязях СССР з краінамі Азіі, Афрыкі і Лацінскай Амерыкі [15; 16]. Яшчэ адна манаграфія С. Д. Вайтовіча «БССР в экономических отношениях СССР с зарубежными странами (1945—1987 гг.)» стала практычна абагульняючай па праблемах знешнеэканамічных сувязяў БССР у савецкія часы [17]. Адносіны БССР з краінамі, якія сталі на шлях развіцця, даследаваў Д. С. Капітан [39].

У кандыдацкай дысертацыі С. У. Ксянзова «Сотрудничество Белорусской ССР и восточноевропейских стран (на материале общественно-политических организаций Белоруссии, 80-е годы)», абароненай у 1992 г., вывучаны формы і кірункі палітычнага супрацоўнітва ў межах сацыялістычнай супольнасці ў 1980-я гг. [43].

У кандыдацкай дысертацыі У. В. Барысенкі «Участие Беларуси во внешнеэкономических связях Советского Союза (1971—1985 гг.)», абароненай у 2001 г., ахарактарызаваны экспартна-імпартныя сувязі БССР у азначаны перыяд, удзел рэспублікі ў дзейнасці ААН, у тым ліку яе эканамічных устаноў [6].

У працах У. Е. Снапкоўскага ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі праведзены глыбокі і крытычны аналіз знешнепалітычнай дзейнасці БССР у 1944—1953 гг. У 1993 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю па гісторыі знеш-

непалітычнай дзейнасці БССР у гэты перыяд [64]. Асноўныя палажэнні дысертацыі знайшлі сваё адлюстраванне ў манаграфіі «Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі ў 1944—1953 гг.», якая выйшла ў 1997 г. [73]. Праблему пасляваеннага ўладкавання беларуска-польскага памежжа даследаваў А. Ф. Вялікі. Ён абараніў кандыдацкую дысертацыю аб ажыццяўленні абмена насельніцтвам паміж БССР і Польшчай у 1944—1946 гг., дзе выявіў знешнепалітычны аспект вызначэння савецка-польскай мяжы і ўрэгулявання праблемы абмена насельніцтвам. Гэтая ж тэматыка даследавалася А. Ф. Вялікім у шэрагу манаграфій [25; 26; 28].

Другая група прац прысвечана аналізу ***супрацоўніцтва БССР з сацыялістычнымі краінамі ў асобных сферах***. Так, А. С. Ляднёва даследавала міжнародныя сувязі працоўных Беларусі [44]. Навуковыя сувязі БССР вывучала Г. Г. Сяргеева. У манаграфіі «Белорусская ССР в научном сотрудничестве Советского Союза и социалистических стран (1945—1985 гг.)», выдадзенай у 1986 г., аўтар прасачыла асноўныя кірункі і формы супрацоўніцтва БССР з сацыялістычнымі краінамі ў галіне навукі [60].

Развіццё міжнароднага супрацоўніцтва вышэйшай школы БССР у 1959—1975 гг. даследаваў І. П. Прымачук. У 1980 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацыю, прысвечаную сувязям ВНУ БССР з падобнымі навучальнымі ўстановамі замежных краін [55]. С. В. Пазняк прысвяціў сваю кандыдацкую дысертацыю, абароненую ў 1981 г., аналізу культурных сувязяў БССР з сацыялістычнымі краінамі Еўропы ў 1971—1975 гг. [54]. І. А. Захарчанка даследаваў трансгранічнае супрацоўніцтва абласцей БССР і адпаведных адміністратыўна-тэрытарыяльных адзінак сацыялістычных краін (Польшчы, ГДР, Балгарыі і Чэхаславакіі) [35]. У сумеснай манаграфіі «Мосты дружбы: о сотрудничестве породненных областей БССР и стран социализма» (М. С. Верабей, І. А. Захарчанка) даследаваны грамадска-палітычныя сувязі, у тым ліку супрацоўніцтва партыйных і дзяржаўных органаў, грамадскіх арганізацый рэгіёнаў БССР і сацыялістычных краін [23]. У кандыдацкай дысератцыі Э. С. Ярмусіка «Интернациональные связи Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии с союзами молодежи европейских социалистических стран», абароненай у 1988 г., прааналізаваны і абагульнены замежныя сувязі ЛКСМБ [85].

В. Г. Шадурскі даследаваў культурныя сувязі Беларусі з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы. У 2000 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю на гэтую тэму і апублікаваў манаграфію [81; 82].

Трэцяя група прац прысвечана ***сувязям БССР з асобнымі краінамі сацыялістычнай садружнасці***. Значны уклад у вывучэнне гэтай праблемы ўнёс доктар гістарычных навук Д. Б. Мельцар, які ўсебакова прааналізаваў адносіны паміж Балгарыяй і БССР [48]. У манаграфіі «Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая», прысвечанай 1300-годдзю балгарскай дзяржаўнасці, навуковец асвяціў шматвякавую гісторыю сувязяў беларускага і балгарскага народаў [49]. Беларуска-балгарскае супрацоўніцтва даследавалася таксама на дысертацыйным узроўні. Гэтаму прысвяцілі свае распрацоўкі аспіранты, якія працавалі пад кіраўніцтвам Д. Б. Мельцара — Л. П. Станішэўская (супрацоўніцтва ў аграпрамысловай сферы) і Н. А. Царук (супрацоўніцтва грамадскіх арганізацый) [76; 80]. Беларуска-чэхаславацкія культурныя і навуковыя стасункі прааналізаваны ў даследаваннях Л. П. Мірачыцкага [51; 52]. Навуковец даследаваў таксама ўзаемадзеянне культур беларускага і югаслаўскага народаў. У манаграфіі «Беларуска-югаслаўскія культурныя і навуковыя сувязі» аўтар ахарактарызаваў гэты кірунак са старажытных часоў да пачатку 1990-х гг. [50]. Беларуска-югаслаўскія адносіны ў розных галінах у перыяд 1953—2003 гг. прааналізаваны у кандыдацкай дысертацыі П. У. Малашука [47].

Адносіны БССР і ГДР даследаваў В. П. Жукаў [33]. У дысертацыі А. М. Рэзніка вывучаны і абагульнены вопыт грамадскіх арганізацый Беларусі ў развіцці супрацоўніцтва СССР і ГДР у 1950—1970-я гг., паказаны яго кірункі [56].

Беларуска-венгерскія адносіны даследаваў Т. Я. Саладакоў [75]. Удзел БССР у савецка-венгерскім супрацоўніцтве ў 1960—1970 гг. прааналізаваны ў кандыдацкай дысертацыі В. П. Галубовіча [29]. Пасля 1991 г. гэта тэматыка знайшла адлюстраванне ў кандыдацкай дысертацыі Л. Р. Каралёнак [42].

Беларуска-польскія эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі даследавала В. М. Важнік, якая абараніла кандыдацкую дысертацыю, прысвечаную аналізу названых сувязяў у 1949—1979 гг. [11]. Па матэрыялах дысертацыі аўтарам была апублікавана манаграфія [12].

Першым у Беларусі абагульняючым выданням, прысвечаным беларуска-польскім адносінам савецкага перыяду, стала манаграфія У. Е. Снапкоўскага «Беларуска-польскія адносіны (1918—1989 гг.): даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты» [70]. Манаграфія змяшчае артыкулы і даследаванні аўтара, якія адлюстроўваюць найбольш важныя і значныя падзеі азначанага перыяду ў гісторыі двух народаў, а таксама дакументы, матэрыялы, ілюстрацыцыі і карты.

У манаграфіі А. Ф. Вялікага паказаны роля і месца Беларусі ў савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах у другой палове 1940-х — канцы 1950-х гг.; даследаваны беларуска-польскія стасункі, станаўленне і развіццё прыгранічнага супрацоўніцтва [27].

Другім кірункам даследаванняў гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці БССР у 1944—1991 гг. стаў **удзел беларускай грамадскасці ў руху прыхільнікаў міру**.

У калектыўнай манаграфіі «В едином строю борцов за мир: общественность Белорусской ССР в движении сторонников мира» (1989) паказаны дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў БССР за мір і міжнародную бяспеку, супрацоўніцтва з замежнымі краінамі ў гэтай галіне, у тым ліку ў межах ААН [13]. Праца прысвечана 40-годдзю Першага сусветнага кангрэсу прыхільнікаў міру, які адбыўся ў кастрычніку 1949 г. у Парыжы і Празе. У кнізе Э. А. Лейкіна «Ради жизни на Земле: БССР в борьбе за мир и международную безопасность», выдадзенай у 1986 г., таксама прааналізавана роля грамадскасці рэспублікі ва ўмацаванні міжнароднай бяспекі, руху прыхільнікаў міру [46]. Удзел моладзі БССР у барацьбе за мір у 1976—1985 гг. прааналізаваны ў кандыдацкай дысертацыі У. І. Адамушкі [1].

Рэспубліка Беларусь з'яўляецца адной з краін — заснавальніц Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. З гэтай прычыны асвятленне **дзейнасці БССР у ААН** стала адной з галоўных тэм вывучэння знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі.

Дзейнасць БССР у ААН аналізавалася ў першую чаргу ў навуковых і навукова-папулярных працах айчынных дыпламатаў. У працах К. В. Кісялёва асвятляўся актыўны ўдзел беларускай дэлегацыі ў дзейнасці ААН па замацаванню міру і міжнароднай бяспекі, развіццю дружбы і супрацоўніцтва паміж краінамі [40; 41].

Удзел беларускай дэлегацыі ў рабоце ААН у перыяд з 1966 г. да пачатку 1980-х гг. разгледжаны ў кнізе А. Е. Гурыновіча «Участие БССР в деятельности ООН» (1982) [32]. Падобнай тэматыцы прысвечана навукова-папулярнае выданне «40 лет ООН и участие Белорусской ССР в ее деятельности», напісанае з удзелам А. Е. Гурыновіча (1985) [31].

Дзейнасць БССР у ААН была прааналізавана ў манаграфіі У. Е. Снапкоўскага «Белорусская ССР и ООН (1945—1985 гг.)» [63]. У працы асвятляюцца асноўныя этапы дзейнасці БССР у ААН, выкладаюцца пазіцыі савецкай дыпламатыі і беларускія ініцыятывы па пытаннях падтрымання міжнароднага міру і бяспекі і іншай праблематыцы.

У манаграфіі беларускага дыпламата В. С. Смірнова, выдадзенай у 1982 г., асветлены ўдзел БССР у барацьбе супраць каланіялізму, неакаланіялізму, расізму і апартэіду [61]. Аўтар ажыццявіў распрацоўку на выснове афіцыйных дакументаў ААН. Манаграфія апублікавана на матэрыялах кандыдацкай дысертацыі, абароненай у Маскве у 1978 г. [62].

Аналізу дзейнасці БССР у ААН па ўмацаванні міру і міжнароднай бяспекі прысвяціў свае працы С. Д. Вайтовіч [18—20].

Удзел Беларусі ў дзейнасці эканамічных органаў ААН у 1945—1983 гг. даследаваны ў кандыдацкай дысертацыі А. А. Ціханава, абароненай у 1984 г. [78] Л. У. Языковіч абараніла кандыдацкую дысертацыю і надрукавала манаграфію па праблемах удзелу БССР у дзейнасці Арганізацыі Аб'яднаных Нацый па пытаннях адукацыі, навукі і культуры (ЮНЭСКА) [83; 84]. Мэты, задачы, арганізацыйныя асновы дзейнасці БССР у ЮНЭСКА ў 1954—1964 гг. асвятляюцца ў даследаваннях С. Ф. Свілас [57].

Беларускімі вучонымі і супрацоўнікамі МЗС БССР праводзілася пэўная праца па падрыхтоўцы і выданню матэрыялаў па знешнепалітычнай дзейнасці БССР. У 1983 г. быў надрукаваны зборнік дакументаў «Белорусская ССР в международных отношениях: многосторонние конвенции и соглашения БССР (1960—1980 гг.)», у якім змяшчаліся дагаворы і пагадненні з замежнымі краінамі, якія БССР заключыла і ратыфікавала з 1960 па 1980 г. [3]. Некалькі раздзелаў у кнізе прысвечаны пытанням раззбраення, права, эканамічных, сацыяльных і культурных сувязяў з замежнымі краінамі. Публікацыя была ажыццяўлена калектывам аўтараў пад кіраўніцтвам міністра замежных спраў БССР А. Е. Гурыновіча. У зборнік «За мир и сотрудничество между народами: участие БССР в 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН» (1986) увайшлі выступленні беларускай дэлегацыі і змест рэзалюцый Генеральнай Асамблеі [34]. Работа беларускай дэлегацыі ў ААН акрэслена ў зборніку «Белоруссия и Чернобыль: к итогам деятельности делегации БССР на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН», выдадзеным у 1991 г. [2].

Інтарэс да праблемы ўдзелу Беларусі ў рабоце ААН захаваўся і ў 1990-я гг. Пачалі выкладацца адпаведныя спецыяльныя курсы ў вышэйшай школе, беларускімі вучонымі напісаны навуковыя працы ў гэтай галіне. Сярод апошніх трэба зазначыць манаграфію У. Е. Снапкоўскага «Путь Беларуси в ООН: 1944—1945 гг.», дзе даследавана праблема першапачатковага членства рэспублік СССР у ААН, складаны шлях БССР у гэту арганізацыю [67]. На падставе дакументаў знешняй палітыкі Велікабрытаніі, ЗША, СССР, некаторыя з якіх былі ўпершыню ўведзены ў навуковы абарот, аўтар прааналізаваў працэс уключэння БССР у ААН і разгледзеў дыпламатычную барацьбу вакол гэтага пытання. Кірункі дзейнасці Беларусі ў ААН знайшлі адлюстраванне ў шэрагу артыкулаў У. Е. Снапкоўскага [66; 74].

Пытаннямі міжнароднай правасуб'ектнасці і праватворчай дзейнасці БССР займаліся беларускія юрысты-міжнароднікі. Значны ўклад у распрацоўку азначанай праблематыкі ўнёс Ю. П. Броўка [8; 9]. У манаграфіі «Белорусская ССР и прогрессивное развитие международного права» ён дэталёва разгледзеў прававыя пытанні дзейнасці

рэспублікі на міжнароднай арэне [7]. Пэўным падсумаваннем навуковых дасягненняў Ю. П. Броўкі за 1960—1980-я гг. стала доктарская дысертацыя «Становление и развитие международной правотворческой деятельности Белорусской ССР», абароненая ў 1990 г. [10].

У манаграфіі Л. У. Уласавай «БССР в международном культурном и научном сотрудничестве: организационно-правовые вопросы», выдадзенай у 1984 г., даследавана месца культурных і навуковых сувязей у сістэме міжнародных адносін, прааналізаваны міжнародна-прававы статус БССР [14].

Асабліва трэба адзначыць абагульняючыя навучальныя дапаможнікі і манаграфіі па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі, асобныя главы якіх прысвечаны гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці БССР. У першую чаргу гэта працы У. Е. Снапкоўскага і А. В. Ціхамірава [65; 71; 72; 77].

Такім чынам, гістарыяграфіі знешнепалітычнай дзейнасці БССР 1944—1991 гг. уласцівы некаторыя асаблівасці. У савецкія часы тэматыка даследаванняў у галіне знешнепалітычнай дзейнасці БССР была параўнальна сціплай, аднак колькасць распрацовак была досыць вялікай. Беларускія навукоўцы акцэнтавалі ўвагу перш за ўсё на асвятленні выключна пазітыўнага ўкладу беларускай дыпламатыі ў барацьбу за мір і міжнародную бяспеку, супраць імперыялізму і каланіялізму, укладу БССР у супрацоўніцтва Савецкага Саюза з замежнымі краінамі, пры гэтым абмяжоўваліся нарошчваннем строга рэгламентаванага, па існуючай схеме, фактычнага матэрыялу.

У 1990-я—2000-я гг. беларуская навука ў галіне вывучэння гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці БССР развівалася ад сумбурнасці і выпадковасці даследаванняў у першай палове 1990-х гг. да большай упарадкаванасці ў другой палове 1990-х — першай дэкадзе 2000-х гг. Гэта адбывалася на фоне роста колькасці і якасці навуковых прац. Пашырылася тэматыка даследаванняў, некаторыя кірункі знешнепалітычнай дзейнасці БССР былі пераасэнсаваны. Пры гэтым гістарычная навука пазбегла рэзкай палярызацыі думак, што паспрыяла яе арганічнаму развіццю і магчымасці выкарыстоўваць вялікі матэрыял, назапашаны беларускімі савецкімі даследчыкамі.

Аднак трэба заўважыць, што не ўсе кірункі шматграннай знешнепалітычнай дзейнасці БССР знайшлі сваё адлюстраванне ў даследаваннях айчынных навукоўцаў, а некаторыя з тэм патрабуюць дадатковага даследавання з пункту гледжання новых гістарыяграфічных крыніц, якія былі ўведзены ў навуковы абарот у апошнія часы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адамушко, В. И. Вклад молодежи Белорусской ССР в борьбу за мир и дружбу между народами (1976—1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. И. Адамушко; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1988. — 18 с.
2. Белоруссия и Чернобыль: к итогам деятельности делегации БССР на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. — Минск: Беларусь, 1991. — 78 с.
3. Белорусская ССР в международных отношениях: многосторонние конвенции и соглашения БССР (1960—1980 гг.) / сост.: А. Е. Гуринович [и др.]. — Минск: Беларусь, 1983. — 740 с.
4. Белорусская ССР и социалистические страны: укрепление дружбы, сотрудничества, братства (1945—1987 гг.) / А. С. Леднева [и др.]. — Минск: Наука и техника, 1987. — 303 с.
5. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў: у 4 т. / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь, Белар. дзярж. ун-т, Нац. архіў Рэсп. Беларусь; склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]. — Мінск: Юніпак, 2008—2015.
6. Борисенко, В. В. Участие Беларуси во внешнеэкономических связях Советского Союза (1971—1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. В. Борисенко; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. — Минск, 2001. — 19 с.
7. Бровка, Ю. П. Белорусская ССР и прогрессивное развитие международного права / Ю. П. Бровка. — Минск: Изд-во БГУ, 1979. — 94 с.
8. Бровка, Ю. П. Белорусская ССР: суверенный участник международного общения / Ю. П. Бровка. — Минск: Наука и техника, 1974. — 174 с.
9. Бровка, Ю. П. Международная правосубъектность БССР / Ю. П. Бровка. — Минск: Наука и техника, 1967. — 123 с.
10. Бровка, Ю. П. Становление и развитие международной правотворческой деятельности Белорусской ССР: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Ю. П. Бровка. — Минск, 1990. — 438 л.
11. Важник, О. Н. БССР и Польская Народная Республика: экономические, научно-технические и культурные связи в 1949—1979 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / О. Н. Важник; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2005. — 21 с.
12. Важник, О. Н. БССР и Польская Народная Республика: экономические, научно-технические и культурные связи в 1949—1979 гг. / О. Н. Важник. — Минск: БГПУ, 2008. — 134 с.
13. В едином строю борцов за мир: общественность Белорусской ССР в движении сторонников мира / С. Д. Войтович [и др.] — Минск: Наука и техника, 1989. — 206 с.
14. Власова, Л. В. БССР в международном культурном и научном сотрудничестве: организационно-правовые вопросы / Л. В. Власова. — Минск: Университетское, 1984. — 96 с.
15. Войтович, С. Д. Белорусская ССР и развивающиеся страны (1945—1970 гг.) / С. Д. Войтович. — Минск: Наука и техника, 1974. — 231 с.
16. Войтович, С. Д. БССР в отношениях с развивающимися странами (1971—1985 гг.) / С. Д. Войтович. — Минск: Наука и техника, 1985. — 196 с.
17. Войтович, С. Д. БССР в экономических отношениях СССР с зарубежными странами (1945—1987 гг.) / С. Д. Войтович. — Минск: Наука и техника, 1989. — 183 с.
18. Войтович, С. Д. БССР на форуме наций / С. Д. Войтович. — Минск: Вышэйш. шк., 1978. — 144 с.
19. Войтович, С. Д. В борьбе за мир и безопасность народов ООН: проблема разоружения и ослабления международного напряжения и участие в ее обсуждении делегаций БССР / С. Д. Войтович. — Минск: Наука и техника, 1977. — 112 с.

20. Войтович, С. Д. В борьбе за мир и сотрудничество между народами (1945—1965 гг.) / С. Д. Войтович. — Минск: Наука и техника, 1968. — 207 с.
21. Войтович, С. Д. Сотрудничество Белорусской ССР с социалистическими странами / С. Д. Войтович, Н. С. Воробей, В. С. Толстой. — Минск: Наука и техника, 1970. — 214 с.
22. Воробей, Н. С. Белорусская ССР в общественно-политических, экономических и культурных отношениях Советского Союза с развитыми социалистическими странами (50—70-е годы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. С. Воробей; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1982. — 40 с.
23. Воробей, Н. С. Мосты дружбы: о сотрудничестве породненных областей БССР и стран социализма / Н. С. Воробей, И. А. Захарченко. — Минск: Беларусь, 1989. — 128 с.
24. Воробей, Н. С. Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50—70-е гг.) / Н. С. Воробей. — Минск: Наука и техника, 1981. — 248 с.
25. Вялікі, А. Ф. Ажыццяўленне абмена насельніцтвам паміж БССР і Польшчай, 1944—1946 гг.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. Ф. Вялікі; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. — Мінск, 2002. — 21 с.
26. Вялікі, А. Ф. Беларусь — Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2007. — 271 с.
27. Вялікі, А. Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах. 1944—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2010. — 248 с.
28. Вялікі, А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944—1946 гг.) / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2005. — 319 с.
29. Голубович, В. П. Участие Белорусской ССР в советско-венгерском сотрудничестве (1960—1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. П. Голубович; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1979. — 21 с.
30. Государственные границы Беларуси: сб. док. и материалов (с электрон. прил.): в 2 т. — Минск: БГУ, 2012—2013.
31. Гуринович, А. Е. 40 лет ООН и участие Белорусской ССР в ее деятельности / А. Е. Гуринович, С. Н. Мартынов. — Минск: Знание, 1985. — 21 с.
32. Гуринович, А. Е. Участие БССР в деятельности ООН / А. Е. Гуринович. — Минск: Беларусь, 1982. — 143 с.
33. Жуков, В. П. Интернационализм в действии: участие БССР в братском сотрудничестве СССР с ГДР (1956—1972 гг.) / В. П. Жуков. — Минск: Наука и техника, 1974. — 188 с.
34. За мир и сотрудничество между народами: участие БССР в 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН / сост.: А. Е. Гуринович [и др.]. — Минск: Беларусь, 1986. — 198 с.
35. Захарченко, И. А. Сотрудничество породненных областей БССР и европейских социалистических стран (1971—1975 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. А. Захарченко; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1984. — 21 с.
36. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 4: Чэрвень 1941 г. — жнівень 1945 г. / склад.: Н. М. Дзятчык [і інш.]; рэдкал.: У. Р. Латыпаў (старшыня) [і інш.]. — Мінск, 2001. — 394 с.
37. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дакументаў і матэрыялаў. Т. 5: Верасень 1945 г. — 1975 г. / склад.: У. М. Міхнюк [і інш.]; рэдкал.: М. М. Хвастоў (старшыня) [і інш.]. — Мінск, 2002. — 343 с.
38. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дакументаў і матэрыялаў. Т. 6: 1976 г. — верасень 1991 г. / склад.: У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа; рэдкал.: М. М. Хвастоў [і інш.]. — Мінск, 2003. — 333 с.
39. Капитан, Д. С. Участие Белорусской ССР в экономическом и культурном сотрудничестве Советского Союза с развивающимися странами (1961—1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Д. С. Капитан; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1974. — 27 с.
40. Киселев, К. В. Впечатления, встречи: записки советского дипломата / К. В. Киселев. — Минск: Беларусь, 1980. — 204 с.
41. Киселев, К. В. Записки советского дипломата / К. В. Киселев. — М.: Политиздат, 1974. — 526 с.
42. Королёнок, Л. Г. Беларусь и Великобритания: экономические, научно-технические и культурные связи в 1970—2003 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Л. Г. Королёнок; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2004. — 21 с.
43. Ксензов, С. В. Сотрудничество Белорусской ССР и восточно-европейских стран (на материале общественно-политических организаций Белоруссии, 80-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. В. Ксензов; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1992. — 22 с.
44. Леднева, А. С. Интернациональные связи рабочего класса Белорусской ССР (1976—1987 гг.): производственное сотрудничество рабочего класса БССР с социалистическими странами / А. С. Леднева. — Минск: Наука и техника, 1988. — 206 с.
45. Лейкин, Э. А. Дружба. Сотрудничество. Братство: участие БССР во всестороннем развитии связей Советского Союза со странами социализма / Э. А. Лейкин. — Минск: Беларусь, 1983. — 174 с.
46. Лейкин, Э. А. Ради жизни на Земле: БССР в борьбе за мир и международную безопасность / Э. А. Лейкин. — Минск: Беларусь, 1986. — 142 с.
47. Малашук, П. В. Белорусско-югославские отношения (1953—2003 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / П. В. Малашук; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2005. — 22 с.
48. Мельцер, Д. Б. Белоруско-български исторически връзки / Д. Б. Мелцер; превели от рус. Мария Вазова и Александър Вазов. — София: Наука и изкуство, 1985. — 222 с.
49. Мельцер, Д. Б. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая / Д. Б. Мельцер. — Минск: Изд-во БГУ, 1981. — 319 с.
50. Мірачыцкі, Л. П. Беларуска-югаславскія культурныя і навуковыя сувязі / Л. П. Мірачыцкі. — Минск: Навука і тэхніка, 1992. — 215 с.
51. Мирочицкий, Л. П. Белорусско-чехословацкие культурные и научные связи / Л. П. Мирочицкий. — Минск: Наука и техника, 1981. — 119 с.
52. Мирочицкий, Л. П. Братское сотрудничество Белорусской ССР и Чехословацкой Социалистической Республики (1956—1966 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. П. Мирочицкий; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1972. — 20 с.
53. Острога, В. А. Проблемы внешней политики и международных отношений в белорусской советской историографии (1953—1991 гг.) / В. А. Острога // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2011. — № 4. — С. 49—54.
54. Позняк, С. В. Участие Белорусской ССР в культурном сотрудничестве Советского Союза с социалистическими странами Европы (1971—1975 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. В. Позняк; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1981. — 21 с.
55. Примачук, И. П. Развитие международного сотрудничества высшей школы Советской Белоруссии (1959—1975 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. П. Примачук; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1980. — 23 с.
56. Резник, А. Н. Деятельность общественных организаций Белорусской ССР по укреплению сотрудничества между СССР и ГДР (1950—1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. Н. Резник; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1987. — 29 с.
57. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954—1964 гг.) / С. Ф. Свилас. — Минск: БГУ, 2013. — 463 с.

58. Свилас, С. Ф. Историография и источники по истории внешнеполитической деятельности БССР в 1954—1990 гг. / С. Ф. Свилас // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 4. — С. 40—44.
59. Свилас, С. Ф. Советская и современная историография о ЮНЕСКО и деятельности Белорусской ССР в организации (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.) / С. Ф. Свилас // Труды фак. междунар. отношений БГУ: науч. сб. Вып. V. — Минск: БГУ, 2014. — С. 24—31.
60. Сергеева, Г. Г. Белорусская ССР в научном сотрудничестве Советского Союза и социалистических стран (1945—1985 гг.) / Г. Г. Сергеева. — Минск: Наука и техника, 1986. — 214 с.
61. Смирнов, В. С. По долгу интернациональной солидарности: участие Белорусской ССР в борьбе прогрессивных сил ООН против колониализма / В. С. Смирнов. — Минск: Беларусь, 1982. — 158 с.
62. Смирнов, В. С. Участие Белорусской ССР в деятельности ООН против колониализма (1960—1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. С. Смирнов; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1978. — 21 с.
63. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР и ООН (1945—1985 гг.) / В. Е. Снапковский. — Минск: Наука и техника, 1985. — 104 с.
64. Снапковский, В. Е. Внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР (1944—1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. Е. Снапковский; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1992. — 45 с.
65. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. — Минск: БГУ, 2013. — 495 с.
66. Снапковский, В. Е. «Мы, народы Объединенных Наций». Об участии Беларуси в деятельности ООН / В. Е. Снапковский // Неман. — 1995. — № 10/11. — С. 139—158.
67. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН: 1944—1945 гг. / В. Е. Снапковский. — Минск: Наука и техника, 1994. — 141 с.
68. Снапкоўскі, У. Е. Аб беларускай школе міжнародных даследаванняў / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь в современном мире: материалы VI междунар. науч. конф. (Минск, 30 окт. 2007 г.) / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. — Минск: БГУ, 2007. — С. 80—82.
69. Снапкоўскі, У. Е. Аб навуковых даследаваннях аддзела нацыянальных і міжнародных адносін Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (1960—1990-я гг.) / У. Е. Снапкоўскі // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2000. — № 1. — С. 72—75.
70. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-польскія адносіны (1918—1989 гг.): даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты / У. Е. Снапкоўскі. — Минск: Энцыклапедыкс, 2013. — 231 с.
71. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў міжнар. адносін. У 2 ч. Ч. 1: Ад пачатка дзяржаўнасці да канца XVIII ст. / У. Е. Снапкоўскі. — Минск: БДУ, 2003. — 281 с.
72. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў міжнар. адносін. У 2 ч. Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У. Е. Снапкоўскі.— Минск: БДУ, 2004. — 303 с.
73. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі ў 1944—1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: Беларус. навука, 1997. — 207 с.
74. Снапкоўскі, У. Е. 50 гадоў дзейнасці Беларусі ў ААН / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь. — 1995. — № 10. — С. 1—3.
75. Солодков, Т. Е. СССР — ВНР: нерушимое братство / Т. Е. Солодков. — Минск: Беларусь, 1979. — 158 с.
76. Станишевская, Л. П. Белоруссия в советско-болгарских связях в агропромышленной сфере (70—80-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. П. Станишевская; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1992. — 26 с.
77. Тихомиров, А. В. Беларусь в международных отношениях 1772—2002 гг.: учеб.-метод. комплекс / А. В. Тихомиров; науч. ред. А. Н. Алпеев. — Минск: Веды, 2003. — 248 с.
78. Тихонов, О. А. Участие Белорусской ССР в деятельности экономических органов ООН (1945—1983 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / О. А. Тихонов; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1984. — 19 с.
79. Улахович, В. Е. Исследовательские структуры по проблемам внешней политики и международных отношений в Республике Беларусь (1991—2002 гг.) / В. Е. Улахович // Беларусь в современном мире: тез. докл. I респ. науч. конф. (22—23 окт. 2003 г.) / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. — Минск: БГУ, 2003. — С. 67—72.
80. Царюк, Н. А. Деятельность общественных организаций Белорусской ССР по укреплению советско-болгарской дружбы и сотрудничества (1971—1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Царюк; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1984. — 22 с.
81. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945—1990-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.05 / В. Г. Шадурский; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2000. — 37 с.
82. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945—1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. — Минск: БГУ, 2000. — 283 с.
83. Языкович, Л. В. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО / Л. В. Языкович. — Минск: Наука и техника, 1986. — 59 с.
84. Языкович, Л. В. Участие Белорусской ССР в деятельности ЮНЕСКО (1954—1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. В. Языкович; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1982. — 18 с.
85. Ярмусик, Э. С. Интернациональные связи Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии с союзами молодежи европейских социалистических стран (1971—1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Э. С. Ярмусик; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1988. — 21 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў чэрвені 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 60—65.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 60—65.

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИЙ В МИРОВОЙ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

Леонид Давыденко, Дмитрий Ялтыхов

Рассмотрены методологические подходы к изучению инноваций в индустрии туризма, обобщены накопленные метатеоретические и методологические основы исследований инновационного менеджмента в туризме. Показаны отличительные особенности инноваций в индустрии туризма, изложена авторская концепция трактовки понятия «инновации в туризме». Дан обзор современных направлений исследования инноваций в индустрии туризма, описаны современные научно-исследовательские школы и их предметные области исследования проблем инновационного менеджмента в туризме на современном этапе.

Ключевые слова: инновационный менеджмент в туризме; инновация; методология; методы исследования инноваций в туризме; научно-исследовательские школы экономики знаний.

«Innovation Development Methodology in the World Tourism Industry» (Leonid Davydenko, Dzmitry Yaltykhau)

The article reviews the methodological approaches to research on innovation in the tourist industry, summarizes the metatheoretical and methodological principles of research in innovative tourism management. The tourism-specific features of innovation study are highlighted, the authors concept of interpreting «innovation in tourism» is set forth. The article reviews modern research areas in tourism industry, describes the existing research schools and their target scope of the research in the current tourism innovative management.

Keywords: innovation; innovative tourism management; methodology; methods of research on tourism innovation; schools of economic sciences.

Authors:
***Davydenko Leonid** — Doctor of Science (Economy), Professor of the Department of International Tourism of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: davidenko@tut.by*
***Yaltykhau Dzmitry** — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: yaltykhau@gmail.com*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Актуализация вопроса исследования инноваций в индустрии туризма связана с бурным ростом конкуренции на мировом туристическом рынке в начале XXI в. и рассмотрением научным сообществом инноваций как основного источника повышения конкурентоспособности на туристическом рынке. При этом взаимосвязь инноваций и конкурентоспособности проявляется на трех уровнях: макроэкономическом (взаимосвязь государственной инновационной политики и международной конкурентоспособности национальной экономики), мезаэкономическом (зависимость конкурентоспособности национального туристического продукта и туристической индустрии от эффективности инновационной составляющей национальной туристической политики) и микроэкономическом (повышение конкурентоспособности туристического предприятия на основе применения инноваций) [3, с. 100; 6, с. 12].

Мировая индустрия туризма является одной из наиболее высокотехнологичных сфер экономической деятельности. Рекордный рост числа международных туристских прибытий с 527 до 1184 млн и двукратное увеличение доходов от международного туризма за 1995—2015 гг. основано, прежде всего, на применении инновационных технологий: глобальные системы распределения, онлайн-системы динамического ценообразования и управления доходами и др. Более того, именно с использо-

Авторы:
Давыденко Леонид Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: davidenko@tut.by*
Ялтыхов Дмитрий Вадимович — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: yaltykhau@gmail.com*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Барановский Станислав Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и маркетинга инженерно-экономического факультета Белорусского государственного технологического университета
Ботеновская Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

ванием инноваций связано развитие концепции устойчивого туризма как основы гармонизации экономического роста в сфере туризма с социально-экономическими и экологическими последствиями [20].

Следует отметить недостаточный научный уровень теоретико-методологических исследований инноваций в сфере туризма и, как следствие, множественность методологических подходов к проблемам инновационного развития в туризме. Цель данной статьи — обобщить накопленные метатеоретические и методологические основы исследований инноваций в мировой индустрии туризма. Концептуальной основой выступили наработки, прежде всего, зарубежных исследователей: П. Друкера [10], М. Портера [17], Й. Шумпетера [18]. Данные авторы достаточно подробно рассмотрели проблематику инновации как социально-экономического явления. Отдельное внимание необходимо уделить таким авторам, как Д. Бухалис, М. Форест [9], А. М. Хьялагер [11; 12], М. Оттенбахер [15; 16]. Их исследования посвящены анализу современных инновационных процессов в мировой индустрии туризма и наиболее актуальным направлениям развития инноваций в туризме. Эти вопросы до сих пор практически не изучены в белорусской экономической науке.

Концептуальные различия в исследовании инноваций среди мирового научного сообщества ставят вопрос об определении инновации как социально-экономического явления, а также выделении отличительных характеристик данного феномена (табл. 1) и особенностей инноваций, специфичных для исследований в мировой индустрии туризма.

Специфика разработки и внедрения инноваций в мировой индустрии туризма связана с рядом отличительных характеристик сферы туризма и турпродукта как объектов инновационной деятельности:

— нематериальность (клиент не может самостоятельно изучить физические характеристики турпродукта до принятия решения о покупке);

— невозможность получения турпродукта в собственность;

— невозможность использовать турпродукт ни как объект основных средств, ни как оборотный актив;

— одновременность производства и потребления турпродукта;

— человеческий фактор (в процесс оказания туристических услуг вовлечено множество людей: персонал, клиенты, другие туристы и местные жители);

— непостоянство качества и сложность управления им в сфере туризма;

— многокомпонентность (турпродукт состоит из нескольких единичных услуг, качество которых влияет на восприятие поездки в целом);

— сезонность (колебания величины спроса и цен на единичные услуги);

— неэластичность предложения поставщиков (транспортные компании, средства размещения и питания не могут принять больше гостей, чем они имеют в наличии свободных мест на конкретную дату) [7, с. 197—199].

С учетом данных особенностей можно заключить, что инновация в туризме — это качественно новый способ производства туристического продукта, его реализации или креативное действие на туристическом рынке, которое имеет целью привлечь туриста, удовлетворить его потребности и одновременно принести доход туристической организации.

Изучение инноваций в туризме является относительно новой сферой развития научных исследований. Впервые данное направление появилось как отдельная сфера исследований инновационной проблематики в 1980-х гг., что связано с бурным развитием мирового туристического рынка и необходимостью осмысления происходящих изменений. В 2000-х гг. инновации в туризме оказались в центре внимания научного сообщества в связи с тем, что мировая индустрия туризма стала третьей по значению после нефтехимической и машиностроительной промышленности и первой в сфере услуг. Можно выделить следующие особенности исследований инновационного развития мировой индустрии туризма:

— доминирование исследований технологических и маркетинговых инноваций;

— прикладной характер проводимых исследований;

— узкая направленность исследований в рамках отдельных компонентов индустрии туризма: предприятия питания, транспорт, средства размещения и т. д.);

— клиентоориентированность (большинство исследований проводятся по заказу транснациональных корпораций, международных гостиничных цепей и международных организаций);

— доминирование процессного подхода [8, p. 154—157].

За последние десятилетия накоплен существенный объем результатов научных исследований в сфере мировой индустрии туризма и гостеприимства. Можно выделить следующие основные направления изучения инновационной проблематики в туризме: общетеоретические положения инновационной деятельности в туризме, оценка эффективности применения инноваций в туризме, инновации в обеспечении устойчивости развития туризма, маркетинговые инновации в туризме, взаимосвязь инноваций и конкурентоспособности, инновации в специализированных сферах деятельности (гостиничный бизнес, индустрия СПА, транспорт, информационные технологии и др.). Краткий обзор основных научных достижений зарубежных исследователей по направлениям приведен в табл. 2.

Таблица 1

Отличительные характеристики инновации как социально-экономического явления

Признак	Описание признака	Исследователи
Радикальность	Качественно новой уровень функционирования инновационной системы по сравнению с устаревшей	Й. Шумпетер
Освоенность	Необходимость внедрения и освоения инновации для получения качественно нового результата	
Цикличность	Инновация в процессе развития проходит 4 стадии жизненного цикла	Б. Санто
Процессность	Процесс создания качественного нового способа функционирования системы	
Прибыльность	Извлечение дополнительной прибыли посредством повышения производительности труда, снижения издержек производства, производства продукта с уникальными характеристиками	П. Друкер
Востребованность рынком	Возможность получить конкурентные преимущества на рынке	М. Портер
Основанность на накоплении ряда достижений	Инновации базируются скорее на накоплении незначительных улучшений и достижений, чем на единственном технологическом прорыве	
Цивилизационность трендов развития	Цивилизационные изменения (переход человечества от собирания плодов и охоты к аграрной, индустриальной, постиндустриальной стадиям, а в XXI в. к экономике знаний) позволяют достичь устойчивых трендов развития через инновационные технологии	Э. Тоффлер, Х. Тоффлер, А. Кинг, Б. Шнайдер, В. Поскробко, Р. Тиборовски

И с т о ч н и к: разработка авторов на основании [9, p. 74—75; 17, p. 27—29; 18, p. 81].

Исследования российских и белорусских ученых также внесли существенный вклад в разработку проблематики инновационного развития в туризме. При этом следует отметить высокую степень практической направленности, а также концентрацию исследовательских усилий отечественных ученых на мезаэкономическом уровне [4, с. 27]. Краткий обзор основных научных достижений российских и отечественных исследователей по предметным областям научного интереса приведен в табл. 3.

Методологические подходы к исследованию инноваций в мировой индустрии гостеприимства и всех элементов туристического комплекса Республики Беларусь должны учитывать уровень применения информационных технологий. Ведь туристические инновации используют потенциал различных онлайн-приложений и платформ, позволяющих получить быстрый доступ к базе предложений средств размещения, транспортных организаций и других предприятий туризма. Высокая информатизация сферы туризма в стране свидетельствует о развитом инновационном потенциале данной сферы. Инновации являются необходимым условием конкурентоспособности как отдельного туристического предприятия, так и отрасли в целом.

Необходимо выделить наиболее перспективные и малоизученные направления исследований в сфере инновационного менеджмента в туризме:

— стратегический маркетинг инноваций;

— изучение взаимосвязи инноваций и международной конкурентоспобности отдельно взятого туристического предприятия и туристического сектора страны в целом;

— применение информационных технологий для реализации инновационной стратегии и обоснования понятия *e-tourism* (электронный туризм);

— маркетинговые инновации в туризме (социальные медиа, онлайн-брэндинг, динамическое ценообразование, таргетирование и сегментация рынка на основе использования современных информационных технологий);

— институционализация инновационных проектов в туризме;

— оценка и измерения влияния инноваций на индустрию туризма, предприятие, рынок и потребителя;

— обеспечение реализации концепции устойчивого туризма на основе применения инноваций [8, p. 157—158].

Таким образом, актуальность исследований инноваций в сфере туризма определяется увеличивающимся значением инноваций в обеспечении долгосрочной конкурентоспособности туристического предприятия и всего туристического сектора национальной экономики на мировом туристическом рынке. В этой связи необходимо указать на взаимосвязь между применением инноваций и конкурентоспособностью туристического предприятия на мировом рынке.

Степень разработанности проблемного поля инновационного развития в туризме соотносится с циклом глобальных исследований в сфере туризма, осуществленных в 1980—

Таблица 2

Краткий обзор зарубежных научных достижений в исследовании инноваций в туризме (по направлениям)

Исследователи	Основные результаты
Общетеоретические положения инновационной деятельности в туризме	
А. М. Хьялагер (Дания)	Разработана классификация инноваций в туризме: продуктовые, процессные, управленческие и институциональные (1997); разработана инновационная модель в туризме (2002)
М. Оттенбахер (Новая Зеландия)	Выделены инновационные детерминанты в индустрии туризма: выбор рынка, стратегия управления персоналом, рыночная восприимчивость и др. (2005)
Й. Сандбу (Швеция)	Применена экономия масштаба на инновационную деятельность в туризме и сделан вывод о синергии инновационного потенциала более крупных туристических предприятий (2007)
Оценка эффективности применения инноваций в туризме	
М. Оттенбахер (Новая Зеландия)	Осуществлено измерение экономического эффекта от внедрения инноваций в туризме на основе трехмерной модели: рыночные, финансовые и рефлексивные показатели развития потребителя и персонала организации (2007)
Л. Сайп, М. Теста (США)	Разработана комплексная методика оценки эффекта внедрения инноваций в работу туристического предприятия (2009)
Инновации в обеспечении устойчивости развития туризма	
С. Гёслинг (Швеция)	Обоснована значимость инновационных технологий в туризме в борьбе с глобальным потеплением и изменением климата (2006)
П. Ромейро (Испания)	Обоснована эффективность применения инновационных технологий в развитии устойчивых видов туризма (2010)
Ф. Г. Альберти (Италия)	Выделена роль инновационных технологий в сохранении культурно-исторического наследия (2011)
Маркетинговые инновации в туризме	
Й. Сандбу (Швеция) А. Максимчук (Польша)	Введено понятие маркетинга инноваций, обоснована взаимосвязь результатов хозяйственной деятельности предприятия и его инновационной деятельности
Д. Бухалис (Великобритания)	Введено в научный оборот понятие *e-tourism* (электронный туризм) и агументированной реальности в целях продвижения и создания туристических проектов на основе социальных медиа, онлайн-ресурсов и мобильных приложений (2008)
Э. Мартинес-Рос (Испания)	Выделены два типа инноваций: радикальные и постепенные. Рассмотрен инновационный потенциал участников цепи создания добавленной стоимости в туризме (2009)
Р. Ло (Гонконг)	Обоснована необходимость использования динамического ценообразования как основы управления туристическим спросом (2011)
Взаимосвязь инноваций и конкурентоспособности	
В. Алан (США)	Обоснована взаимосвязь инновационного потенциала и структуры туристического рынка и конкурентоспособности организации в различных рыночных условиях (2008)
Х. Джанг (Гонконг)	Разработана методика оценки конкурентоспособности туристической дестинации на основе применения информационных технологий (2011)
А. Малакаускайте (Литва)	Проведена оценка конкурентоспобности туристического сектора страны на основе применения инновационных технологий (2015)
Инновации в специализированных сферах деятельности	
К. Энц, Дж. Сигуау (США)	Обоснован ряд инновационных мер по повышению эффективности деятельности гостиничного предприятия на основе данных международных гостиничных цепей (Марриотт, Ритц Карлтон и др. (2003))
Ф. Орфила-Синтес (Испания)	Разработана методология внедрения управленческих инноваций в гостиничном бизнесе; обосновано понятие человеческого капитала в рамках индустрии гостиничного бизнеса (2009)
Э. Мартинес-Рос (Испания)	Обоснованы факторы конкурентоспособности гостиничных предприятий на основе применения инновационных технологий (2009)
Б. Альдеберт (Франция)	Обоснован мультипликативный эффект от применения информационных технологий и баз данных в индустрии туризма (2011)
Р. Ло (Гонконг)	Обоснована эффективность применения мобильных и веб-ориентированных технологий, а также спутниковых и навигационных технологий на развитие клиентоориентированного подхода в менеджменте в сфере туризма (2013)
Д. Бухалис (Великобритания)	Разработана инновационная стратегия туристического предприятия на основе применения информационных технологий (2015)

И с т о ч н и к: разработка авторов на основании [8, p. 151—152; 10, p. 115; 11, p. 35—36; 12, p. 465; 13, p. 632; 14, p. 380; 15, p. 205; 16, p. 431; 19, p. 88—89; 21, p. 769—770].

Таблица 3

Краткий обзор российских и белорусских научных достижений в исследовании инноваций в туризме (по предметным областям)

Исследователи	Предметная область
Теоретические основы инновационного менеджмента в туризме	
А. А. Харин, И. Л. Коленский	Методологические подходы к понятию инноваций и их классификации, основные элементы инновационного процесса, преимущества перехода предприятия на инновационную основу деятельности, пути этого перехода, включая анализ стратегии и инновационных возможностей туристического предприятия, процесс управления инновационной деятельностью (управление персоналом, инновационными преобразованиями, качеством, совершенствование планирования), метод бенчмаркинга как непрерывного улучшения процесса соизмеримости продуктов, услуг и практического опыта
Взаимосвязь инноваций и конкурентоспособности	
А. А. Жукова	Вопросы достижения конкурентных преимуществ на рынке туризма, новые организационные формы управления в индустрии туризма, взаимосвязь корпоративной культуры и конкурентоспособности предприятия индустрии туризма, роль персонала в улучшении качества туристических услуг
Е. Н. Ильина	Инновационный менеджмент в туроперейтинге, в частности цели отдела планирования и разработки инноваций, анализ слабых и сильных сторон туристического предприятия, принципы формирования новых услуг, функции менеджеров туристического предприятия в области инновационной деятельности
Д. Г. Решетников	Приоритетные виды туризма, международная конкурентоспособность национального туристического продукта на основе использования инновационных технологий
Инновационные методы маркетинга в туризме	
А. И. Тарасёнок, Н. И. Кабушкин	Маркетинговые и продуктовые инновации в туризме
Л. М. Гайдукевич, Л. М. Хухлындина	Инновационные методы исследования культурно-исторического и природного наследия в организации культурного туризма
Влияние инновационных проектов на развитие туристических регионов	
С. А. Хомич	Использование инновационного ресурса для реализации локальных и региональных программ развития туризма на основе уникальных объектов, в частности меловых карьеров г. п. Красносельский
В. А. Клицунова, Н. М. Борисенко-Клепач	Региональный аспект инновационного развития в туризме, создание и маркетинг «зеленых» маршрутов на территории Республики Беларусь для привлечения зарубежных туристов, кластерная модель как один из инновационных инструментов развития туристических территорий на региональном и межрегиональном уровне
С. В. Кирпич	Эффективность кластеров как инструмента регионального инновационного развития в туризме
И. А. Горбылёва	Туристические зоны как инновационный инструмент регионального развития в туризме

И с т о ч н и к: разработка авторов на основании [1, с. 44—46; 2, с. 99; 3, с. 12—13; 4, с. 11; 5, с. 234—235; 6, с. 12; 7, с. 196—197].

2010-х гг. Особенно быстро развивающимся направлением исследований является применения современных информационных технологий в инновационной стратегии туристического предприятия, в частности социальные медиа, мобильные и веб-ориентированные приложения, глобальные базы данных и системы бронирования.

Список использованных источников

1. Горбылёва, И. А. Особенности регулирования туризма в мировой экономике в посткризисный период / И. А. Горбылёва // Устойчивый рост национальной экономики: инновации и конкурентоспособность: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов и молодых ученых (Минск, 24—25 нояб. 2010 г.). — Минск: БГЭУ, 2010. — С. 44—46.
2. Давыденко, Л. Н. Трансграничная интеграция как фактор инновационного развития / Л. Н. Давыденко // Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. «АПК Беларуси: новейшие вызовы региональной и международной интеграции» (4—5 сент. 2014 г.). — Минск: Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2014. — С. 99—104.
3. Инновационные инструменты продвижения туристических услуг Республики Беларусь / редкол.: Н. И. Кабушкин [и др.]. — Минск: БГЭУ, 2011. — 254 с.
4. Инновационные инструменты продвижения туристических услуг Республики Беларусь / под ред.: Н. И. Кабушкина. — Минск: БГЭУ, 2011.— 368 с.

5. Клицунова, В. А. Кластерная модель как инновационный подход в развитии туристских территорий / В. А. Клицунова, Н. М. Борисенко // Беларусь в современном мире: материалы XII Междунар. науч. конф., посвящ. 92-летию образования БГУ (Минск, 30 окт. 2013 г.) / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2013. — С. 234—235.
6. Культурно-историческое и природное наследие Беларуси / Л. М. Гайдукевич [и др.]. — Минск: Четыре четверти, 2014. — 348 с.
7. Решетников, Д. Г. Приоритеты инновационного развития туристского комплекса Беларуси в условиях современной эволюции мировой индустрии туризма / Д. Г. Решетников // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире: сб. науч. ст. — Смоленск: Универсум, 2006. — С. 196—202.
8. Buhalis, D. SoCoMo Marketing for Travel and Tourism: empowering co-creation of value / D. Buhalis, M. Foerste // Journal of Destination Marketing & Management. — 2015. — Vol. 4, N 3.— P. 151—161.
9. Drucker, P. F. Innovation and entrepreneurship / P. F. Drucker. — London; New York: Routledge, 1985. — 368 p.
10. Enz, C. Innovations in hotel practice / C. Enz, J. Siguaw // Cornell Hotel and Restaurant Administration Quartely. — 2003. — Vol 44, N 5-6. — P. 115—123.
11. Hjalager, A. M. Innovation patterns in sustainable tourism — an analytical typology / A. M. Hjalager // Tourism Management. — 1997. — Vol 18, N 1. — P. 35—41.
12. Hjalager, A. M. Repairing innovation defectiveness in tourism / A. M. Hjalager // Ibid. — 2002. — Vol. 23, N 5. — P. 465—474.
13. Martinez-Ros, E. Innovation activity in the hotel industry / E. Martinez-Ros, F. Orfila-Sintes // Technovation. — 2009. — Vol. 29, N 9. — P. 632—641.
14. Orfila-Sintes, F. Innovation behaviour in the hotel industry / F. Orfila-Sintes, J. Mattsson // Omega — The International Journal of Management Science. — 2009. — Vol 37, N 2. — P. 380—394.
15. Ottenbacher, M. How to develop successful hospitality innovation / M. Ottenbacher, G. Juergen // Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. — 2005. — Vol 46, N 2. — P. 205—222.
16. Ottenbacher, M. Innovation Management in the Hospitality Industry: Different Strategies for Achieving Success / M. Ottenbacher // Journal of Hospitality & Tourism Research. — 2007. — Vol. 31, N 4. — P. 431—454.
17. Porter, M. Clusters of Innovation Initiative / M. Porter. — New York: Council on Competitiveness, 2002. — 148 p.
18. Schumpeter, J. A. Business Cycles — a Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process / J. A. Schumpeter. — New York: McGraw-Hill Book Company, 1939. — 461 p.
19. Sundbo, J. The innovative behaviour of tourism firms — Comparative studies of Denmark and Spain / J. Sundbo, F. Orfila-Sintes, F. Sørensen // Research Policy. — 2007. — Vol. 36, N 1. — P. 88—106.
20. 2015 International Tourism Results and Prospects for 2016 [Electronic resource] // World Tourism Organization. — 18.02.2016. — Mode of access: <http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/unwto_fitur_2016_hq_jk.pdf>. — Date of access: 20.03.2016.
21. Wu, Q. A Sparse Gaussian Process Regression Model for Tourism Demand Forecasting in Hong Kong / Q. Wu, R. Law, X. Xu // Expert Systems with Applications. — 2012. — Vol. 39, N 5. — P. 4769—4774.

Статья поступила в редакцию в марте 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 66—74.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 66—74.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСТАНА И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ПЕРИОД С 1991 ПО 2015 г.

Василий Гурский

В статье проводится комплексный анализ процесса формирования современной концепции промышленной политики Республики Кыргызстан в контексте реформирования и развития промышленного комплекса в период с 1991 по 2015 г. Определены основные этапы реформирования, ключевые проблемы в развитии промышленного комплекса Кыргызстана, механизмы и инструменты промышленной политики, проводимой на современном этапе. Выявлено, что темпы роста промышленного производства и ВВП в целом несопоставимо ниже темпов роста инвестиций. Привлеченные низкими ценами на сырьевые ресурсы и активы компаний инвестиции направляются преимущественно в геологоразведку и производственную базу по вывозу ценных ресурсов из страны. При этом рост инвестиций сопровождается значительным сокращением рабочих мест в промышленности Кыргызстана. Рост экспорта золота сопровождается ростом внешнего долга страны и хроническим дефицита бюджета. Обосновывается тезис о том, что политика сокращения регулирования бизнеса государством приводит к нарушению баланса интересов государства, инвестора и местного сообщества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; Кыргызстан; промышленная политика; промышленность; промышленный комплекс Республики Кыргызстан; реформирование экономики; структура промышленности.

«Formation of the Industrial Policy in Kyrgyzstan and Its Industrial Complex Reform Process from 1991 to 2015» (Vasili Hurski)

A comprehensive analysis of the formation of the modern concept of industrial policy of the Republic of Kyrgyzstan within the context of reform and development of the industrial complex in the period from 1991 to 2015 is given in the article. The article defines the main stages of reforms, key issues in the development of the industrial complex of Kyrgyzstan, mechanisms and instruments of the industrial policy carried out at modern stage. It is revealed that the growth rate of industrial production and GDP as a whole is incomparably lower the investment growth than rate. Attracted by low prices for raw resources and assets of the companies, investments are directed primarily in the exploration and production base for the export of valuable resources from the country. The growth of investments is accompanied by a significant reduction of jobs in the industry of Kyrgyzstan. The growth of gold exports is accompanied by growth of external debt and a chronic budget deficit. The author substantiates the thesis that the policy of reducing state regulation of business results in the violation of balance of interests of the state, the investor and the local community.

Keywords: economic reforms; Eurasian Economic Union; industrial complex of the Republic of Kyrgyzstan; industrial policy; industrial structure; industry; integration; Kyrgyzstan.

Author:
***Hurski Vasili** — Candidate of Science (Economy), candidate for a doctor's degree of the Department of International Economic Relationbs of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: vhurski@yandex.ru*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Введение

Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) вступил в силу 12 августа 2015 г. [6]. Интеграционная активность Кыргызстана, как и всех остальных государств — членов ЕАЭС, обусловлена стремлением к расширению рынков сбыта, снижению транзакционных издержек, повышению инвестиционной привлекательности страны. Экономическая логика подсказывает, что данные

Автор:
Гурский Василий Леонидович — кандидат экономических наук, докторант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: vhurski@yandex.ru*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Криворотько Юрий Васильевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита экономико-правового факультета БИП — Института правоведения

ожидания вполне обоснованы. Для повышения уровня промышленного сотрудничества в ЕАЭС имеются объективные исторические и экономические предпосылки.

На практике высокая степень пересечения интересов хозяйствующих субъектов на рынках как внутри, так и за пределами ЕАЭС ведет к усилению конкуренции в рамках союза, политике импортозамещения каждой из стран, активному применению нетарифных барьеров. Доля взаимного товарооборота стран ЕАЭС составляет 13,5 % их общего товарооборота. Взаимный экспорт продукции обрабатывающей промышленности стран ЕАЭС в 2014 г. занял лишь 4,6 % общего рынка [22, с. 26]. В динамике, начиная с 2012 г., взаимный товарооборот стран ЕАЭС стремительно снижается. Все это обусловливает особую актуальность исследований промышленной политики государств — членов ЕАЭС, в данном случае Кыргызстана.

В этой связи цель данной статьи — определить национальные особенности и внешнеэкономические условия эволюции промышленной политики Республики Кыргызстан в период ее суверенного развития, выявить основные факторы, обусловливающие результативность промышленной политики в ходе становления и реформирования промышленного комплекса страны.

Экономическая сущность промышленной политики страны раскрывается в трудах С. Бадмаева [1], В. Завадникова [7], И. Липсица [13], Д. Львова [14], А. Нещадина [20], Е. Потаповой, С. Толкачева [25], О. Сухарева [35], А. Татаркина [36]. Однако они специализируются только на российской экономике. Достаточно подробный анализ теоретико-методологических основ промышленной политики и зарубежного опыта ее осуществления провел авторский коллектив во главе с С. А. Толкачёвым [27].

В Беларуси вопросы развития промышленного комплекса и промышленной политики изучали В. Ф. Байнёв [2], С. Ф. Миксюк [15], М. В. Мясникович [17], А. М. Сасим [30], А. Н. Сенько [31], С. С. Сидорский [32], С. Ю. Солодовников [33], И. Л. Телеш [37], Е. Н. Филиппенко [40].

В Кыргызстане отдельные проблемы развития промышленности изучали Ш. М. Мусакожоев, З. И. Кудабаев, В. Г. Бубнов [16], Г. А. Тургунбаева [39] и др.

Тем не менее, вопросы эволюционной динамики промышленной политики и генезиса концепции развития промышленного комплекса государств — членов ЕАЭС, в том числе и Кыргызстана, в постсоветский период практически не исследованы.

Проведенный анализ научных подходов к изучению промышленной политики государств — членов ЕАЭС показал, что в настоящее время анализируются отдельные инструменты регулирования развития их промышленных комплексов и элементы институциональной среды без учета исторических предпосылок их формирования и национальных особенностей, определяющих их возникновение и развитие. В этой связи представляется целесообразным провести комплексный анализ процесса формирования современной концепции промышленной политики Республики Кыргызстан в контексте реформирования и развития промышленного комплекса за весь постсоветский период, определить основные этапы реформирования, ключевые проблемы в развитии промышленного комплекса Кыргызстана, механизмы и инструменты промышленной политики, проводимой на современном этапе.

Анализ современного состояния и структуры промышленного комплекса Кыргызстана

Пятое (по сроку вступления) государство — член ЕАЭС — Кыргызстан имеет аграрно-индустриальную экономику. Промышленное производство формирует 15,6 % общего объема ВВП, для сравнения доля сельского хозяйства 14,7 % [19, с. 311]. Активно развивается торговля (17,8 % ВВП). За годы реформ в результате либерализации внешнеторгового режима Кыргызстан стал региональным центром реэкспорта китайских товаров в страны Центральной Азии и Россию. Однако промышленность во многом определяет динамику развития экономики и формирует основной объем национального экспорта Кыргызской Республики: в 2014 г. доля промышленной продукции составила 91,5 % от всего экспорта. В промышленности Кыргызстана работает 6,3 % общего числа занятых в экономике [34, с. 65]. В общем объеме промышленного производства за 2015 г. 81,7 % занимает обрабатывающая промышленность, 3,5 % — добыча полезных ископаемых и 14,8 % — обеспечение электроэнергией и водоснабжение [28, с. 151]. В структуре обрабатывающей промышленности 61,95 % занимают металлургия и производство металлических изделий, что и определяет специализацию промышленности Кыргызстана; доля производства продуктов питания — 16,23 %, производства резиновых и пластмассовых изделий — 11,3 %, одежды и обуви — 3,7 %. Доля рентабельных предприятий в промышленности в 2014 г. составила 39 % от их общего числа, средний уровень рентабельности обрабатывающей промышленности — 5,5 % [24, с. 4].

Ведущая роль горно-металлургического производства обусловлена наличием значительных запасов различных полезных ископаемых: золотоносных руд (месторождение «Кумтор»); ртутных и ртутно-сурьмяно-флюоритовых руд (месторождения «Хайдаркан», «Новое»), сурьмы (месторождения «Хайдаркан», «Терек», «Кадамжай», «Северный Акташ», «Новое», «Кассан», «Аб-

шир»); олова и вольфрама (месторождения «Трудовое», «Учкошкон» и «Кенсу»); редкоземельных металлов; алюминия; угля. Несмотря на огромный объем разведанных запасов драгоценных металлов и минерального сырья, в республике работают только 4 крупных горнорудных предприятия: два золотодобывающих: Кумторский (15—18 т в год) и Макмальский (0,5 т в год), Кадамжайский сурьмяный (1,5 тыс. т в год) и Хайдарканский ртутный (300—320 т в год). Кроме них действует несколько небольших рудников по добыче золота — Терексай, Джамгыр, Иштамберды и Солтон-Сары. В металлургическом производстве активно развиваются только два предприятия: ЗАО «Кумтор Голд Компани» и ОАО «Кыргызалтын» [18, с. 103].

Развитие производства неметаллических минеральных продуктов, включающего выпуск цемента и асбестоцементных труб, листового стекла, стеновых материалов (железобетонные конструкции, кирпич, бетон), изделий из природного камня, гипса, извести, брусчатки, также обусловлено наличием на территории республики множества месторождений горнорудного и химического сырья и строительных материалов. В данной отрасли выделяются 3 цементных завода (Кантский комбинат, ОсОО «Технолин», Курментинский завод), работают также несколько десятков кирпичных заводов и карьеров по добыче строительных материалов [9, с. 20].

Кроме значительных запасов ископаемых ресурсов Кыргызская Республика располагает огромным гидроэнергетическим потенциалом больших и малых рек, который оценивается на уровне 142,5 млрд кВт·ч. Функционирующие в настоящее время ГЭС (Токтогульская — 1200 МВт, Курпсайская — 800 МВт, Таш-Кумырская — 450 МВт, Шамалды-Сайская — 240 МВт, Уч-Курганская — 180 МВт, Камбар-Ата 2 — 120 МВт и Атбашинская — 40 МВт), а также несколько ТЭЦ (г. Бишкек — 660 МВт, г. Ош — 50 МВт) позволяют использовать имеющийся потенциал на 9,1 %. В 2015 г. объем выработки электроэнергии составил 13 млрд кВт·ч, для сравнения в 2000 г. — 14,9 млрд кВт·ч. Уровень технического износа оборудования в отрасли составляет в среднем 60 %. При этом электроэнергия является важной экспортной составляющей, ежегодно на экспорт идет более 1,5 млрд кВт·ч [18, с. 101].

В пищевой отрасли Кыргызстана доминируют молочное, мукомольное, хлебопекарное, табачное и ликероводочное производства. Развиваются также сахарная, плодоовощная, мясная, масложировая, макаронная, винодельческая, пивоваренная, чаеразвесочная подотрасли, производство безалкогольных напитков [9, с. 19].

Швейная отрасль Кыргызской Республики в основном представлена индивидуальными предпринимателями, на долю которых приходится 86,8 % производства швейной продукции. Более 90 % продукции идет на экспорт. Экспортируется также до 90 % хлопка-волокна, которое текстильные предприятия республики не в состоянии переработать. Снижение объемов текстильного и швейного производства в 2014 г. на 17,4 % было вызвано уменьшением покупательской способности основных торговых партнеров — Российской Федерации и Республики Казахстан [9, с. 19].

Основу промышленного экспорта Кыргызстана (96 % от всего экспорта) составляют золото и редкоземельные металлы, текстиль, стекло, электроэнергия, электрические лампы накаливания, цемент, шифер. В общем объеме экспорта Кыргызстана первое место занимает Швейцария — 34,9 % (поставки золота), на втором месте Казахстан — 22,3 % (одежда, овощи, фрукты, прокатное стекло, руды благородных металлов, молочные продукты), Объединенные Арабские Эмираты — 8,6 % (золото), Россия — 7,4 % (прокатное стекло, хлопок-сырец, табачные изделия, лампы накаливания, мясопродукты). Экспорт в страны ЕАЭС составляет 29,8 % всего экспорта республики (из них 73,7 % Казахстан, 25 % — Россия, 1,3 % — Беларусь), импорт — 43,6 % всего импорта (в том числе Россия 73,7 % (нефтепродукты, лесоматериалы, изделия из чугуна и стали, зерновые, растительные масла), Казахстан 22,6 % (природный газ, зерновые, уголь, изделия из чугуна и стали), Беларусь — 3,7 % (сахар, тракторы, шины, электробытовое оборудование)) [3, с. 2—3].

Основным внешним ограничителем развития промышленности Кыргызстана является его географическое расположение, а именно удаленность от главных экономических центров, отсутствие выхода к морю, а также протекционистская политика соседних стран. Среди основных внутренних ограничителей выделяют значительный неформальный сектор (по данным МВФ, до 60 % ВВП), хронический дефицит государственного бюджета (5,9 % ВВП в 2015 г.), высокие расходы на обслуживание внешнего государственного долга, который в 2015 г. превысил 68,2 % ВВП, отрицательное сальдо внешнеторгового баланса (3,85 млрд дол. США, или 204 % к экспорту, в 2014 г.), небольшая емкость внутреннего рынка, а также «незавершенность и непоследовательность структурных реформ, проводимых в стране, включая реформирование сектора государственного управления, слабое развитие банковского и финансового рынков, неясные и постоянно меняющиеся условия для развития частного предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций» [18, с. 64]. Перечисленные внутренние факторы тесно связаны с отсутствием конкретной программы по развитию отрасли на уровне государства, неопределенностью целей и несовершенством регулятивной базы в промышленной сфере.

Исторические предпосылки и этапы формирования промышленной политики Кыргызстана в постсоветский период

В развитии промышленности и промышленной политики Республики Кыргызстан постсоветского периода условно можно выделить три периода: 1991—2000 гг. — период первоначального передела собственности и формирования рыночных условий хозяйствования (среднегодовые темпы роста ВВП 96,5 %); 2000—2010 гг. — период активной политики государства по привлечению иностранных инвестиций и роста инвестиционной активности в экономике страны (среднегодовые темпы роста ВВП 104,2 %); начиная с 2010 г. — период кризисов и усиления интеграционной активности (среднегодовые темпы роста ВВП 104,9 %). Условность и временная размытость обозначенных этапов связана, по мнению автора, с отсутствием какой-либо целенаправленной, четко выраженной промышленной политики и нестабильностью динамических трендов в развитии промышленного комплекса страны на протяжении всего исследуемого периода (темпы роста объемов промышленного производства представлены на рис. 1).

Первый этап начался с распада СССР и был связан для Кыргызстана с прекращением бюджетных субсидий и поставок дешевой энергии, резким падением спроса на военную продукцию, огромным ростом транспортных издержек. Вышеуказанные факторы сопровождались ростом безработицы, инфляции, дефицита потребительских товаров. В результате переориентации промышленности на рыночные отношения (а по сути сворачивания целенаправленной промышленной политики государства) в начале 1990-х гг. путем проведения крупномасштабной реструктуризации и приватизации крупных предприятий, осуществлявшихся без необходимой подготовки к работе в рыночных условиях, многие высокоспециализированные предприятия прекратили производство, а затем и существование, отдельные предприятия перепрофилировались на выпуск простейших изделий. Выпуск промышленной продукции в период 1991—1995 гг. упал до 32,8 % от объема 1991 г. Снижение производства произошло во всех отраслях промышленности. Отмечались гиперинфляция, уменьшение реального размера заработной платы и социальных пособий, рост безработицы, миграционный отток населения за пределы страны.

Неконтролируемая выдача лицензий на право пользования недрами, проводимая с повсеместными нарушениями, привела к упадку в горнодобывающей промышленности Кыргызстана. Часть шахт и рудников была законсервирована, прекратилось финансирование горных и геолого-разведочных работ. В целом политика в области недропользования была направлена на вывод данной сферы из-под контроля государства. Однако вместо активного развития экономики на основе рыночных отношений Кыргызстан получил активную спекуляцию лицензиями, скупку лицензий на перспективные месторождения без проведения работы в целях их дальнейшей перепродажи, рейдерские захваты, передел частной собственности через коррумпированных чиновников. Отсутствие государственной промышленной политики лишало государство возможности координировать процесс развития промышленности в соответствии с национальными интересами. В Концепции экономического и социального развития Кыргызской Республики на период до 2000 года, утвержденной правительством республики в августе 1994 г., отмечалось: «При реализации отраслевых сдвигов первоочеред-

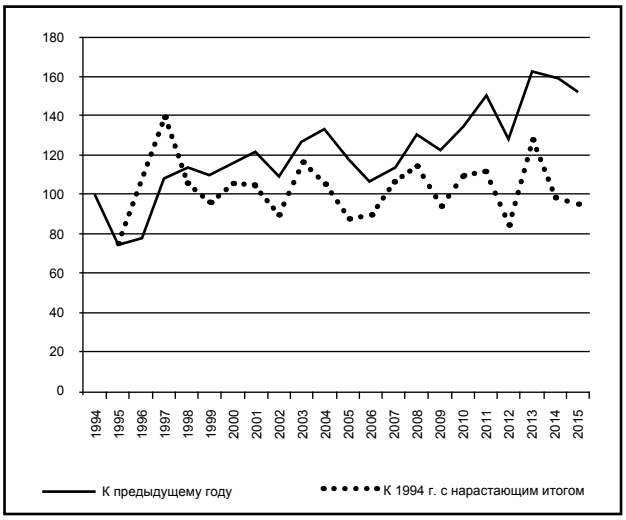

Рис. 1. Темпы роста объемов промышленного производства в Кыргызстане, %

Источник: [23].

ная организационно-правовая, инвестиционная и экспортная поддержка будет оказываться приоритетным производствам, обеспечивающим стабилизацию и рост выпуска пользующейся спросом продукции. Это прежде всего отрасли АПК, легкая, электротехническая и электронная промышленность, имеющие короткие сроки инвестиционной окупаемости. Топливно-энергетический комплекс и горнодобывающая промышленность получат развитие, главным образом, за счет привлечения иностранных инвестиций» [11]. Ряд Кыргызских экономистов того времени продвигали идею деиндустриализации страны в пользу банковской и торговой деятельности. По этой причине ни одно значимое месторождение полезных ископаемых, кроме проекта «Кумтор», за весь период рыночных реформ не было введено в эксплуатацию.

Однако рост ВВП и объемов промышленного производства в 1996—1997 гг. был связан не с банковской деятельностью, а с вводом в эксплуатацию золоторудного предприятия «Кумтор», лицензия на право освоения которого была выкуплена канадской компанией «Центерра Голд Инк» [10]. Данное месторождение входит в число крупнейших золоторудных месторождений мира, что объясняет интерес иностранных инвесторов. Привлечение иностранного капитала к разработке богатейших природных ресурсов, хотя и позволило несколько стабилизировать ситуацию, не привело к быстрому развитию экономики страны и росту доходов ее граждан.

Следствием стагнации собственного промышленного производства и одновременно фактором стабилизации экономики Кыргызстана того времени стала активная трудовая миграция как легальная, так и нелегальная. Наибольшее количество трудовых мигрантов республики (по разным оценкам от 500 до 800 тыс. человек, т. е. около 15 % населения) работают в государствах — членах ЕАЭС (Россия, Казахстан) [38, с. 23]. Основными привлекательными преимуществами рынков труда в России и Казахстане являются: развитость промышленности, образования и здравоохранения, где концентрируется более 60 % рабочих мест трудовых мигрантов. Кроме того, в России даже минимальная оплата труда в 8 раз выше, чем в Кыргызстане. Сокращение безработицы и дефицита платежного баланса за счет поступления денежных переводов, наряду с неспособностью обеспечить своих граждан достаточным количеством и качеством рабочих мест, вынуждают правительство Кыргызстана рассматривать трудовую миграцию как положительное явление для государства. Негативные эффекты влияния миграции не проблематизируются ни правительством, ни общественным мнением. Начиная с 2011 г. количество мигрантов начало сокращаться по причине кризисных явлений в экономике России и Казахстана, что явилось одним из факторов, подтолкнувших Кыргызстан к вступлению в ЕАЭС.

Таким образом, отсутствие последовательной и целенаправленной промышленной политики со стороны государства, неопределенность приоритетов в развитии промышленного сектора, даже при наличии богатейших природных ресурсов и практически полной свободы рыночных отношений, существенно тормозили развитие важнейшей отрасли экономики страны.

В период с 2000 по 2010 г. при существенной поддержке международных организаций в Кыргызстане предпринималось немало попыток придать развитию экономики страны положительную динамику, в том числе: 2001 г. — программа «Комплексная основа развития», 2003 г. — «Национальная стратегия сокращения бедности», 2009 г. — «Новая экономическая политика» и другие отраслевые программы развития. Однако из-за неэффективности государственного управления, коррупции, а также криминализации отдельных государственных структур они не достигли поставленных целей [18, с. 5].

В этот период приоритетом экономической политики Кыргызстана стало активное привлечение в промышленность иностранных инвестиций. Был создан Консультативный совет по инвестиционной политике при Государственном комитете по иностранным инвестициям и экономическому развитию, в работе которого принимают участие представители международных финансовых организаций и иностранные инвесторы. Были разработаны изменения и дополнения в Налоговый кодекс, предложены меры, ограничивающие административное вмешательство в инвестиционную деятельность, упрощен режим въезда, выезда и пребывания инвесторов, созданы структурные подразделения, которые занимаются информационным обеспечением инвесторов. Кыргызстан получил статус пользователя Всеобщей системы преференций (*GSP+*) Евросоюза, а вместе с ним право на беспошлинный экспорт в страны Европейского союза и Турцию определенного перечня товаров.

В структуре иностранных инвестиций в экономику Кыргызстана доля промышленного комплекса в 2015 г. составила 59,8 %, в том числе обрабатывающая промышленность 50,4 %. Всего с 2004 по 2015 г. в промышленность Кыргызстана из внешних источников инвестировано 27,1 млрд дол. США, из них 89,8 % в обрабатывающую промышленность. Кроме промышленности внешние инвестиции идут в торговлю 12,8 % (от общей суммы инвестиций с 2004 по 2015 г.), научную деятельность 9 %, финансовый сектор 7,2 % [8].

Основными инвесторами являются Канада 32,7 % (от общей суммы инвестиций с 2004 по 2015 г.), при этом весь объем идет в метал-

лургическое производство ЗАО «Кумтор Голд Компани», Россия 17,2 %, Казахстан 9,3 %, Китай 9,25 % (производство нефтепродуктов и геологоразведка), Великобритания 5,4 %, Турция 2,6 %. Необходимо заметить, что на страны вне СНГ приходится более 70 % инвестиций в экономику Кыргызстана [8].

Приток инвестиций в промышленность Кыргызстана продолжает возрастать. В 2014 г. их объем превысил 1,97 млрд дол. США (26,6 % от объема ВВП, что на 9,3 % больше, чем в 2008 г.). В результате в период с 2008 по 2014 г. прирост промышленного производства в сопоставимых ценах составил 21,3 %, при этом число занятых в промышленности сократилось на 31,3 % [22, с. 14]. Наибольший объем инвестиций в 2015 г. был привлечен:

— в геологоразведку 32 %,

— обрабатывающую отрасль («Кумтор», цементные заводы) 24,1 %;

— энергетический сектор (в основном Газпром) 10,9 %;

— строительство (Бишкек-парк) 12,5 %;

— сферу оптовой торговли (оборудование из Беларуси) 5 %;

— финансовый сектор (США и Нидерланды) 7,9 % [12, с. 14].

Увеличение объемов инвестиций связано также с вступлением Кыргызстана в ЕАЭС и возможностью вкладывать инвестиции при низких ценах на сырьевые ресурсы и активы компаний.

В результате роста иностранных инвестиций, начиная с 2004 г., в динамике развития промышленности наметились некоторые положительные тенденции, которые продолжались вплоть до 2011 г., за исключением падения в 2009 г. Однако темпы роста промышленного производства и ВВП в целом несопоставимо ниже темпов роста инвестиций (основные макроэкономические показатели см. на рис. 2). Это подтверждает тот факт, что основная масса инвестиций направляется не на развитие производственной базы и создание новых рабочих мест, а на передел уже имеющихся производств, разведку новых месторождений и повышение объемов вывоза ценных ресурсов из страны. В 2014 г. 56,7 % всех инвестиций составляли подрядные работы и только 21 % — оборудование. Прямые иностранные инвестиции составляли 13,4 % от всех инвестиций [34, с. 347].

Сравнительный анализ динамики объемов промышленного производства Кыргызстана (в пересчете на доллары США) и мировых цен на золото наглядно демонстрирует их почти полную идентичность, что свидетельствует о высокой степени зависимости первого от второго. Так, в 2005 г. мировая цена на золото составляла около 14 дол. США за унцию, в 2008 г. уже 32 дол., в 2009 г. упала до 22, после чего резко пошла вверх и в середине 2012 г. достигла своего максимума — 62 дол. за унцию, затем несколько упала до 50 дол. и снова выросла в 2013 г. до 57, после чего стала снижаться и к 2016 г. составила 34 дол. [4] (динамика объемов промышленного производства Кыргызстана представлена на рис. 3).

Подобно тому как объем промышленного производства и экспорта в Российской Федерации зависит от динамики цен на нефть [5, с. 166], объем промышленной продукции и экспорта Кыргызстана зависит от динамики цен на золото. В обоих случаях наблюдается сырьевая структура и промышленности, и экспорта, хотя в случае с Кыргызстаном экспортным товаром является не само сырье (руда), а продукция обрабатывающей промышленности (металлургии) — драгоценные и редкоземельные металлы. В структуре экспорта драгоценные металлы в 2014 г. занимали 38,5 % [32, с. 378].

Третий (современный) этап в развитии промышленной политики Кыргызстана начался в 2010 г. с принятием новой Конституции, что привело к некоторым изменениям в экономической политике страны. Форма правле-

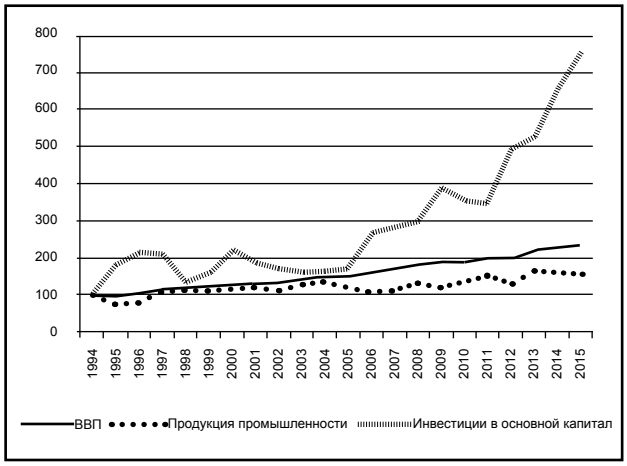

Рис. 2. Основные макроэкономические показатели Кыргызской Республики, % к 1994 г.

Источник: [21].

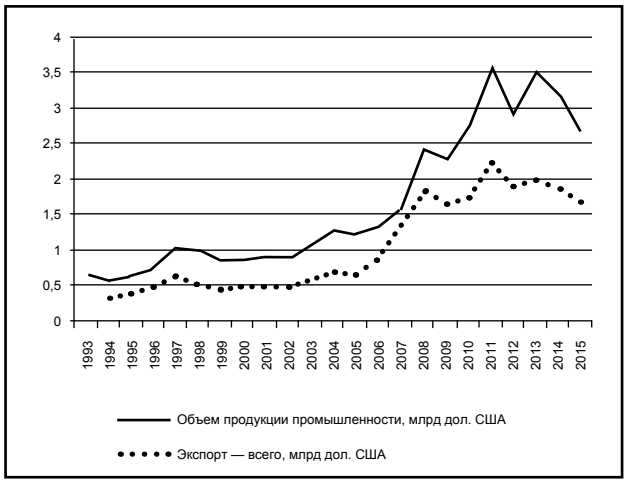

Рис. 3. Динамика промышленного производства и экспорта Кыргызстана в пересчете на доллары США (по текущему курсу)

Источник: [22].

ния была изменена, но методы принятия и исполнения решений органами государственного управления остались прежними. Решения в основном носят краткосрочный характер и выражают узкоотраслевые и корпоративные интересы [18, с. 6].

Основные направления и инструментарий промышленной политики Кыргызстана на современном этапе

На данном этапе приоритеты развития промышленности Кыргызстана определены Национальной стратегией устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013—2017 гг., принятой в 2013 г. [18], а также Программой развития обрабатывающей промышленности Кыргызской Республики на 2013—2015 гг. [26] (новая версия которой пока не разработана).

Основные направления экономической политики мало чем отличаются от принятых остальными государствами — членами ЕАЭС и включают: «достижение и сохранение макроэкономической стабильности; сокращение бюджетного дефицита, внешнего долга и инфляции; стимулирование экономического роста; привлечение внешних и внутренних инвестиций; интегрирование экономики в региональную экономическую систему; реализацию структурных реформ» [18, с. 65]. Ключевыми отраслями экономики признаны гидроэлектроэнергетика, горнодобывающая промышленность, производство пищевых продуктов, финансовый сектор.

Правительством страны признается, что решение поставленных задач требует «координации макроэкономической политики, направленной на полное содействие развитию экономики» [18, с. 65]. Вместе с тем Национальной стратегией устойчивого развития Кыргызской Республики определено, что «государство в целом сможет акцентировать и сконцентрировать работу на реализации ключевых реформ и развитии стратегических направлений. Государство будет продолжать регулировать процессы только в тех отраслях экономики, где существует реальная угроза для жизни людей и необходима ответственность государства. В других направлениях государство будет снижать свое присутствие через сокращение регулирования бизнеса, лицензий и разрешений» [18, с. 119].

Государственная политика в горнодобывающей отрасли направлена на соблюдение баланса интересов государства, инвестора и местного сообщества. При этом отмечается, что «Правительство Кыргызской Республики полностью возлагает миссию развития горной промышленности на частный сектор» [18, с. 108]. В соответствии с Национальной стратегией устойчивого развития основной целью государственной экономической политики Кыргызской Республики определена защита законопослушного инвестора всеми государственными институтами власти.

Предполагается использовать следующие инструменты экономической политики: создание центров экономического развития; формирование Банка развития и специализированных инвестиционных фондов; создание институциональной базы по привлечению иностранных инвестиций; создание преференций для малого и среднего бизнеса; сокращение и переориентация государственных инвестиций на поддержание исключительно стратегически важной инфраструктуры; содействие развитию отдаленных областей и секторов экономики, имеющих значительный мультипликативный эффект [18, с. 109]. В целях формирования институциональной основы партнерских отношений между государством и бизнес-сообществом в сентябре 2014 г. Министерством экономики Кыргызстана создан Консультативный совет по вопросам политики в сфере недропользования.

Вступление Кыргызстана в ЕАЭС принесло стране значительный положительный эффект: изменился правовой статус и улучшилось положение кыргызских трудовых мигрантов в России и Казахстане, вырос экспорт продуктов питания в ЕАЭС, сократилось время на прохождение таможенных процедур, возросла инвестиционная привлекательность страны. Все это подтверждает, что целенаправленная, активная экономическая (в данном случае внешнеэкономическая) политика государства позволяет не только решить массу неразрешимых для отдельных субъектов хозяйствования проблем, но и создать условия для динамичного развития экономики страны.

Заключение

Таким образом, в Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызстана развитию промышленности придается первостепенное значение, признается необходимость государственной координации экономических отношений в области недропользования, привлечения инвестиций, реализации государственных программ и развития промышленной инфраструктуры. Вместе с тем промышленная политика Кыргызстана направлена в основном на привлечение частного (преимущественно иностранного) капитала в промышленность республики, поддержку его интересов через либерализацию внешнеторговых и внутриэкономических условий хозяйствования. Такая политика, несомненно, способствует притоку в страну иностранных инвестиций. Однако темпы роста промышленного производства и ВВП в целом несопоставимо ниже темпов роста инвестиций. Привлеченные низкими ценами на сырьевые ресурсы и активы компаний инвестиции направляются преимущественно в геологоразведку и производственную базу по вывозу ценных ресурсов из страны. При этом рост инвестиций сопровождается значительным сокращением рабочих мест в промышленности Кыргызстана. Рост экспорта золота сопровождается ростом внешнего долга страны и хроническим бюджетным дефицитом. По мнению автора, анализ развития промышленности Кыргызстана наглядно демонстрирует, что политика сокращения регулирования бизнеса государством приводит к нарушению баланса интересов государства, инвестора и местного сообщества.

Список использованных источников

1. Бадмаев, С. В. Формирование модели инновационно-промышленной политики России / С. В. Бадмаев // ЭКО. — 2007. — № 4. — С. 17—52.
2. Байнёв, В. Ф. Факторы деиндустриализации и девальвация национальной валюты как важнейший из них / В. Ф. Байнёв // Белорус. экон. журн. — 2009. — № 3. — С. 14—24.
3. Внешняя торговля Кыргызской Республики в 2014 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — Бишкек, 2015. — Режим доступа: <http://www.stat.kg/media/files/0b098e76-8a78-439d-aa39-96f605f5d7e7.pdf>. — Дата доступа: 16.10.2016.
4. График — динамика цен на золото за 1 грамм (стоимость за последние 20 лет и на сегодня) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gold-silver.com.ua/gold/price_gold.html>. — Дата доступа: 16.10.2016.
5. Гурский, В. Л. Формирование промышленной политики России в процессе реформирования ее промышленного комплекса в период с 1990 по 2013 год / В. Л. Гурский // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2015. — № 1. — С. 157—179.
6. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕЭК. — Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147066/itia_26122014>. — Дата доступа: 16.10.2016.
7. Завадников, В. О промышленной политике Российской Федерации / В. Завадников // Общество и экономика. — 2007. — № 2-3. — С. 5—39.
8. Инвестиции [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/>. — Дата доступа: 16.10.2016.
9. Информация об итогах социально-экономического развития Кыргызской Республики за 2014 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономики Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://mineconom.gov.kg/Docs/Macroeconomic%20policy%20department/Itogi__SER_za_2015_god.pdf>. — Дата доступа: 16.10.2016.
10. История [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кумтор Голд Компани. — Режим доступа: <http://www.kumtor.kg/ru/deposit/history/>. — Дата доступа: 16.10.2016.
11. Концепция экономического и социального развития Кыргызской Республики на период до 2000 года [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Министерства юстиции Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/37478>. — Дата доступа 16.10.2016.
12. Кыргызская Республика в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Министерство экономики Кыргызской Республики. — Бишкек, 2016. — Режим доступа: <http://mineconom.gov.kg/Docs/Tamojennyi%20soyuz/___c_2_2.pdf>. — Дата доступа: 16.10.2016.
13. Липсиц, И. В. Экономика: учеб. для вузов. 5-е изд. / И. В. Липсиц. — М.: Омега-Л, 2010. — 375 с.
14. Львов, Д. С. Новая промышленная политика России / Д. С. Львов // Экон. наука современной России. — 2007. — № 3. — С. 9—12.
15. Миксюк, С. Ф. Концептуальные и методические подходы к среднесрочному прогнозированию развития промышленного комплекса Республики Беларусь / С. Ф. Миксюк, И. Л. Телеш // Белорус. экон. журн. — 2008. — № 1. — С. 36—45.
16. Мониторинг промышленного производства / Ш. М. Мусакожоев [и др.] // Экон. вестн. — 2001. — № 2. — С. 71—84.
17. Мясникович, М. В. Государственное регулирование инновационной деятельности: учеб. пособие / М. В. Мясникович, Н. Б. Антонова, Л. Н. Нехорошева. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2005. — 235 с.

18. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013—2017 гг. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.stat.kg/media/files/765da6e2-defa-46e2-b0aa-24e556aa9cd1.doc>. — Дата доступа: 16.10.2016.
19. Национальные счета Кыргызской Республики 2010—2014 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/a7087086-0794-4d3f-b4a2-1e84c6afa6b3.pdf>. — Дата доступа: 16.10.2016.
20. Нещадин, А. О реструктуризации российской промышленности / А. Нещадин // Проблемы теории и практики управления. — 2000. — № 4. — С. 16—21.
21. Основные макроэкономические показатели по Кыргызстану [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. — Дата доступа: 16.10.2016.
22. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/SiteAssets/брошюра%20рус%20ОК%20NEW.pdf>. — Дата доступа: 16.08.2016.
23. Основные показатели экономической статистики (по месяцам, нарастающим итогом, темпы роста) [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет СНГ. — Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. — Дата доступа: 16.10.2016.
24. О финансовых показателях деятельности предприятий промышленности Кыргызской Республики в 2014 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.stat.kg/media/files/727eaddc-ed47-4f8a-8860-c7f18ca0131c.pdf>. — Дата доступа: 16.10.2016.
25. Потапова, Е. Н. Промышленная политика и государственное регулирование экономики (современные аспекты российской практики) / Е. Н. Потапова, С. А. Толкачёв [Электронный ресурс] // Капитал страны: федеральное Интернет-издание. — 20.05.2011. — Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/184742>. — Дата доступа: 16.08.2016.
26. Программа развития обрабатывающей промышленности Кыргызской Республики на 2013—2015 гг. [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/94327>. — Дата доступа: 16.10.2016.
27. Промышленная политика в условиях новой индустриализации / К. Н. Андрианов [и др.]; под ред. С. А. Толкачёва. — М.: МАКС Пресс, 2015. — 252 с.
28. Промышленность Кыргызской Республики 2010—2014. Годовая публикация / Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2015. — 300 с.
29. Промышленность [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/statistics/promyshlennost>. — Дата доступа: 16.10.2016.
30. Сасим, А. М. Промышленность Беларуси в XX столетии: учеб. пособие / А. М. Сасим. — Минск: Экоперспектива, 2001. — 270 с.
31. Сенько, А. Н. Обеспечение экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь на стадии его роста: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А. Н. Сенько. — Минск, 2008. — 245 л.
32. Сидорский, С. С. Промышленное сотрудничество в ЕАЭС — мощный фактор экономического развития / С. С. Сидорский [Электронный ресурс] // Республика. — 15.09.2015. — Режим доступа: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya.html>. — Дата доступа: 20.08.2016.
33. Солодовников, С. Ю. Понятие промышленной политики / С. Ю. Солодовников, М. С. Белявская // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. трудов IX Междунар. науч.-практ. конф. / Полес. гос. ун-т. — Пинск, 2015. — С. 11—12.
34. Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2010—2014: стат. сб. / Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2015. — 438 с.
35. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 15. — С. 2—21.
36. Татаркин, А. И. Промышленная политика и механизмы ее реализации: системный подход / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономика региона. — 2007. — № 3. — С. 19—31.
37. Телеш, И. Л. Совершенствование прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса Республики Беларусь: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / И. Л. Телеш. — Минск, 2010. — 112 л.
38. Трудовая миграция и трудоемкие отрасли в Кыргызстане и Таджикистане: возможности для человеческого развития в Центральной Азии: доклад № 31. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015. — 32 с.
39. Тургунбаева, Г. А. Вопросы развития конкурентоспособности пищевой перерабатывающей промышленности: на примере АПК Кыргызской Республики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Г. А. Тургунбаева. — Бишкек, 2002. — 130 л.
40. Филиппенко, Е. Н. Промышленная политика в транзитивной экономике / Е. Филиппенко // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 2. — С. 22—26.

Статья поступила в редакцию в октябре 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 75—83.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 75—83.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Елена Зеленская

В статье определены ключевые характеристики продовольственного обеспечения и исследованы причины существования голода в современном мире; проиллюстрированы положительные и отрицательные последствия воздействия глобализации на развитие агросферы, уровень продовольственной безопасности и степень нагрузки сельскохозяйственного производства на экосистемы в странах с различным уровнем социально-экономического развития. Раскрыты концептуальные подходы к решению проблемы продовольственной безопасности в мировом масштабе, разработанные усилиями международного сообщества в XX—XXI вв.

Как наиболее приоритетные направления в решении продовольственной проблемы в современном мире в статье выделены: обеспечение мира и стабильности; привлечение в агросферу дополнительных финансовых ресурсов; совершенствование информационного и инфраструктурного ее обеспечения; применение в отрасли передовых мировых технологий; активизация обмена знаниями и опытом; упорядочение глобального международного торгового пространства; регулирование справедливой конкуренции на рынках товаров; смягчение последствий волатильности цен для наиболее уязвимых категорий потребителей; усиление координации международной политики в целях быстрого реагирования на современные вызовы продовольственной безопасности.

Ключевые слова: агросфера; глобализация; голод; международные продовольственные саммиты; поддержка производителей; продовольственная безопасность; продовольственная проблема; цены на продовольствие.

«The Food Problem in the Life of Modern Civilization» (Olena Zelenska)

The article identifies key characteristics of food security and investigates reasons for the existence of hunger in the world today. Positive and negative effects of globalization on the development of the agricultural sphere, the level of food security and a pressure degree on ecosystems in the agricultural production in the countries with different levels of socio-economic development are illustrated in the article. Conceptual approaches to addressing food security on a global scale developed by the international community in the XX—XXI centuries are revealed.

The following priority directions in addressing the food problem in the modern world are determined in the article: ensuring peace and stability; attraction of additional financial resources into the agricultural sphere; improvement of information and infrastructure maintenance of the agricultural sphere; application of advanced world technologies in the industry; intensification of the exchange of knowledge and experience; ordering of a global international trade area; regulation of a fair competition on commodity markets; mitigating consequences of prices volatility for the most vulnerable categories of consumers; strengthening international policy coordination in order to respond rapidly to current challenges of food security.

Keywords: agriculture; food prices; food problem; food security; globalization; hunger; International Food Summit; support to producers.

Author:
***Zelenska Olena** — Candidate of Science (Economy), Associate Professor, Professor of the Department of Finance, Banking and Insurance of the Faculty of Finance and Economics, Chernihiv National University of Technology, e-mail: elena_zelenska_5@ukr.net*
Chernihiv National University of Technology. Address: 95, Shevchenka Str., Chernihiv, 14027, UKRAINE

Питание является базовой биологической потребностью человека, поэтому на протяжении всей истории развития человеческой цивилизации важнейшей ее задачей был поиск путей достижения продовольственного изобилия. Появившись с зарождением чело-

Автор:
Зеленская Елена Александровна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, банковского дела и страхования финансово-экономического факультета Черниговского национального технологического университета, *e-mail: elena_zelenska_5@ukr.net*
Черниговский национальный технологический университет. Адрес: 95, ул. Шевченко, Чернигов, 14027, УКРАИНА

Рецензенты:
Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Дерий Жанна Владимировна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной экономики учетно-экономического факультета Черниговского национального технологического университета

веческого общества проблема продовольственного обеспечения за всю свою долгую историю меняла лишь формы проявления, масштабы и остроту.

Чрезвычайно актуальной она является и сегодня. Несмотря на достижения современной науки и техники в сфере производства и хранения продовольствия, объединение усилий международного сообщества в решении продовольственной проблемы, наращивание мирового производства продовольственных товаров, в том числе среднедушевого, на нашей планете все еще существует голод.

Продовольственная помощь, которую предоставляют развитые страны мира бедным государствам, не решает проблему продовольственного обеспечения в долгосрочном периоде. Более того — создает негативный эффект, формируя иждивенческие настроения и подрывая основы местного сельского хозяйства в развивающихся странах.

Исследованию проблем продовольственного обеспечения на глобальном, национальном и региональном уровнях, а также принципов, факторов, угроз и т. д. формирования продовольственной безопасности посвящено большое количество работ ученых, в частности Э. А. Азроянца [1], А. Гальчинского [4; 5], В. Г. Гусакова, З. М. Ильиной, В. И. Бельского [7; 11], В. М. Клочко [12], Е. В. Ковалева [13; 14], Э. Б. Обминского [16], Б. И. Пасхавера [17; 18], А. В. Черновой [25], Л. Брауна [26], Э. Холт-Хименеса [27] и др.

Однако динамичное изменение политических, экономических, социальных, экологических и других условий развития современной цивилизации, которые оказывают заметное влияние, в том числе и на функционирование агросферы, конъюнктуру продовольственных рынков и т. д., обусловливает необходимость постоянного изучения новых возможностей, угроз, вызовов продовольственной безопасности в целях наиболее эффективного использования одних и заблаговременного предотвращения других при формировании аграрной политики на разных уровнях.

Целью данной статьи является определение характерных тенденций продовольственного обеспечения и причин существования голода в современном мире; исследование влияния глобализации на продовольственную безопасность в странах с различным уровнем социально-экономического развития; обобщение концептуальных подходов к решению проблемы продовольственной безопасности в современном мире.

Как уже отмечалось, проблема обеспечения человечества продовольствием правомерно занимает одно из ведущих мест в иерархии глобальных проблем. Всеобъемлющий ее характер, по нашему мнению, подтверждают следующие признаки: 1) глобальные масштабы распространения; 2) острота проявления; 3) комплексный характер (взаимосвязь с другими проблемами); 4) общечеловеческая сущность (проблема понятна и близка каждому человеку и территориальной общности любого ранга); 5) способность влиять на дальнейшую историю человечества; 6) возможность решения только совместными усилиями мирового сообщества [10].

Обострение продовольственной проблемы затрагивает жизненные интересы потребителей, производителей сельскохозяйственной продукции, всех участников продвижения продуктов питания от поля к столу, а в современном мире — и господствующих в агропродовольственной сфере транснациональных корпораций. Удовлетворение физиологических потребностей человека в продуктах питания — это материальная основа биологического, социального, духовного и т. д. существования индивида, домохозяйства, населения страны, человечества в целом.

Продовольственная сфера выступает местом столкновения самых разнообразных и важнейших интересов: социальных, экономических, геополитических, межнациональных и др. Гарантирование достаточного уровня продовольственного обеспечения населения является важной проблемой, которая занимает ведущее место в политике государств мира и является едва ли не главной составляющей их национальной безопасности. Продовольственная безопасность страны — непременное условие и гарантия сохранения ее суверенитета и независимости, обеспечения устойчивого социально-экономического развития, формирования высоких уровня и качества жизни населения, воспроизводства человеческого капитала.

По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), в настоящее время в мире голодает 925 млн человек, ежегодно умирает от голода — 9 млн человек [8]. Реальная же численность людей, погибших от голода, значительно выше, чем фиксирует официальная статистика. Мы полностью разделяем мнение Е. В. Ковалёва: «...голод трудно определить и измерить, поскольку при недостатке продовольствия много людей умирает от болезней, прежде чем им пришлось бы умереть от голода» [14, с. 11].

В современном мире все более распространенным явлением становятся голодные бунты. Они отмечены в таких странах, как Гаити, Боливия, Йемен, Афганистан, Индонезия, Буркина-Фасо, Камерун, Сенегал, Мозамбик и т. д. В то время как развитые страны мира практически не ощутили на себе последствий последнего мирового продовольственного кризиса 2006—2008 гг. (в подавляющем большинстве домохозяйств произошло лишь некоторое изменение структуры питания при его достаточной энергетической ценности), для перечисленных выше стран он стал настоящей катастрофой.

Голод сегодня — это следствие высоких цен на продовольствие, что делает его экономически недоступным для бедной части населения земного шара. Согласно статистическим данным, за последнее десятилетие цены на мировом аграрном рынке удвоились [17; 18, с. 38] и по оценкам ученых, продолжают постоянно расти: «Эра дешевого продовольствия осталась в прошлом» [13, с. 16]. Действительно, рыночная экономика, движущей силой развития которой является прибыль, не оставляет альтернативы постоянному росту цен на продовольственные товары.

Современный скачок цен на продовольствие обусловлен следующими факторами:

— высокой степенью монополизации мирового продовольственного рынка и ограниченным доступом на него новых участников;

— значительным исчерпанием агроресурсного потенциала, в частности земельных и водных ресурсов;

— обострением глобальных экологических проблем (опустынивание, повышение температуры окружающей среды, эрозия почв, истощение грунтовых вод и т. п.);

— повышением спроса на продовольственные товары, связанного с ростом уровня жизни населения в таких густонаселенных странах, как Индия, Китай, а также в странах Латинской Америки;

— использованием значительных объемов некоторых видов продовольствия (в частности, пшеницы, ячменя, кукурузы, сои, сахарной свеклы и тростника, рапса и т. д.) в производстве биотоплива;

— введением продовольственных экспортных квот странами, являющимися заметными мировыми производителями и поставщиками тех или иных видов продовольствия;

— нагнетанием ситуации с продовольствием в мире средствами массовой информации [10].

Голод в нынешнем мире — это еще и следствие неравномерного распределения продовольствия. При рыночной экономике удовлетворяется не реальная потребность человека в продуктах питания, а платежеспособный спрос. Поэтому распределение мировых запасов продовольствия осуществляется в соответствии с дифференциацией доходов. «Теряется рациональность потребительского спроса. Происходит разрыв между потреблением и удовлетворением реальных нужд человека. Формируются "ложные", виртуальные по своей сути потребности, определяющим мотивом которых становится беспредельное желание "иметь". Остановиться в этом невозможно, границ желанию "иметь" не существует» [5, с. 26].

Вопрос о том, возможно ли накормить население Земли, численность которого постоянно растет, в разных интерпретациях изучался в течение тысячелетий. Научное же его обоснование в содержании, близком к современному, впервые появилось в XVIII в. (М. Кондорсе «Рассуждение о хлебной торговле», «Письмо земледельца из Пикардии к протекционисту», «Рассуждения о барщине» (90-е гг. XVIII в.); Т. Р. Мальтус «Очерк о законе народонаселения» (1798), «Исследование о последствиях хлебных законов» (1814)).

В Библии неоднократно упоминается о голоде «по всей земле». Есть много библейских примеров чудесного насыщения большого количества людей: история фараона и Иосифа; манна небесная, которой питались евреи в пустыне после того, как Моисей вывел их из Египта; насыщение Иисусом Христом пятью хлебами и двумя рыбками пяти тысяч человек, не считая женщин и детей, и т. д. Библия предсказывает человечеству голодные времена и в будущем: «...и будут голод и моры по местам» (Евангелие от Матфея 24:7); голод «последнего времени» символизирует всадник на черном коне с мерой в руке (Откровение 6:5,6) (кстати, в указанном месте говорится о высоких ценах на основные продукты питания).

Авторитетный, широко известный в научных кругах специалист, изучающий мировую продовольственную проблему, директор *World Watch Institute* (Вашингтон) Л. Браун писал: «...многие цивилизации прошлого не смогли осознать и оценить знаки, которые пророчили им гибель. Неоднократно именно сокращение продовольственного обеспечения было причиной их падения». И о настоящем: «В некоторых странах общественный порядок уже начал разрушаться из-за стремительно растущих цен на продовольствие и распространения голода. Не пророчествует ли мировой продовольственный кризис глобальное разрушение нашей цивилизации?» [26].

В современных условиях глобализации продовольственная проблема приобретает новый смысл, ее актуальность постоянно растет, поэтому все чаще она рассматривается в контексте «продовольственной безопасности».

Глобализация экономики, в том числе ее агропродовольственной сферы, в современном мире является объективной реальностью, неотвратимым процессом (несмотря на попытки противодействия ей антиглобалистов). Признаки агроглобализации проявляются сейчас в укрупнении производительных сил мирового сельского хозяйства, углублении взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости аграрных экономик стран, высокой степени разделения труда в агросфере, усилении действия фактора сравнительных преимуществ, коммерциализации сельскохозяйственного производства, пищевой промышленности и системы сбыта продовольствия, усилении в агросфере роли транснациональных корпораций (иногда они имеют большее влияние на развитие отдельных отраслей и терри-

торий, чем правительства стран), интенсификации мировой торговли продовольственными товарами и т. д. [13, с. 17].

Решая проблему продовольственной безопасности на глобальном уровне, страны, задействованные в этом процессе, на первый взгляд, осуществляют одновекторные, совместные усилия в направлении ее успешного преодоления. Но более тщательный анализ ситуации показывает, что на самом деле углубляется глобальная стратификация и ее горькие плоды пожинают бедные страны «периферии» [10, с. 190]. Для того чтобы жители одних стран могли на достаточном уровне сбалансированно питаться, население других вынуждено недоедать, а иногда — даже голодать.

Аналогичную мысль находим у Э. Азроянца: «...вместо совместного движения в одном направлении на основе общности интересов и единых стандартов реализуется агрессивная политика прорыва стран-лидеров за счет остальных государств мира» [1, с. 329]. По мнению А. Гальчинского, глобальное неравенство превратилось в центральную проблему XXI в.: «Построенный на основе капиталистической иерархии мир признает только сильных, уважает тех, кто способен самоутвердиться, способен защищать свою свободу и национальные ценности» [4, с. 10].

В современном мире основной торговый оборот и большая часть взаимных инвестиций осуществляются в пределах совокупности постиндустриальных стран. Другие же участники глобальной мировой системы вынуждены принимать так называемую «догоняющую модернизацию» со всеми присущими ей недостатками: ориентацией на внешние инвестиции, низкой стоимостью рабочей силы, использованием в основном экстенсивных факторов роста, технической модернизацией, которую навязывает Запад, увеличением доли экспорта в производстве, ростом удельного веса импорта в потреблении и т. д.

Агроглобализация — процесс многогранный и неоднозначный. Это вызывает такую же противоречивость мнений относительно ее роли, значения и последствий для человечества в современном мире. Положительное влияние агроглобализации на обеспечение продовольственной безопасности осуществляется через совершенствование и появление новых (информационно-биологических, космических) агротехнологий, рост уровней механизации и производительности труда в сельском хозяйстве, повышение уровня капиталоотдачи в отрасли. Следует, однако, отметить, что резервы наращивания объемов производства продовольствия за счет упомянутых процессов не безграничны и сегодня в мире уже практически исчерпаны, о чем свидетельствует замедление темпов прироста среднедушевого производства продовольствия в мире на протяжении последних десятилетий [13, с. 21]. Мировая продовольственная система все медленнее и с большими затратами преодолевает новые вызовы современной действительности.

В развивающихся странах рост доходов от сельскохозяйственного производства, обеспеченный механизацией и ростом производительности труда, вовсе не означает их реинвестирование в дальнейшее развитие аграрного производства. Как показывает практика, полученные доходы идут на погашение кредитов, взятых сельскохозяйственными производителями, или еще хуже — разворовываются коррумпированным чиновничеством.

Вместе с тем процесс глобализации активизирует влияние некоторых дестабилизирующих факторов в развитии мировой агросферы, влечет за собой возникновение новых угроз продовольственной безопасности. Агроглобализация обусловливает поляризацию производства и потребления продовольствия, загрязнение и истощение агросреды, исчерпание ресурсов, голод миллионов.

Актуальным вопросом современности является определение «верхней» границы влияния человечества, которую может выдержать биосфера. Стабильный рост производства продовольствия в современном мире только на первый взгляд выглядит устойчивым, на самом же деле таковым не является. Глобализация торговли увеличивает оторванность потребителей от экологических последствий их образа жизни. Виды сельскохозяйственного производства, которые оказывают наиболее неблагоприятное воздействие на окружающую среду и потребность в продукции которых удовлетворяется в одной стране, выносятся на «периферию», где экологические последствия пожинаются населением другого государства. Зона экологического обеспечения развитых стран, как правило, в несколько раз больше, чем их собственная территория. Согласно оценкам известной белорусской исследовательницы проблем продовольственной безопасности З. Ильиной, «...зона экологического обеспечения Италии примерно в восемь раз больше, чем территория страны. Для того чтобы население земного шара численностью 9—10 млрд чел. могло жить в достатке при современной технологии производства, надо еще 2—3 таких планеты, как Земля» [11, с. 27].

Пристальное внимание ученых, занятых проблемами продовольственной безопасности, вызывает аструктурный эффект, который вносит агроглобализация в развитие мирового агропромышленного комплекса. Например, серьезным негативным фактором, обусловившим снижение уровня продовольственной безопасности развивающихся стран, стала торговая либерализация, лоббируемая Всемирным банком, Международным валютным фондом (МВФ), Всемирной торговой организацией (ВТО). В условиях свободной торговли продовольственными товарами и открытости рынков этих стран в большинстве

из них отсутствовала надлежащая поддержка (материально-техническая, финансовая и т. д.) собственных товаропроизводителей. Внутреннее производство продовольственных товаров в таких условиях сворачивалось, и развивающиеся страны из экспортеров продовольственной продукции постепенно превратились в импортеров (например, Филиппины — риса; Мексика — кукурузы).

В свою очередь, рост концентрации производства, усиление вертикальной интеграции в агропродовольственном комплексе, возрастание роли транснациональных корпораций в агросфере и другие признаки коммерциализации сельского хозяйства обусловили фактическое уничтожение мелких агропроизводителей в этой группе стран. Вместе с тем фермеры не только производят значительную долю продуктов питания, используя при этом экологически устойчивые методы ведения сельского хозяйства, но и выступают именно той прослойкой общества, которая определяет его культуру и формирует национальную идеологию.

Сегодня агроглобализация навязывает такую модель международного разделения труда, которая фиксирует одностороннюю направленность (монокультурность) сельского хозяйства зависимых стран, а следовательно способствует их превращению во все более отсталые аграрно-сырьевые и вспомогательно-обслуживающие звенья мировой агросистемы. В этих странах развиваются, как правило, экспортно ориентированные отрасли, характеризующиеся притоком финансовых и трудовых ресурсов (кстати, речь не идет о привлечении в производственный процесс местных крестьян и фермеров). В то же время открытость продовольственного рынка государств вредит перспективам развития других отраслей (особенно высокозатратных) и вызывает обострение социальных проблем в обществе.

Директор *Food First Institute* (США) Э. Холт-Хименес сделал вывод, что «программы структурной коррекции», навязанные Всемирным банком и МВФ, разрушали национальные агентства, регулировавшие торговлю, отменяли гарантированные цены, ликвидировали тарифы и дерегулировали сельскохозяйственные рынки. Это, в конечном счете, «...разрушило национальные сельскохозяйственные экономики и поставило в зависимость продовольственную безопасность стран Юга от глобальных рынков, на которых властвовали богатые страны Севера» [27]. Такие действия Всемирного банка и МВФ на пользу транснациональным корпорациям и развитым капиталистическим странам дали повод ученым [см., напр.: 13, с. 17; 27] обвинить их в сознательном подрыве продовольственной безопасности развивающихся стран.

Сейчас все чаще звучат мнения о том, что вместо осуществления неолиберальной политики в интересах экономически развитых стран МВФ должен, прежде всего, заниматься обеспечением глобальной ликвидности для стабильного экономического роста, а ВТО в свою идеологию желательно было бы внести изменения, направленные на защиту конкретных позиций стран «третьего» мира [12, с. 37].

Серьезную опасность для экономик отсталых стран представляют и открытые глобализацией перспективы трудовой миграции. Поскольку образованные и квалифицированные работники выступают наиболее мобильной частью общества, которая стремится к занятости в значительно лучших условиях, чем это может обеспечить собственная экономическая система, именно их с невосполнимым ущербом для себя и теряют страны «периферии».

Еще в начале XX в. проблема продовольственной безопасности начала осознаваться на международном уровне как категория мирового значения. Пытаясь упорядочить ситуацию в системе продовольственного обеспечения в мире, международное сообщество начало создавать соответствующие структуры. Первой организацией такого типа стал созданный под эгидой Лиги Наций в 1905 г. в Риме Международный сельскохозяйственный институт.

Чрезвычайно актуализировали проблему продовольственного обеспечения Первая мировая война и сельскохозяйственный кризис 1929 г., а также Вторая мировая война. Указанные события оказали дестабилизирующее влияние на функционирование мирового продовольственного рынка.

В 1945 г. при Организации Объединенных Наций в целях преодоления бедности, голода и его последствий в мире была создана ФАО. Решение об этом было принято еще в 1943 г. на Международной конференции по вопросам продовольствия в г. Хот-Спрингсе.

В разные периоды развития мирового сообщества ФАО решала актуальные в то время вопросы продовольственного обеспечения. Так, в 1960-е гг. организацией решалась проблема ликвидации голода в бывших колониальных странах; в 1970-е гг. — преодоления последствий кризиса на международных сельскохозяйственных рынках; в 1980-е гг. — борьбы с недоеданием и голодом в отдельных регионах мира; в современном мире — создания продовольственного порядка, который бы обеспечил глобальную продовольственную безопасность.

Продовольственная безопасность государства в целом и каждого человека в частности изучается в контексте международного права и закреплена в ряде международных документов: Всеобщей декларации прав человека (1948), Межамериканской хартии социальных гарантий (1948), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенции о предотвращении всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенции о правах ребенка (1989) и т. д.

В частности, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах не только подтвердил фундаментальное право человека на свободу от голода, но и обязал государства реализовать данное право на практике. Так, в статье 11 отмечается: «Государства — участники данного Пакта, признавая фундаментальное право каждого на свободу от голода, должны осуществлять самостоятельно или через международное сотрудничество мероприятия, включающие социальные программы, необходимые для того, чтобы: а) улучшить способы производства, хранения и распределения продовольствия посредством развития и реформирования аграрных систем таким способом, который позволяет достигать наиболее эффективного развития и использования природных ресурсов; б) учитывая проблемы как стран-импортеров продовольствия, так и стран-экспортеров, обеспечить справедливое распределение мировых продовольственных запасов в соответствии с потребностями» [15].

Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания, которая была принята в 1974 г. Всемирной продовольственной конференцией, провозгласила, что:

1) ликвидация голода является общей обязанностью всех стран международного сообщества, в особенности развитых стран и стран, способных оказывать помощь;

2) основной обязанностью правительств является совместная работа в направлении увеличения производства продовольствия, а также более справедливого и эффективного распределения продовольствия между странами и внутри них;

3) продовольственные проблемы должны рассматриваться в ходе подготовки и осуществления национальных планов и программ экономического и социального развития;

4) обязанностью каждого заинтересованного государства в соответствии с его суверенными соображениями и внутренним законодательством являются устранение препятствий на пути производства продовольствия и обеспечение надлежащих стимулов для фермеров;

5) усилия, направленные на увеличение производства продовольствия, должны дополняться всеми возможными мерами в целях предотвращения нерационального использования продовольствия во всех его формах;

6) все страны, главным образом высокоразвитые в промышленном отношении, должны содействовать совершенствованию технологии производства продовольствия;

7) для обеспечения соответствующего сохранения природных ресурсов, которые используются или могут быть использованы для производства продовольствия, все страны должны сотрудничать, с тем чтобы облегчить охрану окружающей среды, включая морскую окружающую среду;

8) все развитые и другие страны, способные к оказанию помощи, должны сотрудничать в области техники и финансов с развивающимися странами в их усилиях, направленных на расширение земель и водных ресурсов для сельскохозяйственного производства;

9) все государства должны прилагать максимальные усилия, направленные на перестройку по мере необходимости сельскохозяйственной политики, с тем чтобы уделить первоочередное внимание производству продовольствия, признавая в этой связи взаимозависимость мировой продовольственной проблемы и международной торговли;

10) все страны должны сотрудничать в создании эффективной системы обеспечения мировой продовольственной безопасности [2].

Периодически продовольственная проблема рассматривается на международных саммитах. Наиболее весомыми, с точки зрения разработки концептуальных основ решения проблемы продовольственной безопасности, были форумы 1972 г. (г. Стокгольм), 1994 г. (г. Рио-де-Жанейро), 1999 г. (г. Маастрихт), 1996, 2002, 2008, 2009 гг. (г. Рим), 2010 г. (г. Бразилиа), 2010 г. (г. Ниигата), 2011 г. (г. Санья), 2011 г. (г. Париж) и др.

В течение указанного периода наблюдалось изменение подходов к решению проблемы продовольственной безопасности. Например, в 1970-х гг. господствовало мнение о том, что наиболее эффективным и рациональным путем решения продовольственной проблемы в большинстве стран мира является импорт продовольствия. Однако в условиях монополизированного рынка продовольственных товаров упомянутая концепция не оправдала себя и уже в конце 1970-х гг. изменилась на противоположную — необходимость обеспечения страны продовольствием (прежде всего зерном) за счет собственного производства и использования импортной продовольственной продукции только в крайних случаях.

В 1970-е гг. также считалось, что достижения научно-технического прогресса в области аграрного производства позволят решить продовольственную проблему на глобальном, а следовательно, — и на национальном уровнях. Например, участники Совещания в Стокгольме (1972 г.) декларировали намерение решить проблему продовольственного обеспечения в мире, ориентируясь на то, чтобы к концу XX в. ликвидировать голод во всех 170 странах, принимавших участие в обсуждении данного вопроса [20].

Впоследствии появился совершенно противоположный подход: достижение продовольственной безопасности возможно только на государственном уровне, а через него — и в мировом масштабе. Поэтому в концепциях продовольственной безопасности многих государств мира появились стратегиче-

ские цели, призванные усиливать перспективный агропродовольственный потенциал страны и его роль в мировом продовольственном комплексе.

Саммит в Рио-де-Жанейро (1994), оценивая перспективы вхождения мирового сообщества в XXI в., наряду с проблемами охраны окружающей среды поднял проблему продовольственного обеспечения и зависимые от нее — устойчивого развития и борьбы с бедностью. Относительно продовольственного комплекса идея устойчивого развития означает эффективное управление сельскохозяйственными ресурсами в целях удовлетворения потребностей человечества в пище при сохранении и улучшении качества окружающей природной среды. В Повестке дня на XXI век [19], принятой на высоком уровне, отмечается, что обеспечение устойчивого развития является, в первую очередь, обязанностью правительств стран и выполнять его необходимо посредством разработки соответствующих национальных программ, планов и политики. Соответственно, продовольственная проблема также должна решаться, прежде всего, на национальном уровне, а совокупность результатов усилий отдельных государств автоматически обеспечит ее решение на глобальном уровне.

На Всемирном продовольственном саммите в Риме (1996) были приняты Римская декларация по продовольственной безопасности и План действий Всемирного продовольственного саммита на период до 2015 г., где определялись пути создания одинаковых условий в доступности продовольствия. Учитывая приоритет национальной ориентации в достижении продовольственной безопасности, признано необходимым, помимо выделения продуктов питания бедным странам, применять меры по преодолению кризиса в их сельском хозяйстве и способствовать реализации соответствующих программ [21]. Однако страны — участницы саммита так и не пришли к консенсусу в вопросе оптимального соотношения объемов внутригосударственного производства продовольствия и его импорта при формировании национальной политики продовольственной безопасности.

Решению подобных вопросов была посвящена конференция ФАО, которая состоялась в Нидерландах в 1999 г. В принятой на ней Концепции многофункциональности сельского хозяйства отмечалось, что обеспечение продовольственной безопасности невозможно без устойчивого развития сельского хозяйства. Подчеркивалась необходимость применения комплексного подхода в решении проблемы устойчивого развития отрасли, который бы базировался на объединении усилий на местном, национальном и международном уровнях с учетом всего многообразия экономических, социальных, природных и других факторов, способных оказывать влияние на упомянутый процесс. Результатом проведения конференции стало определение целей и разработка системы практических мер по обеспечению устойчивого развития сельского хозяйства и продовольственной безопасности [28].

Римский саммит 2002 г. принял Декларацию, которая призвала мировое сообщество принять меры для сокращения до 400 млн человек количество голодающего населения мира [см.: 25, с. 19]. В то же время было отмечено, что неутешительные прогнозы по реализации этой цели связаны с отсутствием политического желания и ограниченностью ресурсов, выделяемых развитыми странами мира в качестве помощи бедным странам.

Доминирующей темой встречи была либерализация торговли продовольственными товарами. Единого мнения о роли либерализации торговли в обеспечении продовольственной безопасности на саммите достигнуто не было. Зато в решении данной проблемы четко выделились два подхода.

Первый базировался на том, что агропродовольственный потенциал развитых стран является достаточным для того, чтобы обеспечить производство продовольствия в объемах, необходимых для удовлетворения потребностей в продуктах питания населения всего мира. Другим же странам для решения проблемы продовольственного обеспечения достаточно упростить систему доступа импортных продовольственных товаров на внутренний рынок.

Сторонники второго подхода считали, что таким образом решить проблему продовольственной безопасности второй категории стран невозможно, поскольку усиливается их зависимость от конъюнктуры мирового продовольственного рынка и в любом случае они получают продукцию не лучшего качества. Итак, каждая страна, заботясь о своих собственных интересах, должна ориентироваться на самообеспечение продовольствием, которого можно достичь путем динамичного развития отечественного агропромышленноого комплекса [16, с. 115].

Одним из самых заметных собраний последних лет на высоком уровне стала Международная конференция «Всемирная продовольственная безопасность и глобальные вызовы в свете изменения климата и развития биоэнергетики», проведенная в Риме (2008). В докладе ФАО «Быстрый рост цен на продовольствие: факты, перспективы, влияние и меры, которые необходимо принять» отмечалось, что, несмотря на рост аграрного производства, рынки сельскохозяйственной продукции находятся в неудовлетворительном состоянии. Низкие уровни запасов продовольствия, вероятно, не будут пополнены в ближайшей перспективе. Велика вероятность дальнейшего роста цен и нестабильности в результате непредвиденных событий. Страны столкнулись с двойной проблемой: резким ростом цен на продовольствие и топливо, что является угрозой не только макроэкономической стабильности, но и всеобщему развитию [см.: 3].

На международном саммите по продовольственной безопасности, который состоялся в Риме в 2009 г., ФАО предложила определить целью полную ликвидацию голода на Земле к 2025 г. и увеличение официальной помощи на развитие сельского хозяйства в размере 44 млрд дол. США ежегодно [9].

Проблемы продовольственной безопасности поднимаются и обсуждаются также странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), которые формируют более половины глобального ВВП и 44 % объема мировой торговли. По результатам форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 2010 г. была принята Ниигатская декларация по продовольственной безопасности (стоит отметить, что совещание, посвященное именно продовольственной безопасности, проводилось в рамках АТЭС впервые за 20 лет с начала его основания). В Декларации определены две общие для экономик АТЭС цели: 1) устойчивое развитие сельскохозяйственного сектора за счет повышения производительности, улучшения систем подготовки к природным катаклизмам, развития сельских территорий, а также противодействия изменению климата и совершенствования управления природными ресурсами; 2) содействие привлечению инвестиций в развитие сельского хозяйства [22].

Всего же План действий по продовольственной безопасности, утвержденный указанным собранием, включал 62 предложения разных стран по обеспечению продовольственной безопасности в регионе. В частности, это проекты по развитию информационного обмена, передаче сельскохозяйственных технологий, предупреждению и контролю распространения болезней животных и растений, а также по созданию и совершенствованию систем обеспечения питания малообеспеченных и незащищенных слоев населения [22].

Очередной рост индекса цен на продовольствие в 2011 г. вызвал в мире особую обеспокоенность и поднял новую волну обсуждений проблемы продовольственной безопасности [6]. Наиболее весомыми в этом плане стали саммиты «Группы двадцати» (*G* 20) (Париж, 2011 г.), где был одобрен План действий по волатильности продовольственных цен и сельскому хозяйству [24] и БРИКС (г. Санья, 2011 г.), которые определили целый спектр средне- и долгосрочных мер в целях решения проблемы продовольственной безопасности [23].

Принимая во внимание наработки участников вышеупомянутых саммитов, а также учитывая новейшие тенденции развития агросферы и продовольственного обеспечения, отметим, что наиболее важным для решения проблемы продовольственной безопасности в современном мире, с нашей точки зрения, является сосредоточение усилий мирового сообщества на следующих направлениях.

1. Обеспечение мира, содействие политической, социальной, экономической и экологической стабильности в мире.

2. Привлечение в агросферу (в том числе на развитие мелких аграрных хозяйств) дополнительных финансовых ресурсов, включая бюджетные средства, инвестиции, кредиты, финансовую помощь по линии международных институтов развития и т. д.

3. Совершенствование информационного (относительно конъюнктуры продовольственных рынков, прогноза погодных условий и т. п.) и инфраструктурного (системы ирригации, поставки, складирования, сбыта, страхования, транспорта и т. д.) обеспечения агросферы.

4. Введение в сельскохозяйственное производство передовых мировых технологий, активизация обмена знаниями и опытом для успешного решения проблем с продовольственным обеспечением.

5. Упорядочение глобального международного торгового пространства, регулирование справедливой конкуренции на рынках товаров (прежде всего, продовольственной продукции) и услуг.

6. Обеспечение поддержки не только производителям продовольствия, но и его потребителям, в частности, путем смягчения последствий волатильности цен для наиболее уязвимых категорий населения, применения эффективной системы распределения продовольствия (хотя бы в рамках возможностей ООН, ФАО и т. д.).

7. Усиление координации международной политики в целях быстрого реагирования на современные вызовы продовольственной безопасности.

Несмотря на пристальное внимание со стороны мирового сообщества и отдельных государств к проблеме продовольственной безопасности, в современном мире она заметно актуализировалась. Основными причинами этого являются постоянный рост численности населения мира и соответствующее повышение мирового совокупного спроса на продукты питания, урбанизация и индустриализация (например, имеют место такие факты, как сокращение в мировом масштабе посевных площадей из-за роста городов, строительства транспортных магистралей и т. д.), современные экологические проблемы глобального масштаба, негативное влияние мирового финансово-экономического кризиса и изменения в торговой политике основных аграрных стран.

Неблагоприятным является и прогноз динамики производства мировых продовольственных ресурсов в будущем, что обусловлено, прежде всего, объективными глобальными причинами. Дефицит необходимых ресурсов в условиях глобализации, по логике вещей, должен был способствовать их экономному и рациональному использованию в ми-

ровом масштабе, а на самом деле приводит лишь к обогащению структур, которые ими обладают.

По нашему мнению, нынешнее обострение продовольственной проблемы на глобальном уровне связано не столько с исчерпанием возможностей мировой агросистемы, сколько с комплексом, прежде всего, политических и коммерческих решений стран, которые в современном мире оказывают существенное влияние на продовольственное обеспечение. Противоречия между принципами международной аграрной политики и современными требованиями продовольственного рынка приводят к значительному ограничению мер государственной поддержки сельского хозяйства развивающихся стран (в соответствии с требованиями ВТО) и соответственно — к торможению развития сельского хозяйства во многих странах.

Список использованных источников

1. Азроянц, Э. А. Размышления о будущем. Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? / Э. А. Азроянц. — М., 2002. — 416 с.
2. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания: [принята Всемирной продовольственной конференцией 16 нояб. 1974 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml>. — Дата доступа: 21.02.2016.
3. Высокие цены на продовольствие: новый стимул для развития сельского хозяйства и оказания поддержки бедным слоям населения [Электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. — 28.05.2008. — Режим доступа: <http://www.fao.org/newsroom/ru/news/2008/1000847/index.html>. — Дата доступа: 21.02.2016.
4. Гальчинський, А. За межами капіталізму / А. Гальчинський // Економіка України. — 2011. — № 9.— С. 4—16.
5. Гальчинський, А. Лібералізм — еволюційні трансформації / А. Гальчинський // Економіка України. — 2010. — № 6. — С. 23—34.
6. Глобальное партнерство в целях развития: от слов к делу. Доклад Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/mdg_gap_report2012.pdf>. — Дата доступа: 21.06.2016.
7. Гусаков, В. Г. Продовольственная безопасность Беларуси / В. Г. Гусаков, З. М. Ильина, В. И. Бельский // Економіка АПК. — 2008. — № 8. — С. 35—46.
8. 925 миллионов в мире страдают от хронического голода [Электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. — 14.09.2010. — Режим доступа: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/45302/icode/>. — Дата доступа: 21.06.2016.
9. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности: [принята на Всемирном саммите по продовольственной безопасности, Рим, 16–18 нояб. 2009 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml>. — Дата доступа: 21.02.2016.
10. Зеленська, О. О. Продовольча безпека як один із ключових пріоритетів економічної політики в сучасних умовах глобалізації та загострення продовольчої кризи / О. О. Зеленська // Вісн. Житомир. держав. технолог. ун-ту. Сер. Економічні науки. — 2012. — № 2 (60). — С. 188—191.
11. Ильина, З. М. Продовольственная безопасность: теория, методология, практика / З. М. Ильина. — Минск: Ин-т экономики НАН Беларуси, 2007. — 230 с.
12. Клочко, В. Глобалізація та особливості сучасної економічної кризи / В. Клочко // Економіка України. — 2011. — № 9. — С. 27—37.
13. Ковалёв, Е. В. Мировой продовольственный кризис: эскалация проблем / Е. В. Ковалёв // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2010. — № 4. — С. 15—23.
14. Ковалёв, Е. В. Потенциал мировой агропродовольственной сферы: плюрализм оценок / Е. В. Ковалёв // Там же. — 2011. — № 8. — С. 3—14.
15. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml>. — Дата доступа: 21.02.2016.
16. Обминский, Э. Б. Глобальные интересы и национальный эгоизм (экономический аспект) / Э. Б. Обминский. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 304 с.
17. Пасхавер, Б. Й. Сучасний стан продовольчої безпеки / Б. Й. Пасхавер // Економіка АПК. — 2014. — № 4. — С. 5—12.
18. Пасхавер, Б. Сценарії розвитку агросфери / Б. Пасхавер // Економіка України. — 2011. — № 11. — С. 38—44.
19. Повестка дня на XXI век [принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3—14 июня 1992 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21>. — Дата доступа: 21.02.2016.
20. Проблема массовой нищеты и безработицы в развивающихся странах: док. ООН A/RES/3018(XXVII) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3018(XXVII)>. — Дата доступа: 21.02.2016.
21. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности 1996 г. [Электронный ресурс] // Випперсон. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/rimskaya-deklaratsiya-o-vsemirnoy-prodovolstvennoy-bezopasnosti>. — Дата доступа: 21.02.2016.
22. Роль АТЭС в обеспечении региональной и глобальной продовольственной безопасности исключительно важна [Электронный ресурс] // ДВ-РОСС. — 19.10.2010. — Режим доступа: <http://trud-ost.ru/?p=57344>. — Дата доступа: 21.02.2016.
23. Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. — 16.06.2009. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/61>. — Дата доступа: 21.02.2016.
24. Финальная декларация саммита «Группы двадцати» в Каннах «Построение нашего общего будущего: возобновление коллективных действий для всеобщего блага» [Электронный ресурс] // Президент России. — 03.11.2011. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1072>. — Дата доступа: 21.02.2016.
25. Чернова, Е. В. Продовольственная безопасность в системе экономических отношений / Е. В. Чернова // Известия Санкт-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов. — 2008. — № 1. — С. 17—25.
26. Brown, L. The Geopolitics of Food Scarcity / L. Brown [Electronic resource] // Spiegel Online. — 11.02.2009. — Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/world/worldwide-crisis-the-geopolitics-of-food-scarcity-a-606937.html>. — Date of access: 12.02.2016.
27. Holt-Jimenez, E. The world food crisis: what is behind it and what we can do / E. Holt-Jimenez [Electronic resource] // Hunger Notes. — 23.10.2008. — Mode of access: <http://www.worldhunger.org/holt-gimenez/>. — Date of access: 12.02.2016.
28. Report of the Conference of FAO [Electronic resource] // Food and Agriculture Organization of the United Nations. — Mode of access: <http://www.fao.org/3/a-x4041e/X4041E01.htm>. — Date of access: 12.02.2016.

Статья поступила в редакцию в марте 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 84—92.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 84—92.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИННОВАЦИОННУЮ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Татьяна Данильченко

В статье рассматриваются сущность и роль человеческого капитала и его влияние на инновационную восприимчивость экономики. Проанализированы некоторые понятия и подходы в научной литературе, раскрывающие социально-экономическое содержание категории «человеческий капитал». Дана авторская трактовка человеческого капитала с позиций экономических отношений и раскрыта внутренняя взаимосвязь и взаимообусловленность с инновационной восприимчивостью. Предложены модель, отражающая основные составляющие человеческого капитала, и факторы, его формирующие. Выделены основные элементы, определяющие инновационную восприимчивость экономики, среди которых базовым является уровень «человеческий капитал», который определяет перспективы и экономическое развитие страны.

Ключевые слова: инновационная восприимчивость экономики; инновационная политика; инновационное развитие; человеческий капитал.

«Socio-Economic Content of the Human Capital and Its Influence on the Economic Innovative Receptivity» (Tatsiana Danilchanka)

The meaning and role of the human capital and its influence on the innovative receptivity of the economy is considered in the article. Some concepts and approaches to the economic content of the human capital category are analyzed. The author gives an interpretation of the «human capital» in terms of economic relations and shows internal interconnection and interdependence between the human capital and the innovative receptivity. The human capital model is proposed. The model reflects the main components and human capital forming factors. The main elements of innovative receptivity determination are defined in the article. The human capital is shown as a basic level which determines the future and economic development of the country.

Keywords: human capital; innovative development; innovation policy; innovation receptivity of the economy.

Author:
***Danilchanka Tatsiana** — post-graduate student of the Department of Economic Policy of the Faculty of International Economic Relations, Belarusian State Economic University, e-mail: tania.min@mail.ru*
Belarusian State Economic University. Address: 26, Partizanky ave., Minsk, 220070, BELARUS

В решении задач экономического развития современного общества все более важную роль призвана играть инновационная политика государства, реализация которой приводит к повышению эффективности способов и средств осуществления конкретных социально-экономических процессов, в том числе освоения в производстве новой продукции и технологий. Инновационная политика является звеном научно-инновационного цикла: от зарождения идеи и фундаментальных исследований до практической ее реализации в конкретных инновационных продуктах и дальнейшей коммерциализации. Одним из определяющих факторов успешного завершения данного цикла является инновационная восприимчивость, проявляющаяся в профессиональной и психологической готовности субъектов экономической деятельности к восприятию, освоению и адаптации новых технологий. Ее отсутствие или недостаточность во многих случаях является главным тормозом нововведений, особенно венчурных и наукоемких. В этом плане возрастает роль знаний, умений и практического опыта, воплощенных в человеке и составляющих субстанциональную основу его человеческого капитала. Во многом от того, как будут проходить процессы расширенного воспроизводства человеческого капитала, будет зависеть скорость и глубина инно-

Автор:
Данильченко Татьяна Васильевна — аспирант кафедры экономической политики факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета, *e-mail: tania.min@mail.ru*
Белорусский государственный экономический университет. Адрес: 26, Партизанский пр., Минск, 220070, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Наумович Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы

вационных преобразований в экономике, поскольку только человек с его профессиональными и предпринимательскими способностями может обеспечить инновационность экономических процессов в обществе. Таким образом, развитие человеческого капитала и широкие возможности его эффективного применения являются необходимым условием инновационной динамики национальной экономики.

Как известно, современными западными классиками являются Нобелевские лауреаты в области экономики Т. Шульц и Г. Беккер, которые показали роль человеческого капитала в экономическом развитии. В результате проблемы человеческого капитала стали активно исследоваться в отечественной экономической науке с начала 90-х гг. XX в. Так, российские ученые внесли свой вклад в понимание формирования человеческого капитала (М. М. Критский [15]), накопления человеческого капитала в воспроизводстве (А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова [9], И. В. Ильинский [10]), конкурентоспособности человеческого капитала предприятия (В. Н. Белкин [1], С. С. Беляева [2]), роли человеческого капитала в региональном инновационном развитии (Г. А. Буданова [5]).

Различные аспекты человеческого капитала представлены работами белорусских ученых: А. В. Бондаря [3; 4], Е. В. Ванкевич [7], И. В. Корнеевец [13], С. А. Кристиневич [14]. Вместе с тем комплексные исследования, в которых рассматривается человеческий капитал в контексте инновационной восприимчивости экономики, в белорусской экономической науке до сих пор не проводились. Поэтому целью данной статьи является обоснование человеческого капитала как экономической категории и как фактора инновационной восприимчивости национальной экономики.

Анализируя эволюцию и подходы к определению социально-экономического содержания понятия «человеческий капитал», следует упомянуть представителей классической школы политической экономии (У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо). Ведь человека с его способностями к производственной деятельности стали изучать в эпоху зарождения капитализма, когда закладывался понятийный аппарат экономической теории, но концепции человеческого капитала представителями классической школы экономической теории так и не было создано. Вместе с тем их рассуждения о роли и месте человеческих способностей в общественном воспроизводстве заслуживают внимания. Во-первых, способности человека являются частью национального богатства страны. Во-вторых, производство способностей требует издержек как материальных, так и нематериальных. В-третьих, формирование способностей человека неразрывно связано с потреблением необходимых для этого ресурсов. В-четвертых, человек рассматривался элементом производительных сил общества. В этом смысле теория воспроизводства рабочей силы К. Маркса являлась продолжением развития классических представлений, ибо человек с его способностью к труду (рабочая сила) трактовался как переменный капитал, создающий прибавочную стоимость. К. Маркс придавал большое значение развитию рабочей силы, накоплению образовательного уровня, производственному опыту и затратам в свободное время для саморазвития.

В начале XX в. сформировалось устойчивое понимание того, что человек с его производственными и трудовыми способностями (по Марксу — рабочая сила) является капиталом, соответственно требует постоянных инвестиций в его развитие, т. е. в самого человека. Концепция человеческого капитала стала закономерным результатом развития экономической мысли. Общество осознало роль человека в преобразовании окружающей среды и главной производительной силы. Поэтому возникла задача — оценить творческие, трудовые и другие способности человека, их качественные и количественные характеристики.

Создание теории человеческого капитала как самостоятельной научной концепции обусловлено изменениями, произошедшими в социальной и экономической жизни общества в эпоху научно-технической революции, когда человек стал решающей силой общественного прогресса и экономического роста, наиболее ценным ресурсом современного общества. Возникла общественная потребность в создании такой теории, которая, с одной стороны, учитывала бы радикальные изменения, происходящие под воздействием научно-технической революции, а с другой — адекватно освещала бы роль человека в новых исторических реалиях и определяла бы направления рационального развития и использования его интеллектуального потенциала.

Современная теория человеческого капитала была сформулирована в 1960-х гг., когда возникла проблема создания качественно новой рабочей силы, которая отвечала бы требованиям научно-технического прогресса и была пригодна для сложного наукоемкого производства.

Формирование концепции человеческого капитала шло параллельно с изменением представления о капитале. Различные школы экономической мысли внесли свой вклад в расширение понимания и капитала, и национального богатства. Так, американский экономист И. Фишер предложил считать капиталом любой запас материальных и нематериальных благ, способный к накоплению, а его производительное использование продолжается в течение длительного периода и приносит дополнительный доход [24]. Следуя его логике, человеческие способности, знания, навыки можно признать особой формой проявления ка-

питала, которые как личное достояние человека обеспечивают конкретному индивиду более высокие доходы в будущем за счет отказа от части текущего потребления. Для формирования и накопления способностей, знаний и навыков от индивида и общества требуются значительные инвестиции, а с позиции общества — это определенный запас благ.

Наибольшую популярность теория человеческого капитала приобрела среди представителей чикагской школы экономики (основные положения изложены в трудах Т. Шульца, Г. Беккера), которая на основе принципа максимизации и выгоды индивида пытается объяснять любые экономические явления. Теоретические основы современной концепции человеческого капитала разработаны и опубликованы Т. Шульцом в статьях «Формирование капитала образования» [25] и «Инвестиции в человеческий капитал» [26]. Он уделял большое внимание образованию как фактору экономического роста и считал, что затраты в образование способствуют улучшению качества рабочей силы. Такие вложения трактуются им как инвестиции и сравниваются со стимулирующими технический прогресс ассигнованиями, направляемыми на совершенствование и повышение продуктивности средств производства. Дополнительный источник дохода, обеспечиваемый знаниями, навыками, способностями человека, был определен им как человеческий капитал.

Базовая теоретическая модель концепции человеческого капитала была изложена Г. Беккером в статье «Инвестиции в человеческий капитал» [21] и монографии «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» [20]. По его мнению, человеческий капитал — это дополнительный источник дохода, полученный за счет потребления знаний, навыков и способностей человека, т. е. это воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, формирование которых требует отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем.

Чикагская школа определяет человеческий капитал как совокупность таких приобретенных и унаследованных качеств, как уровень образования и здоровья, знаний, приобретенных на рабочем месте, и др. «Образование, — поясняет Т. Шульц, — это одна из форм человеческого капитала. Она является человеческой потому, что становится частью человека, и она капитал, поскольку представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков либо того и другого вместе» [см.: 3, с. 90].

Так как явление человеческого капитала многогранно и исследуется разными направлениями экономической науки, то, естественно, существуют различные взгляды на его социально-экономическое содержание. Мы остановимся на двух общепризнанных подходах к определению сущности человеческого капитала.

Первый подход определяет человеческий капитал как совокупность всех производительных качеств работника: например, Л. Туроу — как «способность индивидуума к производству товаров и услуг», «его производительные способности и знания» [27, p. 1, 15], Г. Боуэн — как комплекс «...из приобретенных знаний, навыков, мотивации и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг» [23, p. 362]. Классическое определение с позиций «экономикса» гласит: «человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход» [18, с. 303].

Второй подход дает так называемые инвестиционные определения человеческого капитала. «Человеческий капитал, — считает М. Блауг, — есть приведенная стоимость прошлых инвестиций в навыки людей, а не ценность людей самих по себе» [22, p. 19]. Нобелевский лауреат Г. Беккер, раскрывая содержание данного понятия, считал, что «человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах» [19, p. 1].

В западной экономической науке теория человеческого капитала внесла свой вклад в понимание, что время, потраченное индивидом на приобретение образования, является ключевым экономическим ресурсом. В результате изменилось отношение в обществе к затратам на образование, которые стали рассматриваться самостоятельным источником экономического роста наравне с капитальными вложениями.

Следует заметить, что задолго до возникновения теории человеческого капитала академик С. Г. Струмилин еще в 1920-х гг. прошлого столетия одним из первых производил подсчеты вклада образования в национальный доход и экономический рост Советского Союза [17, с. 21, 32, 45]. Собственно развитием теории человеческого капитала на постсоветском пространстве стали заниматься с 1990-х гг. В 1991 г. вышла монография М. М. Критского, в которой с позиций политической экономии человеческий капитал рассматривается как основное производственное отношение современного общества в его формальных модификациях и выделяются его превращенные формы: производственный, потребительский и интеллектуальный [15, с. 5]. И. В. Ильинский выделяет такие составляющие человеческого капитала, как капитал образования, капитал здоровья, капитал культуры [10, с. 30]. А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова понимают под человеческим капиталом

«сформированные в результате инвестиций и накопленные человеком определенный запас здоровья, знаний, навыки, способности, мотивации, которые ведут к росту квалификации работника, целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности и качеству его труда и производства и тем самым ведут к росту заработков данного человека» [9, с. 295—296].

Становление современной рыночной экономики требует использования творческих (креативных) или предпринимательских способностей человека для увеличения производительности труда и роста доходов. В контексте изучения роли человеческого капитала в развитии предприятия С. С. Беляева под человеческим капиталом понимает запас профессиональных знаний и навыков, врожденных (природных) и приобретенных (предпринимательских) способностей, мотивации, энергии и здоровья, которые использует человек в процессе своей деятельности по созданию продукции или услуг. При этом каждая из составляющих человеческого капитала носит вероятностный характер: одни присутствуют как независимые величины, другие — как условно зависимые. Например, при плохом здоровье, как правило, вряд ли человек может получить высокие профессиональные знания и приобрести навыки. Однако плохое здоровье не отразится на его общей культуре и ценностях. С. С. Беляева отмечает, что чем больше вероятностная величина каждой из составляющих, тем больше сам человеческий капитал. При этом увеличение только одной составляющей приводит к незначительному общему увеличению человеческого капитала [2, с. 120—121, 126]. Таким образом, вероятность существования высокого уровня человеческого капитала зависит как от наличия всех его составляющих, так и от высокой вероятности существования каждой из них.

Г. А. Буданова под человеческим капиталом понимает совокупность взаимозависимых характеристик человека, таких как врожденные и приобретенные способности, жизненный опыт, наличие деловых контактов, сформировавшиеся мотивы. По ее мнению, эти свойства человека образуются в результате социально-экономических отношений и используются индивидумом для максимизации личного и общественного благосостояния, воздействуют на результативность национальной экономики, а также, после ухода человека из жизни, материализуются в результатах физического и интеллектуального труда, передаются из поколения в поколение [5].

На постиндустриальной стадии развития способности человека должны реализовываться в большой степени в форме интеллектуального капитала. На наш взгляд, под интеллектуальным капиталом следует понимать сформированный за счет инвестиций и накопленный человеком определенный запас культуры и здоровья, знаний и компетенций, практического опыта и мотиваций. Он обязательно должен рационально использоваться в любой сфере общественного воспроизводства и содействовать повышению производительности и обогащению труда, а также росту личного и общественного благосостояния. В этом смысле человеческий (интеллектуальный) капитал становится социально-культурным ресурсом общества, без которого невозможна высокопроизводительная, инновационная и предпринимательская деятельность, направленная на достижение социального и научно-технический прогресса. Следовательно, человеческий капитал является движущей силой развития инновационной экономики, основанной на знаниях, и должен отвечать на вызовы современной цивилизации.

Большой вклад в изучение человеческого капитала в Республике Беларусь внесли А. В. Бондарь [3; 4], Е. В. Ванкевич [7], И. В. Корнеевец [13], С. А. Кристиневич [14]. Благодаря их исследованиям в традициях политической экономии сформировалось понимание, что человеческий капитал представляет собой совокупность социально-экономических отношений, возникающих по поводу формирования и реализации способностей к труду и предпринимательской деятельности для повышения личных доходов и общественного благосостояния. В качестве важнейших составляющих и качественных характеристик человеческий капитал включает физическое, психическое и социальное здоровье, накопленный запас знаний, профессиональную компетентность, мотивацию, инновационные способности, интеллектуальную активность, мобильность, креативность, которые формируются в процессе инвестирования в человека.

На основе анализа различных точек зрения можно дать следующее определение понятия «человеческий капитал» — это ведущий, интенсивный фактор инновационной восприимчивости экономики, представляющий собой совокупность социальных и экономических отношений, возникающих по поводу формирования и реализации способности к труду и предпринимательской деятельности на базе накопленного в результате инвестиций запаса знаний, навыков и других характеристик человека, результатом применения которых является повышение личных доходов и общественного благосостояния.

Человеческий капитал как экономическая категория обладает характерными чертами и особенностями в сравнении с другими родственными понятиями:

— человеческий капитал — важнейший фактор инновационной восприимчивости экономики, единственный фактор развития, име-

ющий почти неограниченные пределы эффективности (результативности);

— человеческий капитал как динамическая характеристика индивидума изменяется с течением времени под воздействием ряда факторов. Тем самым, человеческим капиталом можно управлять посредством соответствующих инвестиций, направляя его развитие в нужное русло;

— человеческий капитал обладает стоимостью, как и любой другой капитал, и подлежит воспроизводству, обновлению, модернизации и развитию. Основные количественные и качественные характеристики человеческого капитала — его стоимость и производительность (эффективность). Соответственно, для них на основе различных статистических баз данных можно разработать методики оценки и сопоставления, что позволит проводить сравнительный анализ в рамках государства (между областями, регионами) и между странами;

— человеческий капитал исчерпаем по ряду характеристик (здоровье, физические возможности и т. п.), но по некоторым имеет неограниченный ресурс развития (интеллектуальные способности, знания, навыки, опыт, компетенции, стимулы и т. п.). Соответственно, задача эффективного управления развитием человеческого капитала заключается в выявлении уникальных потенциальных особенностей и способностей индивидума, которые при правильном развитии и преобразовании в капитал могут создать в процессе производственно-трудовой деятельности полезный результат как для самого индивидума, так и для общества;

— природа человеческого капитала требует непрерывного воспроизводства и развития, что обусловливает необходимость постоянных инвестиций в режиме гораздо более долгого ожидания отдачи от вложенных средств по сравнению с другими видами капитальных вложений;

— человеческий капитал является интенсивным фактором экономического развития: рациональное использование, воспроизводство и непрерывное развитие человеческого капитала приводит к повышению эффективности и конкурентоспособности на всех структурных уровнях экономической системы;

— человеческий капитал является одним из определяющих факторов конкурентоспособности экономики в современных условиях ее инновационного развития [1; 3; 13; 14].

До сих пор у экономистов нет единого мнения о составе человеческого капитала. Однако следует согласиться с белорусским экономистом Е. В. Ванкевич, которая включает в состав человеческого капитала: образование и профессиональную подготовку, информированность; физиологические характеристики личности и состояние здоровья; профессиональную и географическую мобильность; психологические характеристики личности, движущие потребности, мотивацию, ценности [7]. В структуре человеческого капитала можно выделить индивидуальную и коллективную, а также общественную составляющие. На микроуровне речь идет о человеческом капитале отдельно взятого человека и группы людей, объединенных в коллектив организации, социально-культурные группы, и т. д. На макроуровне — это весь накопленный обществом человеческий капитал, который является частью национального богатства, стратегическим ресурсом и фактором экономического роста.

Исходя из оценки исследований отечественных и зарубежных ученых выделим следующие основные составляющие человеческого капитала и факторы, его формирующие (рис. 1).

По нашему мнению, в качестве одной из характеристик человека, вовлеченного в социально-экономические отношения по поводу формирования и реализации производственных и предпринимательских способностей, следует отметить его индивидуальную и коллективную восприимчивость к инновациям, которая играет важную роль в формировании инновационной восприимчивости экономики в целом.

Инновационная восприимчивость экономики определяется адекватной системой социально-экономических отношений, технико-технологическим уровнем и отраслевой структурой народнохозяйственного комплекса, состоянием системы общего и специального образования, а также уровнем фундаментальных и прикладных научных исследований. Поэтому решение проблем развития инновационно-ориентированной научно-образовательной инфраструктуры будет способствовать накоплению высокоразвитого человеческого капитала, способного воспринимать, генерировать и воплощать в жизнь инновации. Для этого необходимы желания, условия и возможности для создания (или приобретения), реализации, распространения и использования различного рода нововведений.

В свою очередь инновационная восприимчивость экономики зависит от конкретной ситуации, которая сложилась на определенных уровнях и в конкретных сферах деятельности (рис. 2).

Уровень генерации знаний. О высоком потенциале инновационного развития свидетельствует положение нашей страны в международных рейтингах. Так, по индексу знаний Республика Беларусь в последние годы поднялась с 52-го на 45-е место, по индексу экономики знаний — с 73-го на 59-е место [8].

Однако в данной области имеются и нерешенные проблемы. Так, многие НИОКР оказываются недостаточно эффективными. Ча-

Рис. 1. Основные составляющие человеческого капитала и факторы, его формирующие

Источник: собственная разработка.

Рис. 2. Основные элементы, определяющие инновационную восприимчивость экономики

Источник: собственная разработка.

сто выбор тематики исследований и разработок определялся на основе ранее достигнутых результатов и созданных заделов. Неэффективность отдельных инновационных проектов даже в рамках государственных программ обусловлена слабостью маркетинговых исследований и неправильной оценкой рыночной конъюнктуры. Еще хуже обстоят дела с внедрением результатов НИОКР в производство. Отсутствует апробированная на западе практика создания проектных команд, способных на основе инновационных разработок выстроить успешную модель существующего бизнеса или создать новую организацию для участия в конкурентной борьбе за внутренний и/или международный рынок. К сожалению, большая часть технических решений, разрабатываемых белорусскими субъектами, относится к IV и более низким технологическим укладам. Присутствует разрозненность в проведении НИОКР, что не позволяет предложить комплексные разработки инновационных проектов государственного масштаба.

Значительная часть НИОКР предполагает создание и замещение зарубежных аналогов технологий и образцов техники. Мировой же опыт показывает, что приобретение и модификация уже имеющегося на рынке продукта/технологии выгоднее, чем его самостоятельная разработка и организация его производства, за исключением вопросов национальной безопасности и критически важных технологий [11].

Уровень освоения новшеств и знаний. Страны, которые не обладают собственной мощной научной системой, сделали упор в своем инновационном рывке на импортные знания и технологии, после чего развивали фундаментальную науку. Известно популярное в Японии высказывание конца XX в.: «Мы теперь достаточно богаты, чтобы развивать свою фундаментальную науку». Таким образом, в плане освоения новшеств страна не должна замыкаться в своих границах. Необходимо постоянно изучать рынок инноваций и при обнаружении новшеств, которые важны и необходимы, внедрять их на предприятиях страны. Для этого должна быть создана эффективная инновационная инфраструктура. Существует западный опыт создания технопарков при каждом вузе и НИИ. Так, по состоянию на 1 декабря 2014 г., в качестве субъектов инновационной инфраструктуры в Республике Беларусь зарегистрировано всего 14 юридических лиц — 12 технопарков и 2 центра трансфера технологий в Витебске и Гомеле, что не соответствует потребностям инновационного развития [11]. Существует необходимость создания коллективных технопарков и лабораторий в системе образования, науки и крупных субъектов хозяйствования.

Уровень сферы производства. В Республике Беларусь реализуется Программа развития промышленного комплекса на период до 2020 года, предусматривающая создание условий для обеспечения устойчивой динамики промышленного производства, модернизации и наращивания производственных мощностей. За период реализации указанной программы выполнено большинство запланированных прогнозных показателей. В то же время отмечается отставание от намеченных целевых значений по показателям эффективности, платежеспособности, формирования научно-производственного потенциала, что не позволило перейти к преимущественно инновационному типу развития промышленности, выйти большинству промышленных организаций на самостоятельное расширенное воспроизводство капитала. Самой важной нере-

шенной проблемой остается низкая производительность труда (по добавленной стоимости): по данному показателю в обрабатывающей промышленности Республика Беларусь более чем в 4 раза отстает от ЕС-27 [12], что отражает низкий уровень конкурентоспособности отечественной продукции на зарубежных рынках. При объеме годового ВВП на уровне 70—80 млрд дол. США ощущается нехватка средств на техническое перевооружение традиционных секторов экономики и на создание новых наукоемких производств. Следовательно, недостаток внутренних инвестиционных ресурсов (и дороговизна заемного капитала) для создания новых и модернизации действующих производств является главным сдерживающим фактором инновационного развития Республики Беларусь [6].

Уровень финансовой поддержки. Как уже отмечалось выше, проблемными вопросами инновационного развития являются низкий уровень бюджетного финансирования перспективных проектов государственных программ и отсутствие единого механизма координации и контроля. Часто средства инновационных фондов направляются не на внедрение инновационных разработок, а на техническое перевооружение производства за счет закупки оборудования. С другой стороны, средства инновационных фондов не осваиваются в полной мере. К сожалению, доля бюджетного финансирования науки остается в пределах 0,25—0,3 % и чрезвычайно мала по сравнению с другими, даже не самыми передовыми странами. Фактически не используются прямые иностранные инвестиции, кредиты банков, собственные средства предприятий для внедрения инновационных проектов.

Уровень стратегического планирования и управления. Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы определено реализовать проекты по следующим направлениям: машиностроение, станкостроение, металлургия, радиоэлектроника и телекоммуникации, микроэлектроника, растениеводство и животноводство, переработка сельскохозяйственной продукции, контроль безопасности сельскохозяйственной продукции, лечение и диагностика заболеваний, микробиология и фармацевтика, атомная энергетика, использование местных и возобновляемых источников энергии, создание торгово- и транспортно-логистической инфраструктуры, лесохимия, производство удобрений, нефтехимия [11]. Это приведет к распылению ограниченных финансовых ресурсов и государственных, и корпоративных структур. На наш взгляд, было бы целесообразно определить несколько приоритетных направлений развития, сконцентрировав на них ограниченные ресурсы, не пересматривая каждую пятилетку приоритеты. Например, такая крупная страна, как Канада, имеет всего три приоритета (агро- и биотехнологии, информатизация и космос), но добивается в них действительно лидерских позиций. К сожалению, приходится констатировать, что со стороны реального сектора экономики практически отсутствует спрос на инновационную продукцию, очень слабая восприимчивость к нововведениям, недостаточная кооперация с разработчиками инноваций. Низкая инновационная активность белорусских предприятий обусловлена неэффективной системой управления бизнес-процессами и условиями финансирования внедрения инноваций.

Уровень человеческого капитала. Этот уровень самый важный, базисный, поскольку определяет перспективу и потенциал всех коллективов снизу доверху. Активы человеческого капитала формируются инвестициями в человека, т. е. государственными и частными расходами на науку, образование и здравоохранение. Данные активы выражаются в показателях средней продолжительности жизни населения, уровня его образования и реального ВВП на душу населения, которые агрегируются в обобщающий «индекс развития человеческого потенциала». И отдельные показатели, и сам индекс активно используются ООН и Всемирным банком для сопоставления уровня развития. Индекс развития человеческого потенциала удачная попытка определить вклад человеческого капитала в экономический рост отдельной страны с тем, чтобы экономическое «развитие служило людям, а не люди — развитию». Эта идея присутствовала в докладе Организации экономического сотрудничества и развития о человеческом капитале еще в 1998 г., в котором утверждалось, что концепция человеческого капитала убедительно подчеркивает роль и значение человека в экономике, основанной на знаниях и компетенциях. Согласно Докладу ПРООН о человеческом развитии, Республика Беларусь по индексу человеческого развития среди 188 стран мира с 68-го места в 2000 г. переместилась на 50-е место в 2015 г. Однако постоянное повышение требований инновационной экономики к уровню знаний и компетенций требует кардинального увеличения образовательного потенциала, особенно на уровне профессиональной подготовки, должного поощрения и престижа квалифицированного труда [16].

Роль знаний имеет особое значение в поиске новых идей и практических приемов деятельности в условиях быстро меняющейся экономической среды. Не случайно многие исследователи связывают концепцию новой экономики с «обучающейся экономикой», где способности сетей, организаций и индивидумов обучаться, меняться и применять знания на основе компетентностного подхода приобретают качественно новое значение для обеспечения высокой восприимчивости экономики к инновациям.

Таким образом, человеческий капитал вносит существенный вклад в экономический рост Республики Беларусь, которая выбрала инновационный путь развития. Для этого необходимо целенаправленно формировать инновационную восприимчивость экономики, основным двигателем которой был и остается человеческий капитал на всех уровнях. Инвестиции в человеческий капитал, а, соответственно, и прежде всего, в социальную сферу — образование, здравоохранение, науку, культуру, хотя и не дают быстрой отдачи как капитальные вложения в реальный сектор экономии, но формируют инновационную восприимчивость общественного производства, обеспечивают долгосрочный эффект сбалансированного социально-экономического развития, повышение благосостояния и способствуют формированию положительного имиджа Беларуси.

Список использованных источников

1. Белкин, В. Н. Формирование конкурентоспособного человеческого капитала предприятия / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, Л. Б. Владыкина. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. — 132 с.
2. Беляева, С. С. Роль человеческого капитала в развитии предприятия / С. С. Беляева // Креативная экономика. — 2008. — № 10 (22). — С. 120—127.
3. Бондарь, А. В. Знания как экономический ресурс и объект управления в постиндустриальном обществе / А. В. Бондарь, К. Н. Жукова // Белорус. экон. журн. — 2013. — № 1. — С. 88—101.
4. Бондарь, А. В. Императивы социально-экономического развития Республики Беларусь в среднесрочной перспективе / А. В. Бондарь // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21—22 мая 2015 г.). В 2 т. Т. 1 / редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГЭУ, 2015. — С. 59—61.
5. Буданова, Г. А. Формирование человеческого капитала в регионе — главный фактор создания инновационной экономики / Г. А. Буданова [Электронный ресурс] // Издательский дом «Библио-глобус». — 2009. — Режим доступа: <http://bgscience.ru/lib/10619/>. — Дата доступа: 12.12.2016.
6. Валовой внутренний продукт [Электронный ресурс] // MYFIN.by. — Режим доступа: <http://myfin.by/info/valovoj-vnutrennij-produkt>. — Дата доступа: 10.11.2016.
7. Ванкевич, Е. В. Социальный стандарт как способ повышения эффективности использования человеческого капитала на микроуровне / Е. В. Ванкевич // Проблемы модернизации экономик Беларуси и России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24—25 марта 2005 г.) / редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГЭУ, 2005. — С. 447—448.
8. В ГКНТ рассмотрели итоги работы в 2012 году и обсудили планы на 2013 год [Электронный ресурс] // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. — 31.03.2013. — Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/news/------2012------2013-/>. — Дата доступа: 24.10.2016.
9. Добрынин, А. И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999. — 309 с.
10. Ильинский, И. В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве / И. В. Ильинский. — СПб.: СПбУЭФ, 1996. — 156 с.
11. Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы [Электронный ресурс] // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2/>. — Дата доступа: 14.11.2016.
12. Концепция Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Респулики Беларусь. — Минск, 2012. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/nfiles/001938_612469_Koncepc.doc>. — Дата доступа 12.11.2016.
13. Корнеевец, И. В. Человеческий капитал: проблемы формирования, накопления и использования / И. В. Корнеевец; под общ. науч. ред. проф. А. В. Бондаря. — Минск: БГЭУ, 2008. — 223 с.
14. Кристиневич, С. А. Институциональные условия воспроизводства человеческого капитала в инновационной экономике / С. А. Кристиневич, С. А. Омельянюк. — Брест: Изд-во БрГТУ, 2008. — 152 с.
15. Критский, М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. — Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. — 120 с.
16. Программа развития ООН: индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии: информационно-аналитический портал. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285>. — Дата доступа: 24.10.2016.
17. Струмилин, С. Г. Хозяйственное значение народного образования / С. Г. Струмилин. — М.; Л.: Экон. жизнь, 1924. — 63 с.
18. Фишер, С. Экономикс: учебник / С. Фишер, Р. Дорнбуш, К. Шмалензи. — М.: Дело, 1993. — 764 с.
19. Becker, G. S. Human Capital: a Theoretical and Empirical Analysis / G. S. Becker. — N.Y.: National Bureau of Economic Research, Columbia University Press 1964. — 187 p.
20. Becker, G. S. Human Capital: a Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Second Edition / G. S. Becker. — New York: National Bureau of Economic Research, Columbia University Press, 1975. — 615 p.
21. Becker, G. S. Investment in Human Capital: a Theoretical Analysis / G. S. Becker // Journal of Political Economy. — 1962. — Vol. 70, N 5. — P. 9—49.
22. Blaug, M. An Introduction to the Economics of Education / M. Blaug. — London: Allen Lane, 1970. — 363 p.
23. Bowen, H. Investment in Learning / H. Bowen. — San-Francisco: Jossey-Bass, 1977. — 507 s.
24. Fisher, I. Nature of Capital and Income / I. Fisher. — London: Macmillan & Co., 1927. — 145 p.
25. Schultz, T. W. Capital Formation by Education / T. W. Schultz // Journal of Political Economy. — 1960. — Vol. 68, N 6. — P. 571—583.
26. Schultz, T. W. Investment in Human Capital / T. W. Schultz // The American Economic Review. — 1961. — N 1. — P. 38—56.
27. Thurow, L. Investment in Human Capital / L. Thurow. — Belmont, 1970. — 351 p.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3-4 (78-79). С. 93—103.
Journal of International Law and International Relations. 2016. N 3-4 (78-79). P. 93—103.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Виктория Дедок

В статье рассмотрены ключевые тенденции развития международной гостиничной индустрии в условиях глобализации мировой экономики: глобализация и концентрация гостиничного бизнеса (создание международных гостиничных сетей, слияние крупных гостиничных корпораций, объединение независимых отелей в гостиничные консорциумы); развитие компаний, построенных на принципах экономики совместного потребления (Airbnb, Homeaway и др.); активное развитие доли рынка арендного жилья; персонификация обслуживания; широкое внедрение новых средств коммуникации и информационных технологий, позволяющее проводить глубокую и системную экономическую диагностику; введение новых технологий в деловую стратегию гостиничных предприятий, а также внедрение в деятельность гостиничных предприятий инновационных методов управления. Автором представлен обзор современного состояния гостиничного сектора Республики Беларусь в контексте ведущих тенденций развития международного гостиничного сектора, а также обозначены основные пути повышения международной конкурентоспособности отечественного гостиничного сектора с учетом слияния гостиничных сетей и дальнейшего развития компаний, построенных по принципу экономики совместного потребления на международном уровне.

Ключевые слова: альтернативные средства размещения; глобализация гостиничного бизнеса; гостиничный консорциум; гостиничный сектор; международная конкуренция; персонификация обслуживания; слияние гостиничных корпораций; экономика совместного потребления.

«Key Trends of the International Hotel Industry Development within the Context of Globalization» (Viktoria Dedok)

The article deals with the overview of key trends in the international hotel industry development within the context of globalization of the world economy: globalization and concentration of the hotel business (establishment of international hotel chains, large hotel companies merge with each other, association of independent hotels in the hotel consortia); sharing economy development (Airbnb, Homeaway, et al.); active development of the rental market share; personification of services; widespread introduction of new means of communication and information technologies allowing to carry out deep and systemic economic diagnostics; introduction of new technologies in the business strategy of the hotel enterprises, as well as the establishment of innovative mechanism practicies. The author presents an overview of the current state of the hotel sector of the Republic of Belarus in the context of key trends in the international hotel sector development, and outlines the main ways to enhance the international competitiveness of the domestic hotel sector, taking into account merging of hotel chains and the further sharing economy development at the international level.

Keywords: alternative means of accommodation; globalization of the hotel industry; hotel chains' merger; hotel consortium; hotel sector; international competition; personification of services; sharing economy.

Author:
***Dedok Viktoria** — post-graduate student of the Department of International Economic Relationbs of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com*
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

В последние годы туризм стал одним из самых прибыльных видов бизнеса в глобальном масштабе. Туристическая деятельность использует примерно 7 % мирового капитала. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям за 2015 г., вклад туризма в мировую экономику составил 7,2 трлн дол. США, на его долю приходится 9,8 % мирового ВВП.

Автор:
Дедок Виктория Михайловна — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com*
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр-т Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:
Давыденко Леонид Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Руденков Владимир Михайлович — кандидат экономических наук, доктор технических наук, профессор кафедры организации и управления факультета менеджмента Белорусского государственного экономического университета

По данному показателю он опережает производство химических материалов (8,6 %), сельское хозяйство (8,5 %), образование (8,4 %), автомобильное производство (7,0 %) и банковские услуги (5,9 %) [31, p. 3]. На долю туристического сектора приходится 11 % мировых потребительских расходов, 5 % налоговых поступлений. В туристическом секторе занято около 284 млн человек (каждое 11-е рабочее место) [28, с. 42].

На протяжении шести последних лет наблюдается положительная динамика роста туристической отрасли. По прогнозам экспертов, эта тенденция сохранится, демонстрируя ежегодный прирост в размере 4 % [42, p. 3]. Как отмечают некоторые исследователи, динамика развития туризма сохраняла тенденцию роста даже в периоды мировых экономических кризисов, и его роль в современном постиндустриальном обществе постоянно возрастает. При этом состояние национального туризма можно назвать одним из основных индикаторов качества жизни населения [29, с. 28].

В мировой практике туризм рассматривается как многоуровневая система. Экономические процессы, происходящие в этой системе, изучаются на мегауровне (мировая экономика), макроуровне (национальная экономика), мезоуровне (региональная экономика туристических дестинаций), микроуровне (предприятия туриндустрии) [29, с. 12].

Туристическая индустрия очень специфическая и многогранная сфера экономической деятельности, объединяющая организации, производящие как материальные, так и нематериальные продукты (услуги).

Ключевая услуга, оказываемая путешественникам, находящимся в дороге более суток, — это предоставление места для ночлега и отдыха в средств размещения разного типа (гостиница, хостел, пансионат и т. п.).

Сегодня в мире насчитывается более 500 тыс. гостиниц и аналогичных средств размещения с номерным фондом более 22 млн единиц [36; 43]. Ежегодный прирост гостиничных мест в мире за последние 20 лет в среднем составляет 3—4 %, что свидетельствует о значительной динамике роста средств размещения туристов. Вместе с тем стоит отметить, что современные условия хозяйствования в мировом гостиничном секторе характеризуются усилением конкурентной борьбы, которая в свою очередь обусловлена процессами глобализации и концентрации гостиничного бизнеса, широким внедрением новых технологий в деловую стратегию предприятий индустрии и гостеприимства, активным ростом и развитием сектора арендного жилья, в целом подверженных влиянию внешнеэкономических, международных и политических факторов.

Цель данной статьи заключается в определении и исследовании ведущих тенденций развития международного гостиничного сектора, а также гостиничного сектора Республики Беларусь в условиях глобализации.

Процессы глобализации и экономическое соперничество на международном туристическом рынке подталкивают его участников к постоянному отслеживанию информации о современных тенденциях развития мировой индустрии туризма и гостеприимства в целях разработки эффективной стратегии развития и укрепления конкурентоспособности предприятий. Исследованию данной проблематики посвящены научные публикации многочисленных как зарубежных (А. Александрова [1], Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз [11], С. Медлик, Х. Инграм [12], С. Скобкин [19], А. Чудновский [26], К. Щетинина [27] и др.), так и белорусских авторов (Л. Гайдукевич [3], О. Ефимова [6], Н. Кабушкин, Г. Бондаренко [8], Е. Кириенко, Д. Решетников, А. Тарасёнок [9] и др.).

В последнее десятилетие тенденция глобализации и концентрации гостиничного бизнеса в международной практике проявлялась через создание гостиничных сетей. Предприятия индустрии гостеприимства, объединяясь в крупные хозяйственные комплексы, преодолевали рамки отдельных государств, вовлекая их тем самым в сложный процесс глобализации, а также явились причиной:

— утверждения и распространения международных стандартов гостиничного обслуживания во всем мире;

— использования передового научно-технического, технологического и квалификационного опыта при его внедрении в кратчайшие сроки и при относительно невысоких затратах;

— повышения производительности труда в результате рационализации производства на глобальном уровне, а также конкурентного давления в пользу непрерывного внедрения инноваций в мировом масштабе;

— более эффективного распределения средств и ресурсов.

В настоящее время в мире насчитывается более 300 гостиничных сетей, на долю которых приходится около 10 млн номеров, что составляет 44 % мирового номерного фонда [43]. Выручка таких гигантов мирового гостиничного бизнеса, как *Holiday Inn, Sheraton, Marriott, Hilton, Hyatt,* составляет миллиарды долларов [40].

Наибольший доход в 2015 г. отмечался у компании *IHG* (табл. 1), который на 10 млрд дол. США превышал доход основного конкурента — компании *Marriott International.* Наименьший доход отмечался у компании *Choice Hotels International* (США) — 860 млн дол. США. Но вместе с тем *Choice Hotels International* имеет 6376 отелей (по данным на 2015 г.), что на около 1500 отелей больше, чем у *IHG* [40].

В группе отелей *IHG* значительная доля принадлежит брендам *Holiday Inn Express* и *Holiday Inn*, которые насчитывают в своем со-

Таблица 1

Доходы основных мировых гостиничных цепей в 2015 г.

Гостиничная цепь	Доход, млрд дол. США
IHG (Великобритания)	24,0
Marriott International (США)	14,5
Hilton Worldwide (США)	11,27
Accor (Франция)	6,1
Starwood Hotels&Resorts (США)	5,76
Wyndham Hotel Group (США)	5,54
Hyatt Hotels (США)	4,33
Shangri-La Asia (Гонконг, КНР)	2,12
The Rezidor Hotel Group (Бельгия)	1,09
Home Inns (КНР)	1,03
Choice Hotels International (США)	0,86

Источник: составлено автором по данным [40].

ставе 2425 и 1226 отелей соответственно. В состав *IHG* входят такие бренды, как *Crowne Plaza, Candlewood Suites, Hotel Indigo*. Несмотря на то, что *IHG* является британской компанией, основной доход приходит из отелей, расположенных в Америке. Бренды этой сети получили большую популярность в США, что подтверждается показателем *Customer Satisfaction Index*, равным 76 из 100 [40].

Отличительным событием в рамках данной тенденции следует назвать слияние крупных гостиничных корпораций между собой — сделка по слиянию *Marriott International с Starwood Hotels&Resorts*, сумма которой составляет 13,6 млрд дол. США и завершение запланировано на конец 2016 г. [5].

После слияния новая компания станет крупнейшей гостиничной сетью в мире с общей капитализацией 36 млрд дол. США и совокупным «портфелем» в 1,1 млн номеров в около 5500 отелях в 110 странах под 38 брендами, среди которых *Marriott, Ritz-Carlton, Renaissance, Sheraton* и *Le Meridien*. Нынешние лидеры рынка — британская *InterContinental Hotels Group* (4700 отелей на 674 000 номеров) и американская *Wyndham Hotel Group* (7670 отелей на 667 000 номеров) [5; 20].

К числу основных преимуществ руководство *Marriott International* относит экономию на издержках в размере около 200 млн дол. США в течение двух лет [5]. К прочим преимуществам данной сделки следует отнести сокращение накладных расходов за счет эффекта масштаба, увеличение доли рынка и возможность конкурировать с провайдерами арендного жилья, высвобождение значительных финансовых и временных ресурсов, затрачиваемых на удержание позиции на рынке через обеспечение роста продаж, маркетинга и продвижения, поддержания цифровой архитектуры и платформ бронирования. Эти изменения предоставляют возможность увеличения дохода на номер и средней стоимости номера, что является результатом роста доходов отелей.

Вместе с тем существует ряд проблем в данной ситуации. По мнению множества компаний в сфере корпоративных путешествий, слияние *Marriott — Starwood* усложнит и без того непростой климат переговоров о ценах. В начале 2016 г. Центр гостеприимства и туризма им. Тиша факультета профессиональных исследований Нью-Йоркского университета опубликовал анализ, в котором отмечалось, что в 2016 г. произойдет самый большой рост гостиничных цен за последние 30 лет. Для менеджеров по туризму работа с корпоративными клиентами в принципе сложный рынок, а слияние сделает работу корпоративных менеджеров по туризму еще сложнее. Во время недавних квартальных отчетов о доходах представители *Marriott* уже обозначили инициативу по уменьшению усилий в корпоративном сегменте в пользу более доходных розничных продаж. Дело в том, что отели *Marriott* платят меньшую комиссию, чем *Starwood*. По мнению специалистов, велика вероятность, что данная практика будет перенята отелями *Starwood*. Туристические компании, которые зависят от гостиничных комиссионных вознаграждений, должны будут решить, каким образом им зарабатывать в новых условиях или как начинать менять стоимость бронирования для отелей *Starwood* и *Marriott* [25].

Не менее волнующим в сотрудничестве с корпоративными клиентами в настоящее время является вопрос, касающийся объединения программ лояльности. *Marriott* планирует совместить программы бонусов для клиентов *Starwood Preferred Guest* и *Marriott Rewards*, взяв лучшее от каждой из них [25]. Это может быть хорошо для клиентов, которые могут заработать больше баллов в большем количестве гостиниц, однако плохо для менеджеров по туризму, пытающихся удержать работников в программе. Желание зарабатывать баллы, несмотря на небольшое комиссионное вознаграждение, может превалировать над необходимостью продавать более выгодные с точки зрения комиссии отели.

Не стоит также забывать про возможные риски, связанные, в первую очередь, с разными культурными особенностями сотрудников, работающих в отелях компании в разных странах. По мнению исследователей *Ernst&Young,* около 85 % неудачных слияний компаний связано с неучетом разницы в культуре персонала, требующей дифференцированного подхода в управлении и разработке глобальной стратегии развития компании [34, p. 10].

По мнению автора, слияние *Marriott — Starwood* может вызвать дальнейшую консолидацию внутри индустрии, учитывая, что отели *Hilton, IHG* и *Hyatt* потенциально стремятся к усилению своих позиций. В международных СМИ представлена информация о готовности оператора *AccorHotels* сделал заявление о приобретении трех престижных гостиничных брендов: *Swissotel, Fairmont* и *Raffles*, что приведет к лидерской позиции операторов отелей люксового сегмента [10].

Можно предположить, что одной из причин подобных сделок является высокая конкуренция со стороны компаний, построенных на принципах экономики совместного потребления (*Airbnb, Inc.; Couchsurfing International, Inc.; HomeAway, Inc.* и др.), активное развитие которых в современной практике международного гостиничного бизнеса определяет устойчивую тенденцию быстрых темпов роста доли рынка арендного жилья в мировой индустрии гостеприимства. (Экономика совместного потребления (*sharing economy*) представляет собой систему, в которой частные лица делятся друг с другом активами (т. е. имуществом, а также индивидуальными услугами) бесплатно или за определенную символическую плату. Контакт между участниками операции, как правило, устанавливается через сеть Интернет [41].) Иногда потребителям удобнее платить за временный доступ к продукту или услуге, чем владеть ими, так как это позволяет сэкономить деньги, время и пространство.

Принимая во внимание тот факт, что в 2014 г. аналитики *PricewaterhouseCoopers* оценивали объем мирового рынка совместного потребления в 15 млрд дол. США, а к 2025 г., по их прогнозам, он вырастет до 335 млрд дол. [21], очевиден мощный потенциал развития данного направления и его давление на существующий рынок в будущем.

Динамичный рост равноправно и совместно используемых платформ *Airbnb, Inc., Couchsurfing International, Inc., HomeAway, Inc.* изменяет глобальный рынок гостиничных услуг и предоставляет путешественникам новые варианты размещения (табл. 2).

К основным преимуществам подобных компаний, построенных на принципах экономики совместного потребления, следует отметить:

— яркие впечатления и уникальный опыт проживания в местах, отличных от отелей; в настоящее время на сайте *Airbnb*, например, кроме домов и квартир представлена возможность забронировать иные варианты проживания (пивная бочка в Германии, мельница в Португалии, часовая башня в Великобритании, корабль во Франции, шатер в Израиле, дом в форме ботинка в Новой Зеландии и целый остров на Фиджи);

— как правило, более низкая стоимость услуг за проживание по сравнению с отелями (*Airbnb, HomeAway*) либо отсутствие оплаты, так как акцент сделан на обмен опытом (*Couchsurfing*);

— удобная система бронирования;

— предоставление свободы выбора и перемещения независимо от месторасположения средств размещения;

— доверие, построенное на основании комментариев, отзывов, оценок, оставленных предыдущими гостями, что обеспечивает высокий уровень уверенности при выборе;

— гостям предоставлена возможность понять, за что они платят: сумма, выставленная к оплате, расшифрована по категориям: аренда квартиры, уборка и комиссия. Данная практика исключена в гостиничной индустрии.

К основным недостаткам следует отнести вопросы, касающиеся защиты прав потребителей, соблюдения мер безопасности, а также неуплаты налоговых обязательств.

Проведенный автором анализ свидетельствует, что, по результатам международных исследований, 7 % опрошенных отмечают, что во время путешествий пользовались сайтами по аренде частных средств размещения; еще 8 % готовы рассматривать такую возможность в будущем [35, p. 9].

В рамках платформ экономики совместного потребления приняты различные модели деловой деятельности, некоторые из которых почти полностью имитируют традиционные виды коммерческой деятельности, в то время как другие обращаются к чувству принадлежности к коллективу пользователей.

Компания *Airbnb*, являясь лидером среди участников рынка, предлагающих услуги по краткосрочной аренде помещений по всему миру, может предложить более 2 млн вариантов размещения в 34 000 городах мира (более 190 стран). В 2013 г. выручка *Airbnb* составила 250 млн дол. США; к 2020 г. доходы компании составят 10 млрд дол. США, считают аналитики [23].

Согласно новому исследованию *CBRE Hotels' Americas Research*, с октября 2014 по сентябрь 2015 г. американские путешественники потратили на *Airbnb* 2,4 млрд дол. США. Это всего лишь 1,7 % от 141 млрд дол. США, заработанных отелями, но, тем не менее, значительный скачок по сравнению с показателями за тот же период предыдущего года. Больше половины из этих 2,4 млрд дол. были потрачены в пяти американских городах — Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Майами и Бостоне [16].

Таблица 2

Экономика совместного потребления в секторе средств размещения

Платформа	Описание	Количество пользователей	Годовой оборот	Стоимость	Охват территории
Airbnb	Онлайн-площадка для размещения, поиска и краткосрочной аренды помещений по всему миру; источник получения дохода — удержание комиссионного вознаграждения посредством уплаты сервисного сбора владельцами жилья и путешественниками. Год основания: 2008	Около 2 млн зарегистрированных средств размещения; более 60 млн пользователей по всему миру	250 млн дол. США в 2013 г.; 900 млн дол. США в 2015 г.; 10 млрд дол. США в 2020 г.	25,5 млрд дол. США в 2013 г.; более 30,0 млрд дол. США в 2016 г.	34 000 городов, 191 страна
HomeAway	Платформа по аренде жилья на время отпуска; источник получения дохода — платежи за регистрацию, взимаемые с владельцев жилья. Во владении данной компании находятся платформа *Bookabach* и *VRBO*. Год основания: 2005	Более 1,2 млн зарегистрированных средств размещения	346,5 млн дол. в 2013 г.; 446,8 млн дол. в 2014 г. (рост 28,9 %)	3 млрд дол. США (по данным на февраль 2015 г.)	190 стран
Couchsurfing International	Платформа, организованная по принципу социальной сети для предоставления услуг по обмену жильем или услуг по проживанию на безвозмездной основе. Источник дохода — некоммерческая организация. Год основания: 2004	Около 10 млн зарегистрированных пользователей	—	—	Более 200 000 городов

Источник: составлено автором по данным [39].

Распределение количества зарегистрированных в *Airbnb* объектов по городам мира представлено в табл. 3.

Рост популярности бронирования услуг через *Airbnb* наблюдается по всему миру. Так, в 2015 г. самый большой прирост количества бронирований через *Airbnb* зафиксирован в гг. Осаке, Япония (+7000 %); Бангкоке, Таиланд (+1230 %); Куала-Лумпуре, Малайзия (+1200 %); Бордо, Франция (+960 %); Афинах, Греция (+800 %); Севилье, Испания (+770 %); Гамбурге, Германия (+415 %) [32].

Российский бизнес *Airbnb* в 2015 г. вырос более чем в 2 раза: Москва вошла в первые 10 городов по количеству бронирований через этот сервис [2].

В летний период 2016 г. *Airbnb* добилась большого успеха в Португалии (+76 %) [30], во Франции (+86 %), а также в Италии, Испании и Великобритании; она позволила разместиться в Европе 16 млн туристов, что на 74 % больше, чем в 2015 г. [24].

Стремительное развитие и экспансия *Airbnb* вызывает неоднозначную реакцию у регулирующих органов многих стран, в том числе в самой Америке.

По мнению многих экспертов, деятельность *Airbnb* на рынке ведет к росту цен на недвижимость, а также позволяет ее владельцам уклоняться от налогов. Согласно исследованиям, 30 % доходов с сентября 2014 г. по сентябрь 2015 г. на 12 рынках (включая Нью-Йорк и Сан-Франциско) поступили от операторов, арендующих жилье круглогодично. А среди тех, кто сдавал свои апартаменты через *Airbnb*, всего лишь 17 % — хозяева этих апартаментов. Соответственно, большая часть контента *Airbnb* — это нелегальные отели [2].

В некоторых странах, например Исландии, Германии, Франции, даже приняты ограничительные меры на законодательном уровне. В декабре 2015 г. городской совет Барселоны оштрафовал сайты *Airbnb* и *Homeaway* на 60 тыс. евро каждый за «незаконную рекламу

Таблица 3

Ведущие города мира по количеству объектов для проживания в системе *Airbnb* в 2016 г.

Город	Количество объектов для проживания, ед.
Париж	78 000
Лондон	47 000
Нью-Йорк	46 000
Рио-де-Жанейро	33 000
Лос-Анджелес	26 000
Барселона	23 000
Рим	23 000
Копенгаген	20 000
Сидней	20 000
Амстердам	17 000

И с т о ч н и к: составлено автором по данным [38].

туристического жилья». На сайте *Airbnb* были обнаружены также 1891 квартира, дом и апартамент, не имеющие специального разрешения на сдачу в аренду; а на сайте *Homeaway* было найдено 3929 таких предложений [2].

Показатель средней стоимости комнаты, проданной через систему *Airbnb* в Нью-Йорке, на 40 % ниже средней стоимости номера в отелях города. В Лос-Анджелесе разница в данном показателе составляет 5 % в пользу *Airbnb*. Показатель средней стоимости комнаты, проданной через систему *Airbnb* в США, в 2015 г. составил 80,67 дол. США. Вместе с тем анализ показывает, что арендные цены этого сервиса далеко не так дешевы, как это рекламируется. Порой они превышают тарифы сетевых отелей.

Летом 2016 г. *Airbnb* заявила о создании *Samara* — дизайн-лаборатории, которая займется строительством сети коммьюнити-центров. Первый из них появится в пос. Йосино в Японии. В доме, построенном по концепту дизайнеров *Airbnb*, разместятся выставка, центр для туристов, места для ночлега. Для компании это не отель, а площадка для встречи местных жителей и путешественников [21]. В ноябре 2016 г. стало известно, что компания запускает журнал о путешествиях, призванный вдохновлять читателей на новые путешествия.

Таким образом, масштабность (квартиры, дома, виллы, замки и т. д.) и многонаправленность (услуги по аренде жилья, строительство коммьюнити-центров, издание журнала о путешествиях) деятельности компании *Airbnb* свидетельствуют об успехе модели краткосрочной аренды жилья по всему миру, построенной на принципах экономики совместного потребления. Не владея ни одним отелем, она стоит дороже сетей *Hilton* и *Marriott* (капитализация 23,9 и 18,8 млрд дол. США соответственно) [21]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что рост экономики совместного потребления в геометрической прогрессии оказывает давление на существующие туристические комплексы разных стран.

По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, органам государственного управлениям следует приступить к переосмыслению действующих законов с тем, чтобы включать в них элементы экономики совместного потребления, которые четко не вписываются в существующие нормативы, и исследовать последствия, которые они могут нести для сферы налогообложения. Принимая новые вызовы, правительствам необходимо найти способ стимулирования инноваций, одновременно поддерживая расширение и развитие туризма в целом [39, p. 89].

В условиях глобализации и острой конкуренции на рынке гостиничных услуг независимые отели объединяются в гостиничные консорциумы, что позволяет им получать доступ к услугам, ранее считавшимся привилегией интегрированных гостиничных цепей (проведение маркетинговых исследований; осуществление закупок; получение доступа к современным информационным технологиям и др.), и при этом остаются самостоятельными в правовом и экономическом отношениях.

Концепция гостиничного консорциума в последние годы стала очень популярной, и число консорциумов в мире значительно возросло. Самый крупный гостиничный консорциум в мире — американская цепь *Best Western International*, насчитывающая 3350 гостиниц и 270 000 номеров. В Европе Франция является самым большим владельцем гостиничных консорциумов: 20 консорциумов разного объема составляют четверть всех отелей страны. Самый крупный из них *Logis de France* обеспечивает 60 % общего количества предложений номеров в стране и объединяет почти 70 % всех отелей — членов консорциумов страны. В Великобритании объединенные в консорциумы гостиницы обеспечивают 60 % общего предложения гостиничных номеров, т. е. четвертую часть рынка [18].

Принимая во внимание тот факт, что цепей независимых гостиниц меньше, чем корпоративных, и они не столь устойчивы, условия вступления гостиницы в консорциум становятся во многом определяющим фактором развития данной тенденции. Если в консорциуме *Logis de France* ежегодный взнос составляет всего 205 дол., а число членов превышает 3,7 тыс., то в германскую цепь *SRS-Hotels Steigenberger*, где требуется выплачивать от 18 до 48 тыс. дол. в год, входит лишь 350 отелей [1, с. 390].

Ожидается сохранение тенденции роста числа гостиничных консорциумов в мире, а также их стремление к качественному изменению через дифференцирование услуг, закреплению и усилению нишевого подхода, диверсификации предложения. В настоящее время деятельность некоторых консорциумов направлена на пересмотр стратегии роста от механического присоединения новых отелей к увеличению географического охвата; спектр предлагаемых услуг совершенствуется в целях формирования комплексного предложения, обеспечивающего усиление конкурентоспособности гостиниц.

Последнее десятилетие характеризуется устоявшейся тенденцией широкого внедрения новых технологий в деловую стратегию предприятий индустрии туризма и гостеприимства (есть Интернет, системы бронирования и резервирования, создание программного обеспечения для управления предприятиями индустрии туризма и гостеприимства, социальные медиа). Данная тенденция позволяет проводить глубокую и системную экономическую диагностику деятельности субъектов хозяйствования. Благодаря быстроте передачи информации, надежности, гибкости использования и другим преимуществам, новые технологии позволили значительно расширить потенциал рынка гостиничных услуг и обеспечили слаженную работу всех департаментов предприятий, производящих гостиничный продукт и доводящих его до конечного потребителя.

Использование сети Интернет оказывает самое мощное воздействие на системы дистрибуции в туризме и обеспечивает возможность глобального доступа к гостиничным предприятиям с гораздо меньшими затратами по сравнению с традиционными системами дистрибуции. Более того, под влиянием информационных технологий происходит изменение моделей ценообразования в мировой индустрии гостеприимства: цены могут устанавливаться в режиме реального времени в соответствии с балансом спроса и предложения; ценообразование становится подвижным, гибким, с мгновенной и непрерывной связью потребителя и производителя; особую популярность получает развитие сайтов-аукционов.

Пользователи активно используют возможность бронирования и покупки услуг индустрии гостеприимства посредством сети Интернет. Согласно данным *Statista.com*, доход от онлайн-деятельности по продаже услуг индустрии туризма и гостеприимства в 2016 г. составил 186 861 млн дол. США. Ожидается, что к 2020 г. ежегодный прирост этого показателя составит 9,5 %. Наибольшая доля продаж онлайн приходится на гостиничный сектор (57 %, или 106 929 млн дол. в 2016 г.). На мировом рынке услуг онлайн-бронирования пятерка стран, лидирующих по доходу от онлайн продаж гостиничных услуг: США (38 250,8 млн дол. США), КНР (11 667 млн дол. США), Франция (5129,1 млн дол. США), Бразилия (4730,7 млн дол. США), Россия (4698,7 млн дол. США). Страны-лидеры, в которых отмечено наибольшее количество пользователей, приобретающих услуги гостиниц онлайн: Ирландия (30,8 %), Канада (29,9 %), США (28,8 %), Норвегия (27,8 %), Швеция (27,1 %) [33].

Современное высокотехнологичное гостиничное предприятие все больше зависит от команды узкоспециализированных специалистов по мере глобализации рынков и дифференциации технологий. Нынешний гость чрезвычайно требователен, в связи с чем на гостиничную администрацию возлагается нелегкая обязанность по организации совместной согласованной работы многочисленного и многонационального трудового коллектива. Недостатки управления и контроля не замедлят сказаться на качестве услуг, а значит и на уровне доходов. Эти обстоятельства обостряют проблему подбора кадров в сфере гостеприимства. Между компаниями усиливается конкуренция не только за клиентов, но и за квалифицированных, добросовестных и лояльных работников.

Тенденция к усилению компьютеризации породила новые рабочие профили в гостиничном хозяйстве. Например, в объединенных отелях класса «люкс» международной гостиничной корпорации *Hyatt Hotels Corporation* появились консьержи со знанием информатики и информационных технологий — «компсьержи» (*compcierges*). В их должностные обязанности входит оказание технической поддержки гостям в разных формах: помощь в наладке и использовании компьютерного оборудования, подключении к Интернету и электронной почте и т. д. При необходимости они могут связаться с компьютерными мастерскими и специалистами в области программного обеспечения.

Глобализация на мировом рынке гостиничных услуг содействует внедрению в деятельность отелей инновационных методов управления в целях укрепления конкурентоспособной позиции на рынке (управление качеством, знаниями, доходами и др.). К сожалению, не все техники, успешно используемые сетевыми отелями, активно применяются в независимых гостиницах разных стран мира, что вполне объ-

яснимо отсутствием финансовых, временных и человеческих ресурсов, выделяемых сетевыми отелями на проведение исследований, подготовку кадров и внедрение передовых инновационных технологий и процессов в деятельность предприятий.

В отношении Республики Беларусь и ее интеграции в международную гостиничную индустрию следует отметить, что гостиничный сектор преобладает над сектором санаторно-курортных и оздоровительных организаций по численности (53 и 47 % соответственно), номерному фонду (52 и 48 % соответственно) и темпам роста. Среднегодовой темп роста гостиниц и аналогичных средств размещения в стране в период с 2010 по 2015 г. составил 8,8 %, что на 1,1 % выше, чем санаторно-курортных и оздоровительных организаций (7,7 %); среднегодовой темп роста номерного фонда гостиниц и аналогичных средств размещения составил 6 %, что на 3,4 % выше аналогичного показателя санаторно-курортных и оздоровительных организаций [22, с. 32].

Гостиничный сектор Республики Беларусь включает 539 объектов, из которых 383 (71 %) гостиницы, гостиничные комплексы и туристическо-гостиничные комплексы; 151 (28 %) — другие виды; 5 (1 %) — мотели. Следует отметить, что территориально гостиницы и аналогичные средства размещения распределены по регионам страны относительно равномерно. Но вместе с тем абсолютное лидерство по трем выше обозначенным позициям принадлежит Минской области, включая Минск. Достаточно высокие показатели по данным позициям имеют также Витебская и Брестская области.

На протяжении последних нескольких лет рынок гостиничных услуг наиболее активно развивается в Минске. По состоянию на 1 ноября 2016 г., гостиничная сеть Минска представлена 48 отелями и 5 хостелами с номерным фондом 5600 номеров, или 10 200 мест, что соответствует показателю 5,2 места на 1000 жителей [7]. При этом аналогичный показатель в столицах соседних стран варьируется от 6 до 7,5 места на 1000 жителей: в Киеве — 6 мест, в Москве — 7,5 [7]. После того как количество гостиничных объектов в Минске возрастет до 58, количество мест увеличится до 13 000, а количество номеров — до 7000, что будет соответствовать показателю более 6,6 места на 1000 жителей.

На рынке Минска в настоящее время функционируют 5 отелей, входящих в международные гостиничные цепи (*Crowne Plaza Minsk, Renaissance Minsk Hotel, Minsk Marriott Hotel, Hampton by Hilton Minsk City Centre, Double Tree by Hilton Hotel Minsk*). Их номерной фонд — 947 номеров, или 17 % номерного фонда столицы. Проведение Чемпионата мира по хоккею в 2014 г. стимулировало рост гостиничного сектора. За исключением *Crowne Plaza Minsk* (2008 г.) все вышеперечисленные отели появились в течение последних двух лет (2014—2016 гг.).

Однако рынок гостиничных услуг белорусской столицы по сравнению со в столицами соседних стран не является насыщенным международными гостиничными брендами. Подтверждением могут служить следующие факты: по данным ежегодного исследования рынка гостиниц России, проводимого компанией *Ernst&Young*, на октябрь 2015 г. в Российской Федерации насчитывалось 152 гостиницы под управлением международных гостиничных операторов с общим номерным фондом 34 466 номеров [4, с. 1], в Литовской Республике — 18 сетевых гостиниц на 2699 номеров [37, p. 188].

Следует отметить, что уровень развития рынка гостиничных услуг Республики Беларусь с точки зрения присутствия сетевых отелей приблизительно одинаков с рынками Армении, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Сетевые отели в этих государствах расположены, как правило, в столицах и позиционируются преимущественно в верхней ценовой категории. Более высокий уровень развития рынка отмечается в Казахстане, Азербайджане, Украине и Грузии: присутствующие бренды, как правило, охватывают все сегменты — от отелей эконом-класса и средней ценовой категории до гостиниц премиум-класса. В странах СНГ и Грузии (за исключением Российской Федерации) лидирующие позиции делят между собой *Rezidor* и *Marriott*, доля каждой из которых в номерном фонде региона составляет 14 %. Сеть *Marriott* включает в себя более 2100 комнат в 12 отелях, в то время как *Rezidor* насчитывает 2050 номеров в 10 гостиницах. Самое большое число запланированных проектов в регионе — у *Accor* и *InterContinental*: каждая из групп планирует увеличить свой номерной фонд на 1500 комнат к 2020 г. [13, с. 20]. В Республике Беларусь открытие первой гостиницы французского бренда *Accor* предполагается в 2017 г. (район ул. Маяковского в Минске) [15].

Тем не менее, приход сетевых отелей значительно повлиял на конъюнктуру столичного рынка гостиничных услуг, увеличив конкуренцию на национальном уровне и создав международную конкуренцию на рынке. Произошло это в основном за счет международной известности бренда, использования централизованной системы бронирования, внедрения в работу передовых знаний в управление гостиничным предприятием (управление качеством, данными, доходами и др.), использования гибкого ценообразования, а также жесткой системы контроля и мониторинга всех процедур обслуживания. Это негативно сказалось на основных показателях функционирования предприятий гостиничного сектора столицы.

Crowne Plaza Minsk, Renaissance Minsk Hotel, Minsk Marriott Hotel функционируют на франчайзинговых условиях, *Hampton by Hilton Minsk City Centre, Double Tree by Hilton Hotel Minsk* — на условиях управления по контракту; генеральные менеджеры во всех отелях — специалисты, приглашенные из-за рубежа.

Рынок арендного жилья также имеет место в Республике Беларусь и составляет значительную конкуренцию гостиничному сектору. В Республике Беларусь к началу 2013 г. на учете в налоговых органах числилось 101 700 физических лиц, сдающих собственность в аренду, 43 % сдаваемых площадей приходятся на столицу [13]. Несколько лет назад, когда средняя стоимость номера в гостинице в г. Минске была выше 150 дол. США в сутки, посуточная аренда жилья была прибыльным бизнесом, так как средняя стоимость квартиры за сутки составляла 65 дол. США и на фоне высоких гостиничных тарифов квартиры на сутки пользовались спросом, принося высокие доходы их владельцам. Но в 2015 г. из-за кризиса в Российской Федерации квартиры в г. Минске пришлось сдавать на 30 % дешевле. Количество российских гостей сократилось на 70 %. Летом 2015 г. заполняемость квартир была на уровне 50 %, но уже осенью того же года этот показатель уменьшился вдвое [15]. В настоящее время наблюдается тенденция сокращения количества квартир, сдаваемых на сутки, по причине снижения доходности бизнеса, но вместе с тем это не означает, что арендное жилье перестает составлять конкуренцию гостиницам столицы, и в краткосрочной перспективе (1—3 лет) эта тенденция сохранится. Заметим, что, по данным на декабрь 2016 г., на сайте *airbnb.com* в Минске предлагается лишь 300 объектов для проживания со средней стоимостью 43 дол. США в сутки. И низкая стоимость является основным конкурентным преимуществом арендного жилья по сравнению с гостиницами в столице. Но принимая во внимание мировую тенденцию роста популярности компании *Airbnb*, можно предположить, что количество столичных частных объектов для проживания, зарегистрированных на данной платформе, будет увеличиваться, что лишь усилит существующий уровень международной конкуренции на столичном рынке гостиничных услуг.

Принимая во внимание вышесказанное, следует отметить, что процессы глобализации в мировой экономики оказывают воздействие на все отрасли, в том числе и на мировой рынок гостиничных услуг.

В последнее десятилетие на международном рынке гостиничных услуг сформировались следующие тенденции: создание международных гостиничных сетей; слияние крупных гостиничных корпораций; активное развитие доли рынка арендного жилья; объединение независимых отелей в гостиничные консорциумы; широкое внедрение новых информационных технологий в деловую стратегию предприятий индустрии туризма и гостеприимства; внедрение в деятельность гостиничных предприятий инновационных методов управления.

В Республике Беларусь гостиничный сектор преобладает над сектором санаторно-курортных и оздоровительных организаций по численности, номерному фонду и темпам роста. На протяжении последних нескольких лет рынок гостиничных услуг наиболее активно развивается в Минске. В настоящее время в Республике Беларуси представлено 3 международных гостиничных сети (*IHG, Marriott, Hilton*) с номерным фондом около 1000 номеров и преимущественным расположением в столице. Вместе с тем планируется открытие отеля *Hampton by Hilton* в Бресте в 2019 г. Рынок гостиничных услуг белорусской столицы не является насыщенным международными гостиничными брендами. Тем не менее, приход сетевых отелей значительно повлиял на конъюнктуру столичного рынка гостиничных услуг, увеличив конкуренцию на национальном уровне и создав международную конкуренцию на рынке.

В эпоху информационных технологий и Интернета любые изменения на глобальном уровне имеют отражение на последующих уровнях в достаточно короткие сроки, что свидетельствует о необходимости отслеживания мировых тенденций в сфере гостеприимства в целях возможной оперативной реакции на происходящие изменения.

Слияние гостиничных сетей, а также дальнейшее развитие компаний, построенных по принципу экономики совместного потребления, могут привести к существованию на рынке не просто международной, а глобальной конкуренции, что для отельеров может означать наступление нового этапа развития гостиничной индустрии, требующего кардинально новых подходов к управлению гостиничным предприятием. Конкуренция с мультибрендовой корпорацией, охватывающей все сегменты рынка, владеющей номерным фондом свыше 1 млн комнат и глобальной системой продаж, или с компаниями, построенными по принципу экономики совместного потребления, которые также в наличии имеют миллионы средств размещения разного ценового диапазона по всему миру любого типа и на любой сегмент рынка, изначально ставит прочих участников рынка в неравные условия и лишает возможности привлечения иностранных гостей, используя традиционные методы управления. Изучение изменений поведенческих особенностей потребителей, последствий интеграции информационных технологий в повседневную жизнь людей и возможного прогнозирования их дальнейшего развития, соз-

дание кардинально новых форм и концепций средств размещения, поиск и создание новых каналов продвижения и продаж, обеспечение кадровым ресурсом, обладающим определенным набором компетенций и уникальных знаний, — все это составит основу действий по обеспечению конкурентоспособной позиции участников международного рынка гостиничных услуг в условиях глобальной конкуренции.

Список использованных источников

1. Александрова, А. Ю. Международный туризм: учебник / А. Ю. Александрова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2016. — 460 с.
2. Бизнес *Airbnb* в России вырос за год в два раза [Электронный ресурс] // RATA-news. — 12.11.2015. — Режим доступа: <http://www.ratanews.travel/news/news_12112015_5.stm>. — Дата доступа: 07.12.2016.
3. Гайдукевич, Л. М. Развитие современного рынка гостиничных услуг: международный опыт и современные тенденции / Л. М. Гайдукевич, В. М. Дедок // Труды факультета международных отношений БГУ: науч. сб. Вып V. — Минск: БГУ, 2014. — С. 127—134.
4. Гостиницы под управлением международных операторов в России — 2016 [Электронный ресурс] // Эрнст энд Янг. — Режим доступа: <http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-international-hotel-brands-review-2016-rus/$FILE/EY-international-hotel-brands-review-2016-rus.pdf>. — Дата доступа: 08.10.2016.
5. Демидова, А. Сети *Marriott International* и *Starwood Hotels* объединятся в сентябре / А. Демидова, А. Филатов [Электронный ресурс] // Ведомости. — 21.09.2016. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/realty/articles/2016/09/20/657837-seti-marriott-international-starwood>. — Дата доступа: 01.12.2016.
6. Ефимова, О. П. Экономика гостиниц и ресторанов: учеб. пособие / О. П. Ефимова, Н. А. Ефимова, Т. А. Олефиренко; под ред. Н. И. Кабушкина. 4-е изд., стер. — Минск: Новое знание, 2008. — 392 с.
7. Иванюшко, А. Гостиничная сеть Минска к 2020 году увеличится до 58 объектов / А. Иванюшко [Электронный ресурс] // Агентство «Минск-Новости». — 18.11.2016. — Режим доступа: <http://minsknews.by/blog/2016/11/18/gostinichnaya-set-minska-k-2020-godu-uvelichitsya-do-58-obektov/>. — Дата доступа: 06.12.2016.
8. Кабушкин, Н. И. Менеджмент гостиниц и ресторанов: учебник / Н. И. Кабушкин, Г. А. Бондаренко. 3-е изд., перераб. и доп. — Минск: Новое знание, 2002. — 368 с.
9. Конкурентоспособность туристического комплекса Республики Беларусь / Е. Г. Кириенко [и др.]; под общ. ред. Е. Г. Кириенко, Д. Г. Решетникова. — Минск: БГПУ, 2010. — 280 с.
10. Консолидация продолжается: *AccorHotels* покупает *Swissotel*, *Fairmont* и *Raffles* [Электронный ресурс] // Хотельер Про. — 09.12.2015. — Режим доступа: <http://prohotelia.com.ua/2015/12/accor-acquires-fairmont-raffles-and-swissotel/>. — Дата доступа: 29.11.2016.
11. Котлер, Ф. Маркетинг. Гостеприимство и туризм / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз. — М.: ЮНИТИ, 1998. — 787 с.
12. Медлик, С. Гостиничный бизнес: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям сервиса (230000) / С. Медлик, Х. Инграм; пер. с англ. А. В. Павлова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. — 239 с.
13. Международные гостиничные сети в России, СНГ и Грузии 2016 г.: анализ мировых тенденций индустрии гостеприимства и их актуальность для России [Электронный ресурс] // KMPG. — Режим доступа: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/05/ru-ru-hotel-operators-cis.pdf>. — Дата доступа: 05.02.2017.
14. Нагапетян, Л. Квартиры на сутки в Минске. Занимать нишу в этом бизнесе уже поздно? / Л. Нагапетян [Электронный ресурс] // Realt.by. — 25.07.2013. — Режим доступа: <http://realt.by/news/article/12434/>. — Дата доступа: 06.12.2016.
15. Отельеры встревожены активностью *Airbnb* [Электронный ресурс] // RATA-news. — 24.02.2016. — Режим доступа: <http://www.ratanews.travel/news/news_24022016_5.stm>. — Дата доступа: 07.12.2016.
16. Отель сети *Accor* планируется открыть в Минске в 2017 году [Электронный ресурс] // БелТА. — 09.11.2016. — Режим доступа: <http://www.belta.by/regions/view/otel-seti-accor-planiruetsja-otkryt-v-minske-v-2017-godu-218335-2016/>. — Дата доступа: 10.01.2017.
17. Попкова, К. Аренда на сутки: количество квартир сокращается, но цены продолжают падать / К. Попова [Электронный ресурс] // Realt.by — Режим доступа: <http://realt.by/news/article/15986/>. — 27.10.2015. — Дата доступа: 06.12.2016.
18. Рогачев, А. Ф. Гостиничный маркетинг и конкурентноспособность сегодня / А. Ф. Рогачев, И. В. Скопина [Электронный ресурс] // frontdesk.ru: сообщество профессионалов гостиничного бизнеса. — 27.05.2007. — Режим доступа: <http://www.frontdesk.ru/article/gostinichnyy-marketing-i-konkurentnosposobnost-segodnya>. — Дата доступа: 06.12.2016.
19. Скобкин, С. С. Экономическая стратегия развития индустрии гостеприимства в Российской Федерации: методология и практика: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / С. С. Скобкин; РЭУ им. Г. В. Плеханова. — М., 2013. — 53 с.
20. Слияние: в мире появилась самая большая гостиничная корпорация [Электронный ресурс] // Квадрум.Медиа. — 23.09.2016. — Режим доступа: <https://kvadroom.media/city/48197/>. — Дата доступа: 05.12.2016.
21. Соловьев, А. Почему *Airbnb* стоит дороже *Hilton* и *Mariott* / А. Соловьев [Электронный ресурс] // Forbes. — 23.08.2016. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/kompanii/internet-telekom-i-media/326807-pochemu-airbnb-stoit-dorozhe-hilton-i-mariott>. — Дата доступа: 07.12.2016.
22. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: стат. сб. — Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. — 91 с.
23. Фролов, А. *Airbnb* привлекла 1,5 млрд дол. США при оценке 25,5 млрд дол. США — *WSJ* / А. Фролов [Электронный ресурс] // vc.ru. — 29.06.2015. — Режим доступа: <https://vc.ru/n/airbnb-15>. — Дата доступа: 07.12.2016.
24. Число клиентов *Airbnb* во Франции выросло за год на 86 % [Электронный ресурс] // Euronews. — 20.09.2016. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2016/09/20/airbnb-makes-a-french-connection-with-86-percent-rise-in-summer-bookings>. — Дата доступа: 05.12.2016.
25. Что дальше? Последствия слияния компаний *Marriott* и *Starwood* — бренды, клиенты, корпоративные тарифы. [Электронный ресурс] // Хотельер Про. — 25.11.2015. — Режим доступа: <http://hotelier.pro/news/item/699-marriott-starwood/699-marriott-starwood>. — Дата доступа: 29.11.2016.
26. Чудновский, А. Д. Франчайзинг — эффективная форма управления в гостиничном и туристском бизнесе / А. Д. Чудновский, М. А. Жукова. — М.: КНОРУС, 2016. — 210 с.
27. Щетинина, К. И. Тенденции развития Европейского рынка гостиничных услуг: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / К. И. Щетинина. — М., 2016. — 192 л.

28. Экономика и организация туризма: международный туризм / И. А. Рябова [и др.]; под ред. И. А. Рябовой. 4-е изд., испр. и доп. — М.: КНОРУС, 2016. — 566 с.
29. Экономика туризма: учебник / М. А. Морозов [и др.]. — М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. — 320 с.
30. *Airbnb* стал популярен в Португалии [Электронный ресурс] // Слово. — 27.09.2016. — Режим доступа: <http://gazetaslovo.com/газета/item/airbnb-stal-populyaren-v-portugalii.html>. — Дата доступа: 01.12.2016.
31. Benchmarking Travel&Tourism. How does Travel&Tourism compare to other sector? Global Report [Electronic resource] // World Travel & Tourism Council. — May 2015. — Mode of access: <http://www.wttc.org/-/media/files/reports/benchmark-reports/regional-results-2015/global-benchmarking-report-2015.pdf>. — Date of access: 20.11.2016.
32. Fastest-growing destination neighborhoods for Airbnb bookings worldwide in 2015 [Electronic resource] // Statista. — Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/517133/fastest-growing-destinations-for-airbnb-bookings/>. — Date of access: 27.11.2016.
33. Global Comparison — Revenue [Electronic resource] // Statista. — Mode of access: <https://www.statista.com/outlook/267/100/hotels/worldwide#market-global>. — Date of access: 20.11.2016.
34. Global Hospitality Insight: Top 10 Thoughts for 2016. Management. — EYGM Limited, 2016. — 22 p.
35. Hotel Investment Outlook 2016. Hotels & Hospitality Group [Electronic resource] // hospitalitynet. — January 2016. — Mode of access: <http://www.hospitalitynet.org/file/152006078.pdf>. — Date of access: 20.11.2016.
36. How many hotels in the world are there anyway? Booking.com keeps adding them [Electronic resource] // Tnooz. — 26.03.2012. — Mode of access: <https://www.tnooz.com/article/how-many-hotels-in-the-world-are-there-anyway-booking-com-keeps-adding-them/>. — Date of access: 12.12.2016.
37. Kučinskienė, M. Will lithuania's hotel industry grow? / M. Kučinskienė, A. Mačerinskienė [Electronic resource] // Regional formation and development studie. — 2013. — Vol. 9, N 1. — Mode of access: <http://journals.ku.lt/index.php/RFDS/article/view/604/pdf>. — Date of access: 20.11.2016.
38. McCarthy, N. Which Cities Have The Most Airbnb Listings? / N. McCarthy [Electronic resource] // Statista. — Mode of access: <https://www.statista.com/chart/5204/which-cities-have-the-most-airbnb-listing/>. — Date of access: 29.11.2016.
39. OECD Tourism Trends and Policies 2016. — Paris: OECD Publishing, 2015. — 384 p.
40. Revenue of selected leading hotels worldwide in 2015 (in billion U.S. dollars) [Electronic resource] // Statista. — Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/273064/revenue-of-the-largest-hotel-groups-worldwide/>. — Date of access: 29.11.2016.
41. Sharing economy [Electronic resource] // Oxford dictionaries. — Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/ru/определение/английский/sharing-economy?q=sharing+economy&searchDictCode=all>. — Date of access: 03.12.2016.
42. Travel & Tourism. Economic impact 2016. Annual update summary 2016 [Electronic resource] // World Travel & Tourism Council — Mode of access: <http://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/2016-documents/economic-impact-summary-2016_a4-web.pdf>. — Date of access: 22.11.2016.
43. Worldwide hotel supply 2016: Latin America and Asia drive growth in the global supply [Electronic resource] // Hospitality On. — Mode of access: <http://hospitality-on.com/en/news/2016/07/07/worldwide-hotel-supply-2016-latin-america-and-asia-drive-growth-in-the-global-supply/>. — Date of access: 13.12.2016.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации**;

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2016 № 3-4 (78-79) июль—декабрь

Подписано в печать 20.03.2017 г. Выход в свет в марте—апреле 2017 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Georgia.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,09. Тираж 100 экз. Заказ № 111.
Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «НиктаграфиксПлюс».
ЛП № 02330/0494134 от 03.04.2009.
220030, г. Минск, ул. Краснозвездная, 5/1Н-5, тел.: +375 17 226 32 67

Распространяется бесплатно